

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T **Том 2, № 1(7), 2016**

ВОПРОСЫ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL
AND APPLIED
LINGUISTICS

ISSN 2313-8912

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Сайт журнала:
rr.bsu.edu.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Том 2, №1(7). 2016

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2313-8912

Volume 2, № 1(7). 2016

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Деревянко Ю.С.**
РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор
Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор
Багана Ж., доктор филологических наук, профессор
Беседина Н.А., доктор филологических наук
Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор
Дьяченко Т. Д., кандидат филологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виноградов В.А., доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Россия
Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, Германия
Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, Россия
Воркачев С.Г., доктор филологических наук, профессор, Россия
Гренарова Ренеэ, доктор педагогики, доктор философии, Чешская Республика
Златев Дж., доктор философии, профессор, Швеция
Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, Россия
Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Россия
Пернель Б., доктор филологических наук, профессор, Франция
Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Россия
Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор Словакия, Украина
Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Словакия
Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Польша

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich**, Ph.D. in Philology, Associate Professor
EXECUTIVE SECRETARY: **Yulia S. Derevyanko**
ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD:

Alexandr M. Amатов, Doctor of Philology, Professor
Jerome Baghana, Doctor of Philology, Professor
Elena A. Oгнева, Doctor of Philology, Professor
Natlia A. Besedina, Doctor of Philology, Professor
Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor
Tatiana D. Dyachenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor

CONSULTING EDITORS:

Beatrix Pernelle, Doctor of Philology, Professor, France
Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, Germany
Jana Sokolova, Candidate of Philology, Professor, Slovak Republic
Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Sweden
Nataliya I. Panasenko, Doctor of Philology, Professor, Slovak Republic, Ukraine
Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, Russia
Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Russia
Renée Grenarová, PaedDr, PhD, Assistant Professor, Czech Republic
Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Krasnodar
Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Russia
Victor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Russian Academy of Sciences
Corresponding Member, Russia
Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Russia
Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, Poland

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

SECTION I. METHODOLOGY OF LINGUISTICS

<i>Барбина Н.С.</i> Методологический ресурс общего лингвистического контекста в исследовании языковой интеракции	3	<i>Barebina N.S.</i> Methodological Resource of Common Linguistic Context in the Study of Language Interaction	3
<i>Григоренко Н.В., Камышанченко Е.А.</i> Исследование механизма формирования абстрактного концепта (на примере концепта «Envy»)	10	<i>Grigorenko N.V., Kamyshanchenko E.A.</i> Studying the Mechanism of Formation of an Abstract Concept (Using the Example of the Concept "Envy")	10
<i>Нагорный И.А.</i> Русские частицы и речевая ситуация оценочной квалификации события	15	<i>Nagornyy I.A.</i> Russian Particles and the Speech Situation of Evaluative Qualification of Events	15

РАЗДЕЛ II. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ПРАГМАТИКА

SECTION II. COGNITIVE LINGUISTICS AND PRAGMATICS

<i>Kozlova L.Ya.</i> Conceptual Metaphor in George Orwell`s Political Dystopia "Animal Farm"	23	<i>Kozlova L.Ya.</i> Conceptual Metaphor in George Orwell`s Political Dystopia "Animal Farm"	23
<i>Огнева Е.А.</i> Когнитивная сцена как формат репрезентации религиозного знания (на материале проповеди митр. Антония Сурожского «Sunday before Pentecost»)	31	<i>Ogneva E.A.</i> Cognitive Scene as a Format of Religious Knowledge Representation (Based on the Sermon «Sunday Before Pentecost » by Metropolitan Anthony of Sourozh)	31
<i>Тупикова С.Е., Семухина Е.А.</i> О когнитивных механизмах формирования тревожной тональности англо- и франкоязычного публицистического дискурса	39	<i>Tupikova S.E., Semukhina E.A.</i> Cognitive Mechanisms of Anxious Tonality Formation in English and French Publicistic Discourse	39
<i>Чекулай И.В., Прохорова О.Н.</i> Ценностно-деятельностные метафорические модели в создании системы ценностных концептов английского языка	44	<i>Chekulai I.V., Prokhorova O.N.</i> Metaphorical Models of Value and Activity in Creating a System of Value Concepts in the English language	44

РАЗДЕЛ III. ЭТНОЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

SECTION III. ETHNOLINGUISTICS AND CULTURAL LINGUISTICS

<i>Мишанова Ю.В.</i> Возможные причины различия в типах выражения категории числа в английском и немецком языках	48	<i>Mishanova I.V.</i> Possible Reasons for the Differences in the Types of Expression of Expression of the Category in English and German	48
<i>Сопова И.В.</i> Фразеология и лингвокультура в формате политического дискурса	53	<i>Sopova I.V.</i> Phraseology and Culture in the Format of Political Discourse	53
<i>Суюнова Г.С.</i> О критериях классификации урбонимов Павлодара	59	<i>Suyunova G.S.</i> The Criteria for Classification of Urbonims of Pavlodar	59
<i>Ухова Л.В.</i> Модель описания языковой личности медиаперсоны	65	<i>Ukhova L.V.</i> The Model of Describing the Linguistic Personality of a Media-person	65
<i>Чиковани Т.В.</i> Языковая личность православного проповедника как значимый лингвоформат религиозного дискурса (на материале проповеди архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Воино-Ясенецкого) «Печаль яже по Бозе и печаль мирская»)	72	<i>Chikovani T.V.</i> Linguistic Personality of an Orthodox Preacher as a Meaningful Linguoformat of Religious Discourse (on the Material of the Sermon "Distress in a Way That God Approves and the World's Kind of Distress" by Archbishop Luka of Simferopol and Crimea (V.F. Voyno-Yasenetsky))	72

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. METHODOLOGY OF LINGUISTICS

УДК 81'22

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-3-9

Баребина Н.С.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ОБЩЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
КОНТЕКСТА В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРАКЦИИ

доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук.
Байкальский государственный университет, ул. Ленина, д. 11, г. Иркутск, 664003, Россия, info@isea.ru
Электронный адрес: svirel23@rambler.ru

Аннотация

Современное состояние лингвистической науки характеризуется значительной вариативностью научных школ и подходов. При этом исследование проблем коммуникации остается одним из актуальных направлений в научном поиске. Устойчивый интерес ученых к диалогическим отношениям является общим методологическим контекстом и платформой для обсуждения вопросов языкового взаимодействия с точки зрения разных научных позиций. Тенденция к исследованию вопросов языковой сложности, динамичности, нелинейности влечет за собой необходимость разработки соответствующих лингвистических технологий. Моделирование является одним из конкурентоспособных методов исследования языкового взаимодействия. В статье аргументируется адекватность разработки научного конструкта «динамическая диалогическая система». Приводится ряд методологических оппозиций, которые могут быть использованы в качестве методологических ориентиров для разработки уровней системы. Утверждается важность преемственности и непротиворечивости в научном описании языковой коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация; общение; лингвистические технологии; диалогические и монологические теории.

Barebina N. S.

METHODOLOGICAL RESOURCE OF COMMON LINGUISTIC
CONTEXT IN THE STUDY OF LANGUAGE INTERACTION

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Baikal National University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, Russia. E-mail: svirel23@rambler.ru

Abstract. The current state of linguistic science is characterized by considerable variability of scientific schools and approaches. Wherein, the study of the problems of communication remains one of the important trends in the scientific search. Sustained scientists' interest to the dialogical relationship is a general methodological context and a platform for discussion issues of the language interaction in terms of the different academic positions. The tendency to study the issues of linguistic complexity, dynamics, and nonlinearity entails the development of appropriate language technologies. Modeling is one of the competitive research methods of linguistic interaction. The paper argues in favour of the adequacy of the development of the «dynamic dialogic system» scientific construct. We present a number of methodological dichotomies that can be used as methodological guidelines for the system levels design. It is argued that continuity and consistency in the scientific description of linguistic communication is a matter of great importance.

Key words: communication; conversation; linguistic technologies; dialogic and monologue theories.

Введение

Целью данной публикации является рассмотреть положение дел в практике моделирования языковой интеракции и обосновать разработку исследовательского конструкта «динамическая диалогическая система». Представим два момента, которые послужат отправными точками для последующих рассуждений. Во-первых, современными исследователями не раз высказывалась мысль о том, что состояние лингвистической науки и когнитивной лингвистики как одной из ее ведущих парадигм находится в кризисном состоянии. Основания для опасений можно разделить по двум направлениям: разрозненность и методологическая несовместимость теорий и отсутствие единого взгляда относительно предметной области лингвистики.

Первое направление связано с явным отсутствием консенсуса между представителями разных научных школ. Так, А.Д. Кошелев на основании сопоставительного анализа ряда теорий выявляет их антагонизм в разных аспектах языка. Исследователь отмечает рост числа несовместимых лингвистических теорий и призывает сформировать единую теорию, которая бы учитывала совокупность наиболее существенных свойств языка [12]. Сходно с А.Д. Кошелевым мыслит Н.Н. Болдырев, анализирующий развитие когнитивного подхода к языку в отечественном языкознании за последнее десятилетие и отмечающий, что одной из важнейших задач когнитивной лингвистики на современном этапе является новое осмысление полученных в ходе различных исследований данных в контексте единой теории репрезентации и оперирования знанием в языке [4]. Л.В. Бронник в качестве одной из причин возникновения лингвосинергетики отмечает методологический кризис, охвативший языкознание [5]. В.В. Колесов, изучая русские концепты, обнаруживает, что, несмотря на обилие и авторитетность текстов, специальная литература по этому вопросу слишком противоречива и не сводится хотя бы к ограниченному кругу общепринятых теоретических положений [9].

Второе направление связано с изменяющимися представлениями о предметной области языкознания. Нельзя игнорировать растущее количество публикаций, где исследователи в разговорах о своем объекте прибегают к трактовке языка как интеракционного поведения, фокусируются на взаимодействиях и контекстах разного рода, включая материальные артефакты, указывают на важность взаимодействий тела с окружающей

средой для порождения смыслов [13, 10, 22, 28]. Эти работы формируют новую повестку дня для наук о языке, где подвергаются пересмотру традиционные взгляды о локализации и природе когниции, функции языка, понимании языковой коммуникации, рассматриваются нехарактерные для лингвистики основного направления вопросы распределенности языковых взаимодействий, физической контекстуализированности и ряд других. Нарботки в этой области позволяют говорить о формировании биокогнитивного направления в лингвистике, которое сопряжено с теорией распределенной когниции, биологией познания, лингвоэкологией.

Вторая идея статьи заключается в том, что, несмотря на различие мнений, подходов и методов, представители самых разных лингвистических школ сходятся во мнении относительно важности исследования вопросов языковой интеракции. Следовательно, этот общий методологический контекст можно рассматривать как некоторую платформу для обмена разными идеями в науке о языке, что, в свою очередь могло бы примирить взгляды разных исследователей. Однако работа в этом направлении способствует конструктивному диалогу только при условии решения таких задач, как разработка единого понятийного аппарата, обзор и усовершенствование лингвистических технологий, в том числе инвентаризация схем коммуникации.

Материалы и методы исследования

В статье выдвигается тезис о том, что в научном описании коммуникативного процесса происходят определенные изменения, что неизбежно повлечет за собой изменения лингвистических технологий, и, в частности, методов моделирования, которые остаются одними из актуальных в гуманитарных исследованиях. Нами были проанализированы отечественные и зарубежные материалы, касающиеся изучения языкового взаимодействия через когнитивные исследования, включающие исследование вопросов трансфера знаний. Выбор методов лингвистического анализа обусловлен целью работы и характером решаемых в ней задач. Наряду с общенаучными методами (сравнение и обобщение, анализ и синтез), использовался метод интерпретации и лингвистического моделирования.

Лингвистические технологии

Приведем высказывание Е.С. Кубряковой о том, что «языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех

случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [17 с. 16]. Данное высказывание, со всей очевидностью означает, что любое языковое явление лучше изучать, поместив его в некоторую диалогическую среду. Это вполне соответствует принципам диалогических подходов к языку, которые занимают ведущее положение в научном поиске. Логично предположить, что именно этот контекст является своеобразным общим местом, принимаемым представителями разных научных позиций. Действительно, анализ диалогического взаимодействия имеет сложившуюся практику изучения в рамках таких научных направлений, как теория дискурса, разговорный анализ, грамматика диалогических отношений. Однако в этой «диалогической общности» кроется опасность серьезного методологического просчета в отношении эффективности научных методов.

Рассмотрим приведенную П. Линеллом дихотомию «монологические теории – диалогическая теория» [19 с. 42]. Продолжим разворачивать оппозицию в отношении второго члена дихотомии. Для этого приведем цитату из работ М.М. Бахтина. «Диалогические отношения, – пишет языковед, – явление гораздо более широкое, чем отношения между репликами композиционно выраженного диалога, это – почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение» [3 с. 51]. Следовательно, если языковое взаимодействие проанализировано в рамках диалогического обмена репликами, то это вовсе не означает того, что оно проанализировано с точки зрения диалогического подхода. П. Линелл указывает, что ключевым в диалогическом подходе, является то, что он «подчеркивает роль «других, других человеческих существ, которые прямо или опосредованно влияют на порождение смыслов индивидом» [19 с. 43]. В этой связи уместно сказать о «методологическом индивидуализме», преобладание которого в когнитивной науке констатируют Х. Егер и Ди Паоло [23]. Методологического индивидуализма не удастся избежать, если рассматривать языковую коммуникацию как субъектно замкнутый мыслительный процесс [2, с. 23]. Такой подход подразумевает исследование процессов, которые локализованы в голове (мозгу) человека, участвующего в коммуникации. В этом процессе эксплицируется и инструменталистское понимание языка как средства для передачи мысли. Адресант передает когнитивный продукт адресату с помощью языковых форм. Адресат обрабатывает полученную

информацию, далее этот процесс реверсируется. Другой иллюстрацией методологического индивидуализма по мнению П. Линелла является «организмо- или мозгоцентрическая теория Кларка», где речь идет о познающих личностях, а сознание рассматривается с позиций первого лица [19, с. 42-43].

Неоднозначной является и роль «человеческого фактора в языке». Считаем справедливым мнение В.С. Ли относительно того, что основная характеристика этого фактора связана с проблемой «язык и человек», где акцент ставится в зависимости от той или иной научной школы то на первом, то на втором компоненте этого дихотомического единства. Соответственно, эти два аспекта проблемы отражают разные подходы к языку, которые можно назвать лингвоцентрическими и антропоцентрическими [18, с. 374]. Так как антропоцентрические подходы оказываются сосредоточенными на индивидуальном описании лингвистической природы человека, и человек оказывается началом отсчета всех категориальных координат языка, даже самые диалогически ориентированные воззрения остаются ограниченными рамками «методологического индивидуализма».

Итак, в отношении второго компонента дихотомии, выявляемой П. Линеллом, а именно «диалогической теории» можно установить еще одно разветвление. Научные подходы в этой области являются монологически ориентированными и диалогически ориентированными. Первые анализируют диалогические отношения с точки зрения участника/участников диалога и при всей «диалогичности» продолжают оставаться индивидуально ориентированными. В противоположность им, вторые подчеркивают роль других и среды, фокусируясь на языковых взаимодействиях с другими субъектами в языковой среде, обусловленной социокультурным контекстом.

Категориально-понятийные различия в основании исследования языкового взаимодействия

Анализ работ А.В. Колмогоровой, А.В. Кравченко [11, 14] и др. позволяет говорить о качественном различии в исследованиях языкового взаимодействия, которое результирует в дихотомию (языковая) коммуникация vs (языковое) общение. Языковая коммуникация ассоциируется с предметной областью информационных процессов. Такая перспектива

предполагает исследование той грани языкового взаимодействия, где язык используется в качестве кода для кодирования и декодирования передаваемых мыслей. Ключевыми в этих процессах являются такие понятия, как информация, сообщение, адресант, адресат, код, с помощью которых и исследуется процесс коммуникации с позиций экстраполированного из кибернетики на язык взгляда на языковое взаимодействие. Языковое общение соотносится с той гранью человеческой интеракции, где исследуется межличностное взаимодействие, которое не может и не должно исследоваться с точки зрения информационно-символических процессов. Об этом говорит и рост числа публикаций, анализирующих полимодальные компоненты коммуникации, невербальное речевое поведение. Например, А. Пиз со ссылкой на исследования А. Мехрабиана приводит данные, согласно которым успешность языковой коммуникации в ситуации конфронтации меньше чем на 10 % зависит от собственно вербальных средств (слов), зато почти на 40 % определяется просодическими средствами и на 55 % – невербальными, т. е. ситуативным контекстом [21]. Многочисленные попытки усовершенствовать и доработать базовую информационно-кодую модель коммуникации Шеннона-Уивера также свидетельствуют о недовольстве ученых результатами ее применения к естественному языку.

В связи с вышесказанным отметим выявленный А.В. Кравченко «эпистемологический парадокс», заключающийся в одновременном существовании слов *общение* и *коммуникация*, которые часто понимаются как синонимы, но не являются таковыми [14, с. 87].

А.В. Колмогорова, анализируя динамику и трансформацию ключевых «коммуникативных» метафор в лингвистической литературе, отмечает тенденцию противопоставления языковой коммуникации и языкового общения, констатируя при этом формирование новой модели коммуникации, характеризующейся холистичностью [11].

В.И. Заботкина рассматривает получившую в последнее время признание гипотезу динамических систем в применении к когнитивной науке и приводит ряд положений, согласно которым эта гипотеза является альтернативой по отношению к традиционным моделям когниции как систем переработки информации. Одной из черт динамических систем является то, что они не носят компьютерный или алгоритмический характер.

По мнению ученого перед лингвистами стоит задача развития динамического подхода к изучению новых моделей порождения и трансфера знания посредством дискурса [7 с 46]. Т. ван Гельдер считает, что модель динамических систем со временем полностью заменит вычислительные модели [25]. В работе С.В. Стеффенсена [27] анализируются диалогические системы как социальные структуры.

Для научной школы Е.С. Кубряковой характерен отход от рассмотрения языка и сознания как компьютерных систем, которые занимаются исключительно обработкой и хранением информации, в научное описание коммуникации входит дискурсивная составляющая.

Существует сложившаяся традиция научного описания языкового взаимодействия с точки зрения трансфера знаний. При этом Ж.Н. Маслова, рассматривая феномен знания, приходит к выводу о том, что «процесс обработки, оперирования и передачи знания не совсем линейен и не укладывается в рамки рациональной логики». Такое положение дел ученый связывает со спецификой когнитивной среды, которая рассматривается наряду с понятием распределенного знания. Ученый приводит примеры сфер жизни человека, в которых трансфер знания осуществляется преимущественно в образной форме [20, с. 421-422].

А.А. Залевская, рассматривая динамику подходов к проблеме знания, приводит данные относительно общего направления поступательного движения от единой науки через ее дисциплинарную дифференциацию и реинтеграцию к подлинной интеграции. По мысли ученого можно наблюдать следующий сдвиг: единая наука (философия) – дифференциация (специализация) наук – реинтеграция 1 (кибернетический этап) – реинтеграция 2 (когнитивизм) – реинтеграция 3 (когнитивная наука) – подлинная интеграция наук (взаимосвязь природы, индивида и общества) [8, с. 17-18].

Лингвосинергетика как одно из наиболее динамично развивающихся направлений также отождествляется с нелинейным мышлением, где моделируются нелинейные свойства лингвокогнитивных объектов [6].

Противоречивым вопросом в лингвистике является и вопрос о функциях языка в языковом взаимодействии. В большом количестве современных отечественных и зарубежных исследований [16, 26, 24] и др. утверждается

приоритет ориентирующей функции языка в процессе языкового взаимодействия. По мысли Е.С. Кубряковой ориентирующую функцию языка следует понимать как высшую функцию языка [16 с. 8]. Данной функции соответствует ориентирующее языковое воздействие. В такой перспективе языковое взаимодействие представляет собой «средство ориентирования в мире себя и других с целью наилучшим образом приспособиться к среде, а в дальнейшем – перейти к управлению ею» [15, с. 169]. В соответствии с этим описание языкового взаимодействия с точки зрения информационно-символьных процессов и с помощью соответствующей модели становится методологически необоснованным по ряду причин, среди которых назовем лишь две.

Во-первых, понимание естественного языка как «акустических структур, порождаемых, воспринимаемых и узнаваемых как таковые в динамически сложном контексте взаимодействий (включающем физический, биологический, эмоциональный, социокультурный, онтогенетический, исторический и многие другие аспекты) [15, с. 165], оказывается гораздо шире, чем понимание языка как набора символов, системы вербальных структур, используемых для кодирования информации.

Во-вторых, целью языкового взаимодействия далеко не всегда является передача какой-либо информации. По мысли И.К. Архипова адекватное осмысление коммуникантами своих наблюдений оказывается возможным благодаря совпадению объема и содержания их жизненного опыта, благодаря этому приемник сообщения приписывает наблюдаемым событиям коммуникативного акта свой смысл, который, как правило, в достаточной степени совпадает с тем, что был задуман отправителем [1, с. 266].

Интерпретация результатов

Представленный анализ позволяет утверждать, что при значительном разнообразии академических воззрений на языковую коммуникацию диалогическая плоскость является общим лингвистическим контекстом. Работы ученых в этой области показывают тенденцию к исследованию вопросов языковой сложности и динамичности, интерес к нелинейным, немеханическим, многомерным свойствам языковых взаимодействий. Обращение к этим проблемам вполне соответствует общей динамике подходов в научном знании, выявленным А.А. Залевской, и представляет собой закономерный процесс перехода к исследованию взаимосвязи

природы, индивида и общества. Логичным следствием является необходимость использования соответствующих лингвистических технологий. Например, использование информационно-кодовой модели коммуникации обоснованно для анализа социотехнических практик, но, как было отмечено в статье, эта же модель неизменно будет давать сбои, если рассматривать языковое взаимодействие с точки зрения ориентирующей функции языка. Анализ литературы позволил выявить оппозицию «монологически ориентированных и диалогически ориентированных» подходов. В статье представлен и ряд других оппозиций, которые могут быть использованы в качестве ориентиров для отделения эвристически актуальных методов и моделей коммуникации.

Другой важный момент на данном этапе мы усматриваем в том, что ученые констатируют потребность в разработке идеи динамических систем. Важность этой идеи состоит в том, что именно системное рассмотрение языкового взаимодействия обладает большим научным потенциалом. Считаем, перспективным разработку исследовательского конструкта «диалогическая динамическая система», который позволил бы изучать разные грани языкового взаимодействия. Указанный конструкт должен объединить данные разных подходов к коммуникации, включая исследование линейных, механических свойств системы, а также монологические языковые ресурсы. Другим аргументом в пользу разработки конструкта «диалогическая динамическая система» является то, что упомянутая тенденция к исследованию языкового взаимодействия с учетом принципов диалогизма связана с такими направлениями гуманитарного знания, как биокогнитивный подход, лингвосинергетика, теория распределенной когниции и др. Известно, что эти направления в проекции на лингвистику находятся в стадии методологического становления и требуют разработки методов анализа.

Заключение

Таким образом, мы имели возможность наблюдать определенные изменения в подходах к языковой коммуникации и констатировать сдвиг интереса исследователей в направлении вопросов языковой сложности и нелинейности. Можно прогнозировать важную роль разработки лингвистических технологий в этой области. В частности, представляется своевременным ставить вопрос о назревшей необходимости

разработки многоуровневого объяснительного конструкта «диалогической динамической системы», который, безусловно, учитывая наработки монологических подходов, позволит преодолеть традиции исключительно, индивидуально ориентированного и линейного подхода к процессам коммуникации.

Список литературы

1. Архипов И.К. Семантические и когнитивные структуры: онтология и функции // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2015. С. 261-270.
2. Баребина Н.С. Модели коммуникации в научном поиске в современных лингвистических исследованиях // Новая наука: от идеи к результату. Стерлитамак. РИЦ АМИ. 2015. С. 21-25.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений. Работы 1960-х – 1970-х годов. Т.6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002.
4. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №1. С. 5-13.
5. Бронник Л.В. В поисках единицы языкового общения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №106. С. 83-89.
6. Бронник Л.В. Когнитивная лингвосинергетика – новый этап в науке о языке и мышлении // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. Вып. 10 (38). С. 29-31.
7. Заботкина В.И. К вопросу о динамической модели порождения и трансфера знания посредством дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII : Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2015. С. 39-47.
8. Залевская А.А. Проблема знания в различных ракурсах // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск: Изд-во БГУЭП. 2009. С. 14-65.
9. Колесов В.В. Когнитивистика в аспекте терминологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №1. С.48-54.
10. Колмогорова А.В. «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределённой модели языка и когниции. М.: Флинта: Наука. 2013. 168 с.
11. Колмогорова А.В. Концепции и модели коммуникации в современном гуманитарном знании // Вестник науки Сибири. 2012. №1(2). С. 272-277.
12. Кошелев А.Д. Современная теоретическая лингвистика // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 6. С. 3-22.
13. Кравченко А.В. Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №1. С. 55-63.
14. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. 320 с.
15. Кравченко А.В. О предметной области языкознания // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М. : Языки славянских культур. 2015. С. 155-172.
16. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. №1. 2009. С. 5-12.
17. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 6-17.
18. Ли В.С. О лингвоцентрическом и антропоцентрическом подходах к языку (к вопросу о человеческом факторе в языке) // Материалы Международной научно-практической конференции «Интеграция отечественной науки в мировую : проблемы, тенденции и перспективы». М.: Издательский дом «Научное обозрение». 2014. С. 372-382.
19. Линелл П. Два взгляда на природу языка: формальная лингвистика (с ее письменно-языковой предвзятостью) vs диалогическая лингвистика // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 3. М.: Флинта: Наука. 2013. 270 с.
20. Маслова Ж.Н. К вопросу о возможностях трансфера знаний в форме языкового образа // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2015. С. 417-426.
21. Пиз А. Язык телодвижений: Как читать мысли окружающих по их жестам. М.: ЭКСМО, 2003. 188 с.
22. Cowley S.J. The codes of language: turtles all the way up? // *The Codes of Life / M. Barbieri (Ed.)*. Berlin: Springer. 2007. P. 319-345.
23. De Jaegher H. Participatory sense-making: an enactive approach to social cognition. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. №6. P. 485-507.
24. *Distributed language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 2011. 220 p.
25. Gelder T. van. The dynamical hypothesis in cognitive science // *Behavioral and brain sciences*. 1998. vol. 21. Issue 5. P. 615-628.
26. Steffensen S.V. Beyond mind: an extended ecology of languaging // *Distributed Language // S.J. Cowley (ed.)*. Amsterdam, John Benjamins. 2011. P. 185-210.
27. Steffensen S.V. Care and conversing in dialogical systems // *Language Sciences*. 2012. 34. P. 513-531.
28. Thibault P. *Brain, Mind and the Signifying Body: An ecosocial and semiotic theory*. London : Continuum. 2004. 219 p.

References

1. Arhipov I.K. Semantic and Cognitive Structures: Ontology and Functions // *Cognitive Studies of Language*. V. XXIII: Linguistic Technologies in Humanitarian Researchers. M.: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Tambov : Publishing House of TSU named after G.R Derzhavin. 2015. Pp. 261-270.
2. Bahtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics // *Collected works. Works of 1960-1970 years*. V.6. M.: Russian Dictionaries. Languages of Slavonic Cultures. 2002. 799 p.
3. Barebina N.S. Models of Communication in Scientific Research in Modern Linguistic Researches // *The New Science: from the Idea to the Result*. Sterlitamak. RIC AMI. 2015. Pp. 21-25.
4. Boldyrev N.N. Current Problems of Cognitive Linguistics at the Present Stage // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2013. №1. Pp. 5-13.
5. Bronnik L.V. Cognitive Linguosynergetics – a New Stage in the Science of Language and Thinking // *Bulletin of Adygeya State University*. 2008. Issue 10 (38). Pp. 29-31.
6. Bronnik L.V. In Search of a Unit of Linguistic Communication // *Proceedings of the Russian Pedagogical University named after A.I. Gercen*. 2009. №106. Pp. 83-89.
7. Zabotkina V.I. Towards Dynamic Model of Knowledge Generation and Transfer by Discourse // *Cognitive Studies of Language*. V. XXIII : Linguistic Technologies in Humanitarian Researchers. M. : Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Tambov: Publishing House of TSU named after G.R Derzhavin. 2015.
8. Zalevskaya A.A. The Problem of Knowledge in Various Angles // *Studia linguistica cognitiva*. Issue 2: The science of language in the changing paradigm of knowledge. Irkutsk : BNUEL. 2009. Pp. 14-65.
9. Kolesov V.V. Cognitive Science in the Aspect of Terminology // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2013. №1. Pp.48-54.
10. Kolmogorova A.V. «Mother`s language»: the Practice of Maternal Communication in the Context of a Distributed Model of Language and Cognition. M.: Flinta: Nauka. 2013. 168 p.
11. Kolmogorova A.V. Concepts and Models of Communication in the Contemporary Humanities // *Vestnik nauki Sibiri*. 2012. №1(2). Pp. 272-277.
12. Koshelev A.D. Modern Theoretical Linguistics // *Izvestiya RAN. Series of Literature and Language*. 2013. V. 72. № 6. Pp. 3-22.
13. Kravchenko A.V. Cognitive Linguistics Horizon. Irkutsk : BSUEL, 2008. 320 p.
14. Kravchenko A.V. On the Subject Matter of Linguistics // *Language and Thought : Modern Cognitive Linguistics*. M. : Languages of Slavonic Culteres. 2015. Pp. 155-172.
15. Kravchenko A.V. The Biological Reality of Language // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2013. №1. Pp. 55-63.
16. Kubryakova E.S. In Search of the Essence of the Language // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. №1. 2009. Pp. 5-12.
17. Kubryakova E.S. On the Cognitive Science and Current Problems of Cognitive Linguistics // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2004. №1. Pp. 6-17.
18. Li V.S. About Lingvocentric and Anthropocentric Approaches to Language (to the question about the human factor in language) // *Proceedings of the International scientific-practical conference «Integration of Russian science in the world: Challenges, Trends and Prospects»*. M.: Publishing house «Nauchnoe obozrenie». 2014. Pp. 372-382.
19. Linell P. Two Views on the Nature of Language: Formal Linguistics (and its written-language bias) vs dialogical linguistics // *Studia linguistic cognitiva*. Issue. 3. M.: Flinta: Nauka. 2013.270 p.
20. Maslova Zh.N. Revisiting the Possibility of Knowledge Transfer in the Form of Linguistic Image // *Cognitive Studies of Language*. V. XXIII : Linguistic Technologies in Humanitarian Researchers. M.: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Tambov: Publishing House of TSU named after G.R Derzhavin. 2015. Pp. 417-426.
21. Piz A. Body Language: How to Read the Thoughts of others in their Gestures. M.: EHKSMO, 2003. 188 p.
22. Cowley S.J. The Codes of Language: Turtles all the Wsay up? // *The Codes of Life / M. Barbieri (Ed.)*. Berlin: Springer. 2007. R. 319-345.
23. De Jaegher H. Participatory sense-making: an enactive approach to social cognition. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. №6. P. 485-507.
24. Distributed language / S.J. Cowley (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 2011. 220 p.
25. Gelder T. van. The dynamical hypothesis in cognitive science // *Behavioral and brain sciences*. 1998. Vol. 21. Issue 5. P. 615-628.
26. Steffensen S.V. Beyond mind : an extended ecology of languaging // *Distributed Language*. Amsterdam, John Benjamins. 2011. P. 185-210.
27. Steffensen S.V. Care and conversing in dialogical systems // *Language Sciences*. 2012. 34. P. 513-531.
28. Thibault P. Brain, Mind and the Signifying Body: An ecosocial and semiotic theory. London : Continuum. 2004. 219 p.

УДК 800

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-10-14

Григоренко Н.В.
Камышанченко Е.А.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ
АБСТРАКТНОГО КОНЦЕПТА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ENVY»)

- 1) доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент
- 2) доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, кандидат филологических наук
Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет» / «БелГУ»
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. grigorenko@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье выявляются закономерности и особенности структурирования абстрактного концепта социально-бытийной направленности «envy». При анализе исследуемого концепта учитывается не только лингвистический, но и экстралингвистический аспекты, а именно: философский, психологический и социально-теологический.

Семантический и синтагматический анализ лексического коррелята каждого структурного уровня концепта позволяет выделить общие категориальные признаки исследуемого концепта, единство которых определяется тремя концептуальными компонентами, прослеживающими сходство между всеми его лексемами-репрезентантами.

Исследование сочетаемости лексем-репрезентантов данного концепта позволило конкретизировать каузаторы зависти, что способствовало выделению соответствующих тематических групп в рамках актуализации того или иного категориального признака.

Также в статье уделяется не меньшее внимание объективации значения «завидовать» у лексем ближней и дальней периферии концепта, поскольку соответствующая сема у этих лексем носит имплицитный характер и объективируется посредством валентности, контекста и коммуникативного аспекта высказывания.

Ключевые слова: абстрактный концепт, категориальный признак, концептуальный компонент, структурный уровень, дериват.

Grigorenko N. V.
Kamyshanchenko E. A.

STUDYING THE MECHANISM OF FORMATION OF AN ABSTRACT
CONCEPT (USING THE EXAMPLE OF THE CONCEPT «ENVY»)

- 1) PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication Belgorod State National Research University. 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. grigorenko@bsu.edu.ru
- 2) PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication Belgorod State National Research University. 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of structuring the abstract concept «envy». The analysis of this concept takes into consideration both linguistic and extralinguistic aspects such as philosophic, psychological and social-theological.

The article exposes and analyses lexemes representing every structural level of the concept from the viewpoint of semantics and syntagmatics. As a result, all common category features of this concept are exposed and their unity is defined by three conceptual components which help to trace the similarity between all lexemes representing the concept.

The authors of this article pay special attention to objectivation of the seme «to envy» by lexemes representing close and far periphery of the concept as this meaning is implicit in these lexemes and can be objectivated only by means of combinatory, context and communicative aspect of utterance.

Key words: abstract concept; category feature; conceptual component; structural level; derivative

В материальном мире невидимое и необозримое представлено наглядно только как слова. Тот факт, что абстрактные сущности становятся доступными восприятию и пониманию посредством номинации является общепризнанным и неоспоримым. Концепт «envy» относится к именам сложным психических состояний: ментальных и

эмоциональных одновременно. Пристальный интерес последнего времени к подобным словам-концептам объясняется их лингвистической природой, а так же тем, что их содержание определяется нормами бытования социума: они представляют знания о внутреннем мире самого человека. В связи с этим, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью

изучения языковых средств репрезентации концептов социально-бытийной направленности вообще и концепта «envy» в частности. Под концептом мы понимаем многомерное культуро-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме – термин, предложенный В.И.Карасиком [2, с. 156]. В работе выявляются закономерности и особенности структурирования рассматриваемого концепта. Несмотря на огромный интерес лингвистов к исследованию процесса отражения в языке той картины мира, которая формируется в процессе познания посредством концептов, к настоящему времени ещё не выработаны более или менее чёткие процедуры структурирования абстрактных концептов. В большинстве случаев изучение абстрактных сущностей носит субъективный индивидуально-интуитивный характер.

В качестве объекта исследования выступают средства лексической номинации зависти, единицы ведущих частей речи: имена существительные, прилагательные, глаголы. Критериями для отнесения каждой из лексем в качестве репрезентанта концепта «envy» служат: во-первых, наличие в семантической структуре слова семы «завидовать» как в интенционале, так и в импликационале; во-вторых, потенции слов-репрезентантов периферийного уровня концепта в плане актуализации значения «завидовать» посредством их сочетаемости.

Процедура структурирования концепта «envy» и выявление его основных категориальных признаков происходит не только на основе лингвистического, но и в немалой степени экстралингвистического анализа: философского, психологического, социально-теологического.

Специфика объекта исследования заключается в семантической, морфологической и функциональной неоднородности лексем-репрезентантов. В каждой структурной зоне имеются свои специфические особенности, как правило, не характерные для другой структурной зоны. Однако выявляются и случаи сходства.

Структурирование концепта «envy» основывается на данных тезауруса Роже, благодаря которому определился лексический коррелят объекта исследования; данных наиболее авторитетных толковых, синонимических и дефиниционных словарей, на основе которых выявлены отличительные признаки, характеризующие исследуемый концепт. Ядро представлено существительным *envy* и его словоформами. Ядерная лексема вербализует *чувство досады, раздражения, недовольства, мотивированное удачей, успехами, благосостоянием, превосходством других.*

Приядерную зону формируют следующие дериваты и их синонимы: *envy* (глагол), *envious, enviousness, jealous, jealousy, grudge, begrudge, covetous*. Данные репрезентанты номинируют *ощущение* или *выражение зависти*. *Выражение зависти* может дифференцироваться по роду деятельности: ментальное (т.е. ненаблюдаемое) и физическое, выражаемое в мимике и жестах как, например, «завистливый взгляд» («*envious look*»). Прилагательные *envious, jealous, covetous* активируют чувство зависти, как *черту личности*. При этом данные признаки также обусловлены **мотивацией**. Ближняя периферия репрезентирована некоторыми волитивными глаголами: *covet, hanker, crave* и в меньшей степени *long* и *desire*, которые обладают одним общим для всех признаком «страстное желание иметь то, что есть у другого». Волитивность, обозначенная данными глаголами, предполагает у субъекта наличие *алчности, честолюбия, зависти* и т.п. Желание есть ни что иное, как стремление человека к определенному результату или удовлетворение определенной потребности, т.е. желание **мотивировано**.

Наконец, к дальней периферии относятся *cupidity, malice, malicious, rivalry, spite, ill-will, invidious, belittle, belittling, green-eyed*. Лексемы данного структурного уровня номинируют разного рода эмоции чувства: *жадность / алчность, злора / враждебность, соперничество / конкуренция / преуменьшение успехов / достижений другого*, которые имеют мотивацию в импликационале.

Выявление категориальных признаков концепта основывается на концепции Дж. Лакоффа и Г.И.Шмида, суть которой заключается в том, что значения слова могут быть рассмотрены как образующие категорию и каждое значение является членом этой категории [4, с. 35]. Категориальные признаки обусловлены языковыми репрезентантами той или иной категории. При сравнении признаков определенной категории выявляется сходство между репрезентантами данной категории. Сходство может объединить все репрезентанты категории или же выявить связь между некоторыми из них [8, с. 35].

Сравнение категориальных признаков исследуемого концепта позволяет сделать вывод о том, что их единство определяется тремя концептуальными компонентами, которые позволяют проследить сходство между всеми лексемами-репрезентантами концепта «envy». Это *волитивный, каузативный* и *эмоционально-оценочный* компоненты. Первые два представляют собой взаимообусловленный тандем. Эмоционально-оценочный компонент

подразумевает деление на субкомпоненты на основании градации таких понятий психологии как эмоция, чувство, свойство характера.

Здесь ещё необходимо отметить, что когнитивное направление, в рамках которого осуществляется настоящее исследование, позволяет помимо существенных (*good members*) учесть несущественные и незначительные признаки (*bad and marginal members*), выявленные на основе экстралингвистического анализа феномена зависти. Новые данные коррелируют с прототипической категорией не столько на уровне ядерного элемента, сколько в качестве периферийных признаков, не нарушая фундаментальных изменений в системе категорий [8, с. 38-39].

Теоретические основы исследования абстрактной тематики показали, что для более полного анализа феномена такого рода необходим учёт экстралингвистических знаний о нём. Нельзя не согласиться с мнением когнитивистов как отечественной, так и зарубежной лингвистики, что язык не может существовать как автономная система, независимая от внешних факторов. Тем не менее, главным инструментом восприятия и познания окружающего мира, обмена информацией является именно язык. Хотя и не существует абсолютной аналогии между значением и формой, значение, даже самое расплывчатое, свойственное абстрактным именам, стремится к видимой физической опоре материального мира – звуковой форме слова [3, с. 127]. Более сложной, чем слово, физической опорой абстрактной сущности является концепт. И если конкретные концепты воспринимаются как на основе вербальной, так и не вербальной репрезентации, то абстрактные концепты осознаются с помощью языковых средств, так как они символизируют неперцепционную информацию [9, с. 130].

Мыслительным моделям, которые стоят за именами абстрактной семантики, часто нельзя приписать статус какого-то определённого вида концептов. Такие концепты зачастую носят калейдоскопический характер.

Однако, определение абстрактного имени, как нематериальной сущности не всегда является единственно правильным. Имена конкретные, сочетаясь с именами абстрактными, наделяют их чувственно воспринимаемыми признаками через овеществление и опредмечивание умопостигаемого [6, с. 240]. Уподобление абстрактного конкретному происходит, как правило, в метафоре, что является особенностью репрезентации концепта «envy» на ядерном структурном уровне (существительным *envy*) и проявляются через синтагматические значения. Метафора эксплицируется либо в виде персонификации зависти, либо как реификации

(опредмечивание / овеществление). Таким образом, проявляется «калейдоскопическое» свойство исследуемого концепта, то есть в данном случае можно обозначить концепт «envy» как гештальт. Под гештальтом в настоящей работе понимается «целостный образ, совмещающий в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности» [1, с. 38]. Гештальт – результат глубинного сопряжения гетерогенных сущностей – абстрактной и конкретной, поэтому гештальт предопределяет сочетаемость абстрактного имени, так как абстрактная сущность – это невидимый, идеальный конструкт, который, принимая лики видимого, воспринимаемого, отождествляется с ним.

1. *The boys were all eaten with envy.*

2. *Your letters serve like gleams of light, to cheer, a dreary scene where envy, malice, revenge and all the worse passions of men are marshaled.*

3. *She saw envy in the glance.*

4. *Envy like fires always often makes for the highest points.*

Сочетания существительного *envy* с лексемами конкретной семантики имеют метафорически переносные значения, что является особенностью данной структурной зоны. Свойство лабильности позволяет существительному *envy* сочетаться и с лексемами абстрактной семантики. Посредством таких сочетаний актуализируется тот или иной категориальный признак концепта, что не проявлялось в сочетаниях с метафорически переносными значениями.

Приядерная зона концепта «envy» представлена разнородной лексикой: глаголы, прилагательные, существительные, что отражается на специфике репрезентации объекта исследования в данной структурной зоне. Языковая форма примечательна не только передаваемым ею содержанием, но и тем, как она представлена, объективирована, вербализована, то есть, как она соотносится со значением той роли, которую выполняет в предложении.

Известно, что слово в высказывании не тождественно слову как отдельно взятой номинативной единице, слово модифицируется под влиянием контекста. В нашем случае это положение чётко просматривается в случае репрезентации концепта «envy» глаголами *envy*, *grudge*, *begrudge*. У глагола *envy* свойство неконстантности проявляется в отрицательных конструкциях. Семантический модус означивания в данном случае приобретает оттенок злорадства.

5. *I don't envy him his money problems.*

Форма сослагательного наклонения или будущего времени с глаголом *envy* выражает скорее предположение, нежели реальность:

6. *Most girls would have envied her life style.*

7. *Chief Mike Hennessy has won a pay rise every boss will envy.*

Несмотря на синонимичность, глаголам *envy*, *grudge*, *begrudge* свойственно употребляться в разных контекстах. Лексема *envy* является наиболее категоричной при актуализации значения «завидовать». Рекуррентными контекстами употребления глаголов *grudge*, *begrudge* являются конструкции с отрицанием и / или сослагательным наклонением, тем самым происходит смягчение значения «завидовать».

8. *You mustn't begrudge her the perfectly natural pleasures of life.*

Относя *envy*, *grudge*, *begrudge* к глаголам состояния, мы предполагаем, что в их концептуальной структуре сведены воедино некие представления о взаимодействии объектов и их причинно-следственных связях. Глаголы отображают широкий спектр значений, характеризующих конструирующие компоненты определенных положений дел и событий или ситуаций и относящихся к выбранным в этих положениях или ситуациях деталям или частям.

Спектр значений прилагательных *envious*, *jealous*, *covetous* находящихся в той же структурной зоне, суживается до обозначения свойства характера экспериента, либо его эмоционального состояния. В первом случае это атрибутивная позиция лексем, во втором – предикативная.

9. *Then remember everyone else on the Concourts: the envious unreliable brothers.*

10. *Jason was jealous of her ability to come up with consistently good ideas and saw her as a threat to his career.*

Необходимо упомянуть об одной нетипичной особенности прилагательного *envious*, выявленной при анализе эмпирического материала. Данная лексема способна к транспозиции в разряд названий лица. Прилагательное *envious* способно приобретать морфологические признаки существительного. Данное транспозиционное существительное номинирует собирательный образ субъекта, которому присуща зависть как «черта личности». Приобретая морфологические признаки существительного, лексема *envious* объективируется набор признаков (а не какой-то один, что свойственно прилагательным), как единое целое. А. Вежицкая отмечает, что языки обычно маркируют переходы от простого обозначения признака к видению его в качестве особого объекта. По её мнению, используя существительные, мы используем характеристики, конституирующие объект, то есть и стабильные, и важные для него в целом [10, с. 466-467]. Иными словами, необходимо

рассматривать *the envious* – как определённый сорт людей.

11. *One of the fantasies of the envious is that the other has everything.*

Лексем *envious*, *jealous*, *covetous* представляют собой абстракции названий качества как результат деривации. По мнению Ю.С. Степанова, трансформации редко используются для создания устойчивых единиц словаря. Такого рода трансформации служат для создания высказываний, то есть опосредованы высказыванием – предложением [5, с. 182]. Каждая из трёх лексем номинирует всю совокупность категориальных признаков и концептуальных компонентов в той или иной степени, так как представленные дериваты вобрали в себя всю совокупность лексико-грамматических значений от предыдущих лексем. Созданные высказывания подразумевают не только ощущение или выражение зависти, но и манеры поведения, реакции, сопровождаемые и мотивированные завистью.

12. *«Among the qualities of this sort of animal is their extreme covetousness in collecting gold, silver, diamonds and pearls» he writes.*

Один и тот же реальный объект может быть назван различными именами. В нашем случае, исследуемый объект репрезентирован номинативными единицами (либо производными от них или синонимами) в ядерной и приядерной структурных зонах. Волитивные глаголы-репрезентанты ближней периферии не являются прямыми номинантами понятия «зависть». Тем не менее, как показывает дефиниционный анализ, признак «завидовать» присутствует в импликационале значения таких слов как *hanker*, *crave*. Поскольку выделенные для данного исследования волитивные глаголы объединены общей для всех гиперсемой «волитивность» + интенсивность признака (желание), значение «завидовать» у глаголов *covet*, *desire*, *long* актуализируется в речи посредством их синтагматических отношений с существительными, обозначающими *благосостояние, престиж, власть, успех, славу, профессиональное признание, определённый стиль жизни, способности* (умственные и физические), *должность* и т.п.

Семантический коррелят дальней периферии концепта «envy» актуализирует искомое значение посредством совокупных средств: синтагматики, контекста, экстралингвистических ассоциаций (эмпирический субъективный опыт), коммуникативный аспект, который, по мнению Палмера, носит межличностный, социальный, оценочный и т.п. статус, помогающий повлиять на кого-либо / что-либо, намекнуть, настоять,

предупредить и т. д. [7, с. 28-30]. Эмпирический материал показал, что категориальные признаки, выявленные на основании дефиниционного анализа лексем-репрезентантов концепта «envy», равнозначно объективируются на всех структурных уровнях концепта. Иными словами, тот или иной категориальный признак может быть репрезентирован любой лексемой, а не только той, дефиниция которой послужила основанием для его выявления. Таким образом, согласно теории Г.И. Шмида и Дж. Лакоффа, выявляется сходство между лексемами, что, собственно, и позволило объединить их в рамках исследуемого концепта.

Синтагматические особенности лексем-репрезентантов концепта «envy» позволили выявить несколько групп, тематика которых зависит от такого актанта как каузатор зависти. Более того деление на группы в зависимости от причины зависти может происходить в рамках объективации любого категориального признака.

Итак, исследуемый концепт «envy» структурируется по принципу прототипа, ядро которого представлено прямой номинативной единицей *envy* (n.), в приядерную зону входят дериваты ключевой лексемы и их синонимы. Уровни ближней и дальней периферий представлены волитивными глаголами и лексемами, отражающими причинно-следственный результат ощущения экспериментом зависти.

Концепт «envy» представлен лексемами, которые относятся к разным частям речи. Объединение их в рамках исследуемого концепта обосновано ономастологическим принципом лингвистического анализа, то есть от содержания к выражению.

Сема «завидовать» у лексем ближней и дальней периферии носит имплицитный характер и объективируется как за счёт валентности, так и контекстуально. Не в меньшей степени объективация значения «завидовать» происходит посредством коммуникативного аспекта высказывания.

В ходе исследования сочетаемость лексем-репрезентантов концепта «envy» позволила конкретизировать каузаторы зависти, что способствовало выделению соответствующих тематических групп в рамках актуализации того или иного категориального признака: *способности* (умственные и физические), *власть / политика, благосостояние* (предметы обихода / интерьера / роскоши), *молодость / телосложение / внешность, положение* (профессиональное признание / успех / должность), *стиль жизни / престиж*.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика [Текст] / Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 123 с.
2. Карасик В. И. Субкатегориальный кластер темпоральности [Текст]: к характеристике языковых

концептов / В. И. Карасик // Концепты: науч. тр. Центроконцепта / Помор. гос. ун-т. Архангельск, 1997. Вып. 2. С. 154-171.

3. Кронгауз М. А. Семантика [Текст]: учеб. для вузов / М. А. Кронгауз. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 399 с.

4. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи [Текст]: что категории языка говорят нам о мышлении: пер. с англ. / Дж. Лакофф. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 792 с.

5. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения [Текст]: семиол. грамматика / Ю. С. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1981. 360 с.

6. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени [Текст] / Л. О. Чернейко. М.: Наука, 1997. 320 с. + 1 с. прил.: Шкала конкретности – абстрактности.

7. Palmer F. R. Semantics. A new outline [Text] / F. R. Palmer. Cambridge: University Press, 1982. 164 p.

8. Schmid H. An Introduction to Cognitive Linguistics [Text] / H. Schmid, F. Ungerer. London; New York: Longman, 1996. 306 p.

9. Simon D. J. Abstract to Concrete Shift in the development of biological thought: the insides story [Text] / D. J. Simon, F. C. Keil // Cognition. 1995. Vol. 56, № 2. P. 129-163.

10. Wierzbicka A. The semantics of grammar [Text]: Studies in Language Companion / A. Wierzbicka. Amsterdam: John Benjamins Pub Co, 1988. 588 p.

References

1. Boldyrev N.N. Cognitive Semantics [Text] / N.N. Boldyrev. Tambov: TSU Publishing House, 2002. 123 p.

2. Karasik V.I. Subcategorical Cluster Temporality [Text]: the Characterization of Linguistic Concepts / V.I. Karasik // Concepts: Scientific. tr. Centroconcept / Pomor. State. Univ. Arkhangelsk, 1997. Vol. 2. Pp 154-171.

3. Krongauz M.A. Semantics [Text]: studies. for schools / MA Krongauz. Moscow: Publishing House of the Russian State Humanitarian University, 2001. 399 p.

4. George Lakoff Women, Fire and Dangerous Things [Text]:. What Language Categories Tell us about Thinking: Transl. from English. / J. Lakoff. MM: Jaz. Slavs. culture, 2004. 792 p.

5. Stepanov Y.S. Names. Predicates. Sentences [Text]: Semioli grammar / S. Stepanov; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow: Science, 1981. 360 p.

6. Cherneyko L.O. Lingvophylosophical Analysis of an Abstract Name [text] / L.O. Cherneyko. Moscow: Science, 1997. 320 pp. + 1. adj.: The scale concrete – abstract.

7. Palmer F. R. Semantics. A New Outline [Text] / F. R. Palmer. Cambridge: University Press, 1982. 164 p.

8. Schmid H. An Introduction to Cognitive Linguistics [Text] / H. Schmid, F. Ungerer. London; New York: Longman, 1996. 306 p.

9. Simon D. J. Abstract to Concrete Shift in the development of biological thought: the insides story [Text] / D. J. Simon, F. C. Keil // Cognition. 1995. Vol. 56, № 2. P. 129-163.

10. Wierzbicka A. The Semantics of Grammar [Text]: Studies in Language Companion / A. Wierzbicka. Amsterdam: John Benjamins Pub Co, 1988. 588 p.

УДК 81'22

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-15-22

Нагорный И.А.

**РУССКИЕ ЧАСТИЦЫ И РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ ОЦЕНОЧНОЙ
КВАЛИФИКАЦИИ СОБЫТИЯ¹**

профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Победы, 85, Белгород, 308015, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению русских частиц как средств репрезентации и актуализации речевой ситуации оценочной квалификации события. Анализируется семантическая структура высказываний с оценочными частицами. Систематизируются компоненты коммуникативной ситуации оценки. Описывается актуализируемый частицами центральный оценочно-квалификативный смысл, а также сопутствующие субъективно-модальные смыслы. Устанавливаются речевые факторы, определяющие речевую ситуацию оценочной квалификации события в коммуникативном процессе.

Ключевые слова: частицы, коммуникативная ситуация, оценочная квалификация, смысл, семантическая структура, говорящий, адресат.

Nagornyy I. A.

**RUSSIAN PARTICLES AND THE SPEECH SITUATION
OF EVALUATIVE QUALIFICATION OF EVENTS**

Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to Russian particles as the means of representation and actualization of the speech situation of evaluative qualification of events. The author analyzes the semantic structure of utterances with evaluative particles and systematizes components of the communicative situation of evaluation. The article describes the central evaluative and qualificative meaning which is actualized by particles, as well as some related subjective modal meanings. The author reveals the speech factors, determining the speech situation of evaluative qualification of events in the process of communication.

Key words: particles; communicative situation; evaluative qualification; meaning; semantic structure; speaker; addressee.

Введение

Коммуникативный процесс основывается на комплексе динамических факторов, среди которых параметр оценочной квалификации события говорящим является одним из основных. Модальная оценка, эмоциональная оценка, экспрессивная характеристика сообщаемого и подобные операции ментального уровня характерны для субъекта, включенного в сферу речевого общения. Эти операции помогают коммуниканту достичь поставленной

коммуникативной цели, оценить окружающую действительность, проявить свое отношение к ней, лично квалифицировать сообщаемое. Данные операции являются характерными для человека, их применение возможно по отношению практически к любым явлениям окружающего мира. Мотивация же таких ментальных операций может быть самой различной.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196

Цель работы

В статье предпринята попытка проследить особенности актуализации речевой ситуации оценочной квалификации события русскими частицами. Основанием для актуализации данной проблемы послужила способность частиц фиксировать в высказывании точку зрения говорящего, репрезентировать авторскую оценочную позицию относительно описываемого события, генерировать оценочную составляющую в коммуникативном процессе. Указанная способность позволяет рассматривать русские частицы как продуктивное средство речевого воздействия на адресата.

Материалы и методы исследования

При описании прагматико-коммуникативных характеристик русских частиц продуктивным представляется использование комплекса методов, позволяющих решить поставленные задачи: функциональный метод, описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, а также метод систематизации языкового материала.

Результаты исследования и их обсуждение

В русском языке для актуализации речевой ситуации оценочной квалификации события выработана стройная система как языковых, так и внеязыковых средств. Сюда включаются лексемы с оценочным значением, относимые к разным грамматическим классам слов, а также жестово-мимические и интонационные средства.

Обращение к прагматико-коммуникативному аспекту речевой ситуации оценочной квалификации события заставляет более пристально взглянуть на субъективные характеристики предложения, отражающие на речевом уровне квалификативно-оценочные параметры речевой сферы коммуникации. В этом плане субъективные характеристики речевых высказываний с частицами оказываются интересными для их более детального рассмотрения.

Субъективно-модальные характеристики, вносимые в речевое высказывание частицами, не являются статичными. В речевой сфере они проявляют себя как динамичная система, отвечающая актуальным требованиям коммуникативного процесса. Это является закономерным, поскольку любая квалификация события субъектом предназначена для решения поставленных перед данным субъектом коммуникативных задач.

Субъект, участвуя в коммуникативном процессе, создавая модально-квалификативное высказывание, как правило, ориентируется на собственные мнения и установки, на собственное видение окружающей действительности. В соответствии с этим человек неизбежно вынужден оценивать что-то, принимать какие-то решения, проявлять собственную позицию, репрезентировать и репрезентировать личностную точку зрения относительно квалифицируемого события. В результате это ведет к тому, что процесс коммуникации, помимо прочих параметров, определяет еще и параметр оценочной квалификации события применительно к фактору говорящего и фактору адресата.

Оценочно-квалификативная сфера осмысления события коммуникантами, эксплицируемая в высказываниях с частицами, задействована в репрезентации разносферных прагматических аспектов общения. Речевое высказывание отражает некую событийную либо ментальную ситуацию, следовательно, оно через ипостась коммуниканта соотносено с действительностью, что отражается, помимо собственно информативных, в оценочных, модальных и эмоциональных характеристиках сообщаемого. Лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматико-морфологические, конструктивно-модельные способы и средства такого соотношения в языке достаточно разнообразны. Избрание же коммуникантом того или иного конкретного способа или средства всегда чем-то обусловлено, в том числе коммуникативной обстановкой диалога, социологическими факторами или, наконец, личностными факторами, среди которых важное место занимает желание говорящего тем или иным образом лично квалифицировать событие. Таким образом, выбор говорящим средств и способов квалификации события оказывается в большинстве случаев коммуникативно обусловленным. Выявление мотивов обусловленности данного выбора в рамках обозначенных проблем представляется, на наш взгляд, важным.

Оценочность и – шире – квалификация ориентированы на детализацию речевой ситуации, отражают ее отдельные параметры – взгляд говорящего на событие, отношение

говорящего к факту действительности [2]. Для речевой ситуации оценочной квалификации события это значимо. В частности, детализация обсуждаемой ситуации в оценочном, модальном и эмоциональном аспектах авторского мнения коммуникативно обусловлена: *-Как будто симпатичный парень, – шепнул сдержанный Карась Шервинскому (М. Булгаков); По-твоему, чай, карты вздор! Нет уж, извини, ни в жизнь не поверю! (А. Островский); Он едва ли не единственный досконально знающий проблему человек (газет. текст); Вряд ли мы имеем право ограничивать чужую жизнь рамками стереотипных определений (В. Головачев).*

Соответственно, правомерным при анализе ситуации речевой оценочной квалификации события представляется учет именно квалификативных аспектов, характеризующих коммуникативно-прагматическую сущность авторского мнения, например, учет того, что речевое высказывание произносится говорящим с конкретной целью, в конкретной обстановке и конкретном месте, в конкретный момент времени. Так высказывание оказывается соотношенным не только с оценочной (хорошо/плохо) осью, но и с модальной (достоверность/вероятность, утверждение/отрицания) и темпоральной осями, по своей сути всегда ориентированными на субъекта-говорящего, который фиксируется в центре коммуникативной ситуации общения [5, с.292]. Учет данного аспекта мотивирует выделение общей коммуникативной ситуации, с которой непосредственно связана речевая ситуация оценочной квалификации события, ярко проявляющаяся в высказываниях с частицами: *Хочется, небось, и нарядиться, и в гости сходить (А. Чехов); Вожеватов: Вот что тебе надо слушать. Чай, сам играл! (А. Островский); Но где уж было нам встретить сочувствие инстанций, если самые понятия «искусство», «художество» в применении к литературе для детей раздражали их до бешенства? (Л. Чуковская); Виктор Павлович, что ж это? – сказала она. – Вот так вот, за моей спиной, почему я заслужила такое? (В. Гроссман).*

Отметим, что рассматриваемая речевая ситуация – это ситуация, фиксируемая в координатах «я – теперь – здесь – это», представляющая собой «высшую степень реальности» – действительность переживаемую, наблюдаемую (так или иначе воспринимаемую), конкретную и очевидную» [6, с.72]. Понимание оценочно-кваликативного смысла высказывания с частицей, таким образом, напрямую увязывается с адекватным пониманием речевой ситуации оценочной квалификации события, поскольку адресат, на которого направлено высказывание, правильно осознает оценочно-кваликативную составляющую последнего только тогда, когда правильно понимает событие, о котором идет речь: *Нам предстоит серьезный разговор. – Куда уж серьезнее, – полувопросительно отозвался Орлов. – В чем я еще провинился? (А. Маринина); Ну и дуб! – говорил редактор. – Неужели такие бывают? (Г. Горин); Но театры их едва ли читают – и продавщица в киоске говорила мне (К.Чуковский); Скажи, родимый, как могла его Я прогневить? В одну недельку разве Моя краса пропала? (А. Пушкин).*

Отметим также, что речевая ситуация оценочной квалификации события относится к числу коммуникативно-прагматических и предполагает характеристику того, в какой степени или каким образом, с точки зрения говорящего, описываемое событие соответствует имеющимся оценочным критериям с одновременной имплицитной актуализацией факта наличия неких условий, которые побудили говорящего актуализировать оценочную характеристику события при помощи ввода в структуру предложения оценочного квалификатора – частицы: *Понял, – пробурчал Мухин. – Куда уж понятней... Только... как я в таком виде?.. (А. Рыбин); Та подняла вверх большой палец... Ну и дура же я! Денег этих, разумеется, мне не видать (И. Грекова); – Будто не хороша? – спросил голова, устремив на него глаз свой. – Куды тебе хороша! Стара як бис! (Н. Гоголь); Хозяева, муж и жена, народ как будто бы хороший, ласковый, работники тоже словно бы ничего, а только, братцы, не могу спать, чует мое сердце! (А.Чехов).*

В основу речевой ситуации оценочной квалификации события говорящим положен, во-

первых, мотивационный признак, послуживший условием для развития ментальной операции оценки факта действительности, а во-вторых, – собственно процесс оценки говорящим объекта или субъекта в его поступках, действиях, интересах и т.п.. Именно эти составляющие и являются в высказываниях с частицами базой для квалификации номинируемого события как имеющего потенцию быть оцененным говорящим, что, в свою очередь, и явилось мотивом для актуализации оценки при квалификации события как такового: *Ну и глоть у тебя, брат, – думал, наверно, лес, глядя на мои старания* (Ю. Коваль); *Разве можно забыть все, что было? Ни судить, ни винить нету силы* (А. Яшин); *А теперь и к Новому году не получится... И ведь что за квартирка... Там комнатки-то какие?!* (А. Волос); *Где уж было тут надеяться, что прекрасная обстановка пробудит сценические таланты у рядовых актеров и сотрудников* (Ю. Елагин); *Теперь таких мужиков и нет, как мой старик, – говорит старуха. – Куда уж там! Парень ждет, что ему будут возражать, но все молчат* (В. Распутин); – *Ты никак совсем с ума спятил, если такое говоришь, – горячилась баба* (Г. Успенский).

Отнесение речевой ситуации оценочной квалификации события к кругу ситуаций коммуникативных основывается также и на том, что подобные ситуации (сомнения, предположения, кажимости, экспрессивизации) разворачиваются на базе собственно событийных ситуаций, ситуаций, описывающих события, и базируются на ряде условий, усложняющих представление о событии в речи указанием на авторскую интерпретацию данного события в каком-либо субъективно-авторском, личностном аспекте. «В отличие от денотативной ситуации, формирующей семантическую структуру предложения, коммуникативная ситуация характеризует обстоятельства общения в целом, его стимулы, его участников» [9, с.46]. Собственно событийные компоненты речевой ситуации оценочной квалификации события представлены на пропозитивном уровне предложения, интегрирующем компоненты предикатного и актантного типа. Данные компоненты формируют в первую очередь смысловую структуру собственно событийной, экзистенциональной, то есть исходной ситуации. Компоненты же оценочно-квалификативного уровня, например, актуализируемые частицами компоненты «говорящий» (создатель высказывания) и «адресат» (на которого

направлено высказывания в качестве орудия речевого воздействия), при разворачивании коммуникативной оценочной ситуации могут не вербализовываться при помощи специализированных компонентов на предложенческом предикатно-актантном уровне, однако данные компоненты всегда имплицированы в семантической структуре предложения с частицей на модусном уровне. В данном случае именно частица выступает в качестве коммуникативного инструмента актуализации ситуативных компонентов «говорящий» и «адресат»: *Где уж нам одним справляться! Здесь живем второй год* (Л. Буланкина); *Ты меня прогнал, ты меня оскорбил, ты меня ославил – ну и выкручивайся как знаешь, не так ли?* (Ю. Домбровский); *Постукивает мой будильник. Вот так штука! Кто же это?* (Б. Окуджава); *Чуть ли не от самого города пешком* (Л. Пантелеев); *Ужель и впрямь, и в самом деле, Без элегических затей, Весна моих промчалась дней (Что я шутя твердил доселе)? И ей ужель возврата нет? Ужель мне скоро тридцать лет?* (А. Пушкин).

Отметим в то же время и тот факт, что авторская оценка, конечно же, может быть эксплицирована и на собственно пропозитивном уровне предложения с задействованным в качестве базового субъекта субъектом-говорящим, субъектом-адресатом либо третьим, отстраненным от прямого процесса коммуникации лицом. Операция оценки в этом случае направлена на адресата либо на лицо, непосредственно не участвующее в коммуникативном процессе: *Я восхищаюсь ими. Искренне и от всей души!* (газет. текст); *Солнечный день поздней осени, действительно, был прекрасен* (В. Бианки); *Восторг и какое-то трепетное воодушевление охватили вдруг ее* (В. Рассадин).

Итак, в высказываниях с частицами, репрезентирующих речевую ситуацию оценочной квалификации события, представлены, с одной стороны, собственно событийные ситуации, которые обязательно вербализуются при помощи предиката или актантов на пропозитивном уровне предложения, поскольку оценочная квалификация не может быть беспредметной (всегда оценивается что-то или кто-то). С другой стороны, именно на основе этих событийных денотативных ситуаций и реализуется в качестве субъективно-модальной квалификации авторская оценка, основанная на личностной квалификации события говорящим и направленная на адресата: *Ну и мрачные физиономии! Ты к ним приставал?* (С. Довлатов);

*Где уж тут наслаждаться образами строгановского пошиба, копьями с Лиотара, старинным изданием «Юности честного зеркала», булями да жакобами!.. (Ю. Нагибин); Было время, когда люди говорили: **что за общество христианское, какая у них любовь!** (митрополит Антоний); **Только ты знай, что ты меня этим огорчаешь и что едва ли ты вправе будешь жаловаться, если я тебе...** (А. Островский); **Но зачем делать вид, что всю жизнь ты только и лазил по чужим кораблям. Только этим будто всю жизнь и занимался** (М. Пухов).*

Из сказанного следует, что понимание речевой ситуации оценочной квалификации события должно отличаться от понимания коммуникативной ситуации как ситуации сугубо событийной. Говорящий, актуализируя целый комплекс ситуативных факторов, в том числе факторов личностных, решает комплексные коммуникативные задачи на уровне речевой сферы. Во-первых, говорящий включает конкретное высказывание в смысловую парадигму по признаку соответствия оценочным нормам (социальным, историческим, индивидуальным). Во-вторых, оценочный фактор соотносится говорящим с другими квалификативными факторами – фактором необходимости эмоциональной характеристики события, фактором возможной экспрессивизации оценки, фактором уверенности/неуверенности и другими. В третьих, в оценочном высказывании с частицей говорящим определяется интегративный статус и превалирующее положение квалификативно-оценочного смысла над другими смыслами в семантической структуре высказывания. В-четвертых, авторская коммуникативная задача соотносится с конструктивным аспектом построения предложения. Именно на этом этапе автором высказывания решается вопрос о включении или не включении тех или иных формальных элементов в состав предложения, в частности – вопрос о необходимости включения в состав предложения оценочной частицы. Это естественно, поскольку именно говорящий первоначально отвечает за продуктивность коммуникативного процесса и, следовательно, за конкретный способ представления речевой ситуации оценочной квалификации события в речевом высказывании и донесение оценочного смысла как собственной точки зрения до адресата. Для этого говорящим:

а) устанавливается необходимость или, напротив, факультативность реализации в высказывании

оценочного смысла; б) определяется степень важности или неважности эксплицируемого оценочного смысла для разворачивания речевой ситуации оценочной квалификации события; в) выбирается из целого комплекса синонимических языковых средств именно тот формальный элемент (в нашем случае – частица), который наиболее адекватно подходит для выражения оценочного смысла; г) устанавливается необходимость и степень интенсификации оценочного смысла, актуализируемого при помощи частицы для правильного (с авторской точки зрения), понимания ситуации адресатом. Так говорящим создается на когнитивном уровне коммуникативная модель речевой ситуации оценочной квалификации события. Комплексное же коммуникативное решение поставленной оценочной задачи предполагает создание высказывания, адекватно отражающего авторскую точку зрения на квалифицируемое событие.

В семантическом аспекте речевая ситуация оценочной квалификации события, актуализируемая в предложениях с частицами, структурируема. На уровне своей семантической структуры данная ситуация включает следующие обязательные семантико-коммуникативные компоненты: событийную ситуацию как номинируемый фрагмент действительности; объект предполагаемой квалификативной оценки; мотивы, побудившие говорящего в оценивании ситуации или ее фрагмента; фактор говорящего, автора квалификации, осуществляющего оценочное речевое воздействие на адресата; фактор адресата, получателя оценочной квалификации события, то есть объекта речевого оценочного воздействия (заметим, что таким реципиентом может быть как прямой адресат (коммуникант-партнер), так и адресат косвенный, например, адресат-читатель); собственно мыслительную операцию оценки как субъективную квалификацию события (последняя и есть точка зрения говорящего, базирующаяся на тех или иных оценочных мотивах относительно оцениваемого события). Частица при этом выступает как знак развития речевой ситуации оценочной квалификации события и проявления (эксплицитного или имплицитного) ее семантико-коммуникативных компонентов.

Нужно отметить, что главным участником речевой ситуации оценочной квалификации события является, конечно же, говорящий. Ведущая роль последнего в коммуникативном процессе в лингвистике отмечалась неоднократно

[1, с. 647; 3, с. 567; 4, с. 20]. Данная посылка верна, так как в процессе коммуникации говорящий так или иначе проявляет себя, хотя бы как его создатель своего высказывания [7]. Позиция говорящего не только нейтральной, но и намеренно акцентированной, однако она в любом случае фиксируется как прагматически и коммуникативно важная для речевого процесса.

Специфичность оценки как одной из квалификативных модусных характеристик высказывания заключается не в самом факте наличия позиции говорящего, а в способе указания на этот факт. В оценочных высказываниях с частицами говорящий дает знать о своем присутствии, в том числе и формальным способом – посредством введения в состав конструкции языкового знака собственной оценивающей позиции, знака, указывающего на то, что говорящий соотносит высказываемое с параметрами «хорошо/плохо», выбирает один из вариантов однозначной квалификации события. В то же время частица как знак указывает на то, что говорящий намеренно эксплицирует собственную точку зрения на сообщаемое, желает, чтобы оценочная позиция говорящего не была истолкована адресатом как нейтральная, старается донести свое видение ситуации до адресата [8]. При помощи частицы-знака и актуализированных данным знаком коммуникативных смыслов говорящий показывает адресату, что он не может или не хочет лишь констатировать событийный факт в нейтральном утвердительном или отрицательном аспекте: **Что за манера обращаться со мной, как с безмозглым щенком!** (В. Белоусова); **Нет, что вы, в какой бассейн! Да где уж там перерастет!** **Бывает, перерастают, но не такие, как он** (П. Санаев); **Куда уж теперь дожидаться выхода книги к 70-летию!** (А. Солженицын); **-Будто не знаете!.. Про энтих-то? Про томилинских-то?** (Г. Успенский).

Причин для введения в высказывание частицы как формально-языкового показателя оценочной квалификации говорящего, орудия донесения авторской точки зрения до адресата может быть несколько.

К таким причинам относится, например, желание эксплицировать так называемую поучительную оценку: **Ну да, какие уж это были собрания, так, пикники, куда уж нам до вас, господа социал-демократы** (В. Аксенов); – **Догадываюсь, – сказал я. – А что за человек-то!** **Что за бизнесмен!** (журн. текст). Нередко говорящий высказывает крайнюю

заинтересованность в том, чтобы высказываемая им оценка была правильно и однозначно понята адресатом: **Ну и что, из-за тебя все слушать должны?** (В. Пелевин). Достаточно часто на необходимость введения в высказывание частицы как экпликатора оценки указывают социальные, этические или моральные факторы: **Ну и будет пошло! – говорит Натан и пускает колечки дыма к потолку** (Г. Горин); **Вот так, Андрей. Вот так. Говоришь, нынешние из окон не кидают?** (В. Пелевин). На возможность экпликации оценки могут оказывать влияние жанровые особенности устной диалогической речи, в которой для достижения поставленной цели используется неподготовленная, спонтанная квалификация события говорящим. В этом случае частица как формальный показатель авторской оценки выступает усилителем категоричности в квалификации события: **-Ну вот! – пробормотал он... – Так и есть!.. И соль! Э-эх-ма! Уж неужели... неужели уж нельзя?.. Так и есть!.. Протекло!..** (Г. Успенский). Отмеченные причины, по нашему мнению, соотносятся со степенью локализованности речевой ситуации оценочной квалификации события в коммуникативном процессе.

Оценочные языковые элементы применяются говорящим в абсолютном большинстве случаев тогда, когда нужно как-то акцентировать или, напротив, локализовать речевую ситуацию квалификации события, рематизируя определенную часть речевого высказывания. Значение частицы в этом случае может как «растекаться» по семантическому полю высказывания в целом, так и четко локализоваться в семантическом поле отдельного корректируемого частицей компонента (Ср.: и **Сейчас-то – что за пример они видят!** (В. Шукшин); - **Что за глупости!** – **закричала уже где-то у самого выхода фиолетовая дама.** (М. Сергеев)).

Как уже говорилось, оценка может обладать разной степенью мотивированности. В этом плане необходимо выделить обоснованно мотивированную и слабо мотивированную оценку. Обоснованно мотивированная оценка реализуется тогда, когда субъект при актуализации собственной позиции опирается в первую очередь не на личностные факторы, а на знание социальных норм, которым соответствует или противоречит развивающаяся событийная ситуация. Мотивированная оценка – это более частотная и продуктивная квалификация по сравнению с оценкой слабо мотивированной. Обоснованно мотивированная оценка,

непосредственно связанная с пресуппозициями [10; 11; 12; 13; 14], отражает такую степень осведомленности коммуникантов, которая позволяет говорящему при актуализации оценки оперировать целым рядом мотивационных условий как базой для развития речевой ситуации оценочной квалификации события: *Ну и воздух у вас тут! О – говорил он и шумно втягивал ноздрями наш еловый, сосновый воздух* (И. Муравьева); *Голубчик, ну что за глупость? Это говорит ваша обида* (О. Павлов); *При этом они вряд ли окажутся результативными до того, как будут разработаны эффективные профилактические и терапевтические меры борьбы с этой болезнью* (газет. текст). С другой стороны, обоснованно мотивированная оценка говорящего, базирующаяся на знании условий, может стать основанием для последующей серьезной коррекции процесса коммуникации говорящим вплоть до отказа от общения, перевода коммуникационного диалога в общественное порицательное или поощрительное русло и т.п.: *Они бедные, где уж им нормальный гроб купить* (Ю. Мамлеев); *Хотя куда уж дальше доводить. А может, мы не невезучие, а глупые?* (В. Баранец); *Если у него... плохая нервная система, то он едва ли сможет долго и успешно работать* (газет. текст). Таким образом, обоснованно мотивированная оценка является продуктивным инструментом, влияющим не только на квалификативную характеристику события, но и развитие коммуникативной ситуации общения в целом.

Слабо обоснованная оценка проявляется сиюминутно, незакономерно. Такого рода оценка основана в большей мере на случайной реакции коммуникантов, спонтанной квалификации события говорящим, желании сделать попутное замечание адресату: – *Что за чертовщина?! – говорила соседке-продавице Дарья Матвеевна* (М. Сергеев); *Ну и славно, – сказал Человек. – Я буду вас навещать* (С. Тимохин). Слабо обоснованная оценка может быть направлена на уточнение, актуализацию тех или иных аспектов событийной ситуации: *Плохо ведь вам небось сейчас* (А. Аверченко); *Вроде бы получилось! Прекрасно!* (журн. текст); *Ещё и там пытался читать книги по физике. Да где уж...* (А. Солженицын). Для немотивированной оценки характерно отсутствие контекстно-речевого или ситуативного указания на условия, отсылающие к знанию коммуникантами причин возникновения положительного или отрицательного оценочного

фактора: *Ах, какой ты молодец! Ну иди еще немножко поиграй, не мешай маме* (журн. текст).

Речевая ситуация оценочной квалификации события предполагает реализацию в высказывании целого комплекса прагматически обусловленных смыслов. В первую очередь, это центральный для рассматриваемой ситуации оценочный смысл «хорошо/плохо», являющийся базовым и объединяющим другие конкретизирующие оценочные смыслы в пределах речевого диалога, репрезентирующего оценочную ситуацию на коммуникативном уровне. Указанный смысл структурирован и выполняет основную коммуникативную нагрузку – достижение говорящим оценочной цели своего сообщения с одновременной ориентацией оценки на адресата и донесение до последнего точки зрения говорящего.

Однако кроме собственно оценочного смысла «хорошо/плохо», в высказывании-репрезентаторе речевой ситуации оценочной квалификации события, как правило, актуализируется комплекс сопутствующих оценке и тесно связанных с ней квалификативных смыслов – порицания, поощрения, радости, печали, неуверенности, категоричности, сарказма, предположения, сомнения, возможности, кажимости, колебания и др. (-Он опять вернется. -*Неужели? Все глаза в окошки проглядели!* (журн. текст) (сарказм); *Ну и слава Богу, – сказал Новиков* (В. Гроссман) (облегчение); *Куда уж нам, – горько вздохнул флейтист. Он поднял табуретку* (Е. Попов) (сожаление); *Блондинку мы, правда, увели. Вот так фирма!* (В. Аксенов) (удивление); *Что за чёрная жёлчь, злосчастный Равид, В сети ямбов моих тебя погнала?* (В. Отрошенко) (недоумение); *Он поди осерчает, да и выставит вон* (В. Шукшин) (опасение); *А небось как с меня, так «подавай!»* (Г. Успенский) (возмущение); *Чай, устал милоч?* (В. Шукшин) (сочувствие); *А вряд ли ему это под силу?* (В. Головачев) (сомнение)).

Заключение

Речевая ситуация оценочной квалификации события, актуализируемая в предложениях с частицами, должна быть определена как ситуация коммуникативно-прагматическая, развивающаяся в коммуникативной сфере, интенционально обусловленная. Даная ситуация структурируема, а в семантико-структурном аспекте – разнопланова. Явившийся предметом нашего внимания оценочный смысл, наряду с мотивационными параметрами, фактором говорящего и фактором адресата, составляет смысловую основу рассматриваемой ситуации,

относится к модальной квалификативной сфере процесса коммуникации. Данный смысл характеризуется как личностный, развивающийся в коммуникативном процессе в качестве результата осмысления субъектом оцениваемого события, поступка, личности, мотивационных условий репрезентируемой оценки. Оценочный смысл, генерируемый частицей в высказывании, является динамичным и сложным образованием, опирающимся в пределах речевого контекста на целый комплекс сопутствующих пропозитивных и кваликативных смыслов и в то же время проявляющим себя как оригинальная сущность, фиксирующее речевое высказывание на отрезке шкалы «хорошо/плохо». Намеченные вопросы имеют широкие перспективы исследования, в частности в области описания семантических характеристик модально-кваликативных высказываний.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа Языки русской культуры, 1998. 768 с.
4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка, М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
5. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 540 с.
6. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. СПб.: Наука, 1990. 263 с.
7. Лекант П.А. К вопросу о синтаксическом субъекте // Вопросы филологии. М.: Изд-во МГОУ, 1969. С. 197-204.
8. Нагорный И.А. Функциональная перспектива предложений с модально-персуазивными частицами. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. 125 с.
9. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Институт русского языка им. А. Пушкина; ИКАР, 1998. 294 с.
10. Cooper D. Presupposition // *Janua linguarum. Series minor.* 203. The Hague – Paris, Mouton, 1974. 130 p.
11. Fillmore Ch. The Case for Case // *Universals in Linguistic Theory. №4.* / Ed. by E.Bach and R.Harms. N.Y. – London – Toronto, 1968. p.1-88.

12. Gardner R. «Presupposition» in *Philosophy and Linguistics // Studies in Linguistic Semantics.* N.Y., 1971. p.22-42.
13. Katz J.J. A Solution to the Projection Problem for Presupposition // *Syntax and Semantics. V.11.* N.Y.,1979. p.91-154.
14. *Syntax and Semantics. Vol.11. Presupposition /* Ed. by Choon-Kyu Oh, David A. Dinneen. N.Y. – San Fr. – London: Academic Press, 1979. 411 p.

References

1. Arutyunova N.D. *Language and the World of Man.* M.: Russian Language Culture, 1999. 896 p.
2. Wolf E.M. *Functional Semantics Evaluation.* M.: Editorial URSS, 2002. 280 p.
3. Gak V.G. *Language Conversion.* M.: School Languages Russian Culture, 1998. 768 p.
4. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Y. *Communicative Grammar of the Russian Language,* M.: MGU, 1998. 528 p.
5. Lyons J.. *Introduction to Theoretical Linguistics.* M.: Progress, 1978. 540 p.
6. *The Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality.* SPb.: Science, 1990. 263 pp.
7. Lecanto P.A. On the Question of the Syntactic Subject of Philology // M.: Publishing house of the Moscow State Open University, 1969. pp 197-204.
8. Nagornyy I.A. *The Functional Perspective of the Sentences with Persuasive Modal Particles.* Barnaul State Pedagogical University Publishing House, 2001. 125 p.
9. Formanovskaya N.I. *Communicative-pragmatic Aspects of Communication Units.* M.: The Russian Language Institute. Pushkin; IKAR, 1998. 294 p.
10. Cooper D. *Presupposition // Janua linguarum. Series minor.* 203. The Hague – Paris, Mouton, 1974. P.130.
11. Fillmore Ch. *The Case for Case // Universals in Linguistic Theory. №4.* / Ed. by E.Bach and R.Harms. N.Y. – London – Toronto, 1968. Pp. 1-88.
12. Gardner R. «Presupposition» in *Philosophy and Linguistics // Studies in Linguistic Semantics.* N.Y., 1971. Pp. 22-42.
13. Katz J.J. A Solution to the Projection Problem for Presupposition // *Syntax and Semantics. V.11.* N.Y.,1979. Pp. 91-154.
14. *Syntax and Semantics. Vol.11. Presupposition /* Ed. by Choon-Kyu Oh, David A. Dinneen. N.Y. – San Fr. – London: Academic Press, 1979. P.411.

РАЗДЕЛ II. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ПРАГМАТИКА
SECTION II. COGNITIVE LINGUISTICS AND PRAGMATICS

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-23-30

Kozlova L. Y.

CONCEPTUAL METAPHOR IN GEORGE ORWELL'S POLITICAL
DYSTOPIA «ANIMAL FARM»

PhD in Philology, Assistant Professor. Department of Linguistics and Translation, Saint-Petersburg State Polytechnic University, 29 Polytechnicheskaya St., Petersburg, 195251, Russia. E-mail: zyatkova64@mail.ru

Abstract. This article presents the results of the author's study of conceptual metaphor in political dystopia «Animal Farm» by George Orwell, an English Socialist writer. The aim of the work was to confirm the hypothesis that the work represents a conceptual metaphorical model «Totalitarian state is Animal Farm» in both structural and meaningful ways.

In modern cognitive linguistics, metaphor is regarded as one of the basic mechanisms of cognitive knowledge, structuring and explanation of the world. Since metaphorization has associative connections within the human experience, it creates metaphors which borrow lexical means and meanings from the fields, which are based on the conceptualization of the people themselves and the world in the process of cognitive activity (the donor sphere). The metaphorical process requires a second element – the target sphere (a new conceptual domain). In describing the metaphorical model, we describe the model scenarios related to the model frames and components of each sample frame slots (as described by A.P. Chudinov).

The dictatorship in the USSR during the reign of I.V. Stalin is transferred to the structural organization of the farmyard and the qualities of real people – on animals. Orwell gave each animal (or every kind of it) a certain set of properties, characteristics and actions that we have tried to identify and relate to the corresponding prototype. The donor sphere of the conceptual metaphor in this work is the animal world (naturemorphic and zoomorphic metaphors). The target sphere is the Soviet state with the dictatorship of the leader. The working class and the peasantry are portrayed as a spineless flock meekly obeying the will of the leader, who, with the help of his assistants, operates the «flock».

The working hypothesis was confirmed. The research results can be used both in the cognitive theory of metaphor, as well as in such areas as literature, discourse analysis, political linguistics, and others.

Key words: conceptual metaphor; naturemorphic metaphor; zoomorphic metaphor; metaphorical model; script; frame; slot; dystopia; totalitarian state; the dictatorship of the leader.

This article presents the results of the author's study of political conceptual metaphor in the famous work «Animal Farm» of the English Socialist writer George Orwell.

According to E.S. Kubryakova, cognitive linguistics is the science that deals with cognition in its linguistic reflection [3]. Cognition, in turn, is a cognitive process in itself, and the result of this process is knowledge. Cognition is perception of the world, and the observation and categorization, and thought, and speech, and imagination, and many other psychological processes. One of the most important ideas of cognitive linguistics is that concept defines the semantics of language means. Among the lexical resources that represent concepts in a language, we have identified a metaphor.

In the representation of modern cognitive linguistics, metaphor is one of the basic mental operations, the process of knowledge, structuring and explaining the world around us. Everyday life, language, thinking and action - all this is metaphorical in nature. D. Lakoff and M. Johnson concluded that «the essence of metaphor is understanding and experiencing one kind of entity in terms of the spirit of another kind». [5] N.D. Arutyunova thinks that «metaphor has the ability to play a huge role in both the practical and theoretical thinking - the ability to capture and create similarities between very different classes of objects and individuals». [1] In other words, a person is aware of the unknown through the known, and of abstract – through particular things, and thus knowledge moves from one area to another.

Cognitive activity of humans is accompanied by the process of conceptualization, under which modern linguistics means «certain» cross-cutting for different forms of knowledge structuration process and the emergence of various structures of knowledge representating particular minimal conceptual units» [3: 93]. The central object of study in cognitive linguistics is the concept. Concepts are the components of the human consciousness and knowledge of the world. The most important concepts are encoded in the language. The term comes from the concept of philosophy and logic, but in recent years this term has been going through a period of rethinking. V.A. Maslova, summarizing the understanding of the concept of Heidegger, D.S. Likhachev, V.N. Teliya and other scientists, gives the following definition: a concept - a «semantic formation marked by linguocultural characteristics and in some way characterizing certain ethnic people ... At the same time - this is a quantum of knowledge that reflects the content of the whole human activity. The concept does not directly arise from the meaning of the word, and is the result of the dictionary definition combined with personal and national experience of people. It is surrounded by an emotional, expressive, evaluative halo» [6: 36].

«Conceptual metaphor - one of the most important cognitive mechanisms based on establishing links between concepts (conceptual framework), belonging to different fields of knowledge (domain)» [14].

The study of conceptual metaphor in foreign linguistics started from J. Lakoff and M. Johnson. P. Chilton, M. Turner, J. Fauconnier, D. Grady, B. Shpelman [5, 10, 13] and others continued this work. The most famous Russian researchers of conceptual metaphor are A.N. Baranov, E.V. Budajev, Y.N. Karaulov, A.P. Chudinov [2, 8].

In our work conceptual metaphor is analyzed on the material of literary discourse, which intersects with the political one in the genre of dystopia. Political discourse is directly related to value orientations in a society. Value categories are often viewed as semantic and cognitive constructs. Political discourse includes newspaper and journalistic texts, oratorical speeches, dealing with policies, official texts of the political subject (resolutions, decrees), political science articles, and others. Literary-political discourse is opposed to the direct political agitation and propaganda in the political discourse «through aesthetic impact forms political consciousness, political preferences and dispositions» [9: 31].

There are various methods of conceptual metaphors research. In this article we use the approach of A.P. Chudinov, as a political metaphor is also seen in the cognitive aspect.

Since metaphorization is based on associative connections within the human experience, the created metaphors borrow lexical means and meanings in the fields, in which a person conceptualizes him/herself the world in the process of a cognitive activity. A.P. Chudinov calls them donor spheres (source spheres, the initial conceptual domain) and divides into four groups: an anthropomorphic metaphor (concepts related to the conceptual areas of «Anatomy and Physiology», «disease», «Family»), naturemorphic («Animal world», «The world of plants»), sociomorphic («Crime», «War», «Theatre», «Game and Sport»), Artifact («House (building)» and «Mechanism»). [8] Metaphoric process requires a second element - the target sphere (a new conceptual domain). While the source sphere is specific, the target sphere is abstract and is understood within the source sphere. For example, the dispute in the metaphorical concept is a war, the dispute is the target sphere, while war is the source sphere interacting in such a way, that these elements give us an idea of a dispute as a war.

In addition to the original and new conceptual areas, the following characteristics of a metaphorical model are to be described:

1) typical for this model scenarios that reflect the most typical for the source sphere sequence of situations (for example, the scenario of the «war» implies its preparation, announcement, conduct of hostilities, possibility of injury and death battles participants, victory or defeat, and the like);

2) related to the model frames (as defined by V.Z. Demyankov, a frame - «a unit of knowledge organized around some concepts, but, unlike the associations containing the data on the material, typical and possible for this concept ... frame organize our understanding of the world as a whole ... frame is a data structure for representing a stereotyped situation» [4: 188], that is, the above-mentioned components of the) war «scenario, each of which is understood to be a fragment of a naive language picture of the world. These fragments are structured corresponding to the conceptual area;

3) components of each frame sample slots, that is, elements of which include some portion of the frame, some aspect of its specificity. For example, «Armament» frame includes such slots as «firearms and cold steel», «military equipment», «ammunition», and so on;

4) component that connects the primary and secondary values covered by the model units, that is, to find out what gives rise to the metaphorical use of relevant concepts, why the conceptual structure of the source sphere appears appropriate to refer to elements of a completely different sphere.

It is proposed to determine its efficiency of a metaphorical model (the ability to deploy and sample

deployment direction) and frequency, as well as to identify pragmatic potential, that is, the typical features of the impact on the recipient.

Let us turn to the results of our research of the satirical dystopia «Animal Farm» by George Orwell, which was based on real historical events in Russia from 1917 to the early 1940s. It was written in February 1944.

Some literary critics associated the emergence of «Animal Farm» with Orwellian scene from his memoirs which tormented him for a long time: One day in the village, he saw a boy about ten years old, who was driving a healthy, strong horse with thin twig. And then he suddenly got the idea that people would not be able to rule over the animals, if they became aware of their strength. In addition, he thought that humans exploit animals almost exactly in the same way as the rich - the proletariat.

G. Orwell's «Animal Farm», which consists of ten chapters, shows a gradual transition from the construction of a utopia and equality ideas to dictatorship and totalitarianism. Animals, who expelled their master from the barnyard, hoping to get the unlimited freedom and good food, fell victim to the dictatorship of Napoleon the pig.

«Animal Farm» combines several genres - classical dystopia (a genre in literature describing the state in which negative trends eventually prevailed), satire (poetic humiliating rebuke phenomena using different comic stylistic means: hyperbole, irony, sarcasm, grotesque, allegories, parodies, and others.) and allegory (description of abstract concepts through the close associative specific images, creatures, and items). Some researchers call «Animal Farm» a story-parable and fairy tale. It is known that the very G. Orwell called his work a political fairy tale. «Animal Farm: a fairy story» - its original name. On March 19, 1944 Orwell said to Victor Gollancz, the owner of his copyright, «I finished a small story in 30 thousand words with political content. But I'm sure you will not publish it. It is completely unacceptable for you from a political point of view, it is anti-Stalinist».

On our investigation «Animal Farm» we have found a compositional metaphorical conceptual model of this work «Totalitarian state is Animal farm». The dictatorship in the USSR during the reign of I.V. Stalin is transferred to the structural organization of Animal Farm and the qualities of real people - on animals. The donor sphere of conceptual metaphor in this work is the animal world (naturemorphic metaphor). The target sphere is the Soviet state with the dictatorship of the leader. The working class and the peasantry are portrayed spineless flock meekly obeying the will of the leader, who, with the help of his assistants, operates the «flock».

Let us consider the frames and slots of zoomorphic conceptual metaphor in this work.

1. Frame «Composition of the animal kingdom»

Slot 1.1. Animals (mammals)

a) pig - leaders:

old boar Old Major - Lenin or Marx,

Napoleon - Joseph Stalin

Squealer - Vyacheslav Molotov,

Snowball - Leon Trotsky.

b) a workaholic-horse named Boxer - the working class,

c) horse Clover - part of the working class, loyal to the Soviet government,

d) horse Molly - the bourgeoisie,

d) she-goat Muriel - intelligentsia,

e) the dogs of Napoleon - Soviet power structures,

f) sheep - illiterate population of the USSR, coming in the wake of power,

h) the old donkey Benjamin - dissident stratum of society,

i) rats - supporters of Leon Trotsky

k) a cat - skeptics.

Orwell gave a certain set of qualities and characteristics to each animal (or every kind), basing on which the reader who knows the history of the Soviet Union well, can determine the prototype(s).

a) Dystopia starts with the agitation of the pig named Old Major, who summarizes in it the main points and expresses and slogans of the revolution, gives the enemies and friends: «Now, comrades, what is the nature of this life of ours? Let us face it: our lives are miserable, laborious, and short. No animal in England knows the meaning of happiness or leisure after he is a year old. No animal in England is free. The life of an animal is misery and slavery: that is the plain truth.

Remove Man from the scene, and the root cause of hunger and overwork is abolished for ever. Whatever goes upon two legs is an enemy. Whatever goes upon four legs, or has wings, is a friend».

In Old Major the image of Karl Marx is guessed - a man whose ideas became the basis of the communist and socialist movements and ideologies (besides, Karl Marx died in March in a dream). Partially Lenin's image is revealed in the image of Old Major (Chapter 5). For example, in the story the body of placing Lenin into Mausoleum is played up - in this case, it is the skull of Old Major, who was hoisted by the animals on the platform and every morning they gave him honor and sang a hymn composed by old Major. («The skull of old Major, now clean of flesh, had been disinterred from the orchard and set up on a stump at the foot of the flagstaff, beside the gun. After the hoisting of the flag, the animals were required to file past the skull in a reverent manner before entering the barn»). Old Major's ideas were reworked by pigs in a coherent system of views, called animalism. It is obvious that animalism is a

metaphorical name of socialism. The author describes all the stages of the revolution from the dissatisfaction of life conditions in Animal farm, preparation and holding of meetings to create a new state: the usurpation of power by Napoleon, duping the crowd by promoting the government views, the creation of a new ideology, opposite of the original one, the appearance of the personality cult of the Leader, and at the end, even greater exploitation of the working people.

Napoleon is a fierce wild boar, who usurped the power and took the rule of the farm after the uprising - a metaphorical image of Stalin. «Napoleon was a large, **rather fierce-looking** Berkshire boar, the only Berkshire on the farm, **not much of a talker**, but **with a reputation for getting his own way**». In the struggle for power with Snowball, Napoleon, using fierce dogs, expels him from Animal Farm and begins to use repression to gain personal power and suppress dissent. After the seizure of power Napoleon's personality is being exalted, that reminds of the cult of Stalin's personality.

The dystopia also presents two other pigs-leaders: Snowball, and Squealer. In the description of Snowball Leon Trotsky is recognizable: the liveliness of nature, rapid speech, creativity, but at the same time he is less serious than Napoleon. («Snowball was a more vivacious pig than Napoleon, quicker in speech and more inventive, but was not considered to have the same depth of character»). Snow is the author of the idea of building a windmill on the farm, which will facilitate the hard work of animals. (This project, according to some researchers, is an analogue of industrialization in the Soviet Union in the 20s of the 20th century). Napoleon chases Snowball from the farm; that resembles the situation when in 1929 Stalin expelled Trotsky from the Soviet Union and usurped power.

The third pig-leader - Squealer, a fat pig, with round cheeks, twinkling eyes and quick movements and high-pitched voice, very persuasive and a brilliant orator - is a metaphor of the V.M. Molotov: «The best known among them was a small fat pig named Squealer, with very round cheeks, twinkling eyes, nimble movements, and a shrill voice. He was a brilliant talker, and when he was arguing some difficult point he had a way of skipping from side to side and whisking his tail which was somehow very persuasive». Squealer is responsible for propaganda and agitation on the farm. He constantly praises of Napoleon and his «wise» actions (as well as Molotov, who was the right hand of Stalin, completely fulfilled all their lives to do his will). «Bravery is not enough», said Squealer. «Loyalty and obedience are more important. Discipline, comrades, iron discipline! That is the watchword for today.

We pigs are brainworkers. The whole management and organisation of this farm depend on

us. Day and night we are watching over your welfare. It is for YOUR sake that we drink that milk and eat those apples».

b) a workaholic-horse named Boxer is the working class, the proletariat. It is characterized by the most unlimited devotion to the authorities. Under the new system of government it was Boxer who worked for three horses, or even for all animals combined. «Boxer was the admiration of everybody. He had been a hard worker even in Jones's time, but now he seemed more like three horses than one ... His answer to every problem, every setback, was «I will work harder»! «Boxer's credo in all situations of life was «I will work even more!» and «Napoleon is always right»! His naivety and gullibility prevented him from realizing that he was mercilessly exploited. At the end of the story Boxer undermines his health, and Napoleon, promising to cure him in the hospital, sells his faithful follower to the slaughterhouse and on the money got bought himself a whiskey.

c) The horse Clover is an allusion to the part of the workers, which has slower than the other animals on the farm forgotten the true goals of the revolution and was more attentive to the current events, for example, always checked the Seven Commandments, written on the wall, with what was happening at the moment. G. Orwell shows that these hard workers do not revolt, in spite of the difficult conditions and severe work, willing to remain loyal to the government and carry out the orders of Napoleon. «There was no thought of rebellion or disobedience in her mind. She knew that, even as things were, they were far better off than they had been in the days of Jones, and that before all else it was needful to prevent the return of the human beings. Whatever happened she would remain faithful, work hard, carry out the orders that were given to her, and accept the leadership of Napoleon «.

Clover is shown compassionate and caring with respect to Boxer. She always warned him not to overstrain at work. When he was injured in the battle, Clover bandaged his wounds. In addition, after the terrible Napoleon's massacre of some rebels, all the other animals «huddled about Clover».

d) G. Orwell depicts the image of the bourgeoisie in the face of idle white horse, Molly, who is interested in whether the sugar and ribbons will be after the uprising («The very first question she asked Snowball was:» Will there still be sugar after the Rebellion? «, «And shall I still be allowed to wear ribbons in my mane?» asked Mollie»). Of course, the bourgeoisie were concerned with personal well-being, as it was the ruling class of capitalist society before the revolution, which had the property and existed due to the income from this property.

The bourgeoisie is portrayed quite stupid and cowardly. During the fight with people Molly is

found hiding in her stall with her head buried among the hay in the manger. Soon after the rebellion Molly runs away to a neighboring farm, which is an obvious allegory of the bourgeois class emigration of people from the Soviet Union.

d) the goat Muriel - communicates with Clover and Benjamin. It seems that it is the intelligentsia, as she always reads commands for Clover. In addition, the author has not found it necessary to add something else to her image.

e) Napoleon personally trained an army of faithful dogs - they were great size and had a fierce look. («They were the puppies whom Napoleon had taken away from their mothers and reared privately. Though not yet full-grown, they were huge dogs, and as fierce-looking as wolves»). Napoleon's dogs - the Soviet power structure.

g) Sheep symbolize the illiterate population of the farm (the USSR), coming in the wake of power. When it was necessary to support Napoleon, they bleated in unison: «Four legs good, two legs bad».

h) The dissident stratum of society is an old donkey Benjamin - often silent, but occasionally opens the eyes of animals on the government's actions (for example, when the slaughterer's van takes the patient Boxer away beyond the farm). It is this character better than anyone else understood what was going on Animal Farm: «Benjamin was the only animal who did not side with either faction. He refused to believe either that food would become more plentiful or that the windmill would save work. Windmill or no windmill, he said, life would go on as it had always gone on - that is, badly». Perhaps, G. Orwell applies himself to precisely this type of people.

s) Rats - supporters of Trotsky, who were declared traitors after the Snowball. («The rats, which had been troublesome that winter, were also said to be in league with Snowball»).

a) A cat, apparently, is a metaphorical image of people skeptical towards the revolution not willing to work for the newly-formed republic. «And the behaviour of the cat was somewhat peculiar. It was soon noticed that when there was work to be done the cat could never be found. She would vanish for hours on end, and then reappear at meal-times, or in the evening after work was over, as though nothing had happened. But she always made such excellent excuses, and purred so affectionately, that it was impossible not to believe in her good intentions».

The dystopia also referred to other types of animals, such as cows, bulls, and other smaller characters.

1.2. Birds

On the farm live pigeons, ducks, geese and chicken, not particularly distinguished by mind and the ability to critically view the events on the farm.

a) The chickens are a symbolic image of the Soviet peasantry. The case of the chickens' uprising

is described in the work, who did not want to give their eggs for sale when they needed to sit them. This case is an allegory of the peasant uprising in the Soviet Union, which was brutally suppressed.

b) A favorite of Mr. Jones – a talker manual raven Moses preaching about Sugarcandy Mountain - a kind of Paradise, where animals go after the death. Raven Moses symbolizes the clergy. According to other sources, the raven is a metaphorical image of religion, the Russian Orthodox Church. Pigs are protesting against religious beliefs, and Moses leaves the farm.

With this character the reader meets twice before the uprising of the animals (the time of the Russian Empire and the flourishing of Orthodoxy), and after the Battle of the Windmill, when Moses returns to Animal Farm (partial resurgence of Orthodoxy after the Great Patriotic War).

c) Doves - ambassadors serving the international activities of the USSR in the dissemination of the revolution and socialist ideas. «Every day Snowball and Napoleon sent out flights of pigeons whose instructions were to mingle with the animals on neighbouring farms, tell them the story of the Rebellion, and teach them the tune of 'Beasts of England».

2. Animal Association and Hierarchical Relationships in Them

2.1. Animals Unions

Animals in this novel are united in one big group - Animal Farm. They live by their own rules, not like the rest of the farm, and, in spite of any changes, even the deterioration of living conditions, they are proud that they are the inhabitants of the barnyard. Animal Farm is a basic metaphoric concept in the work, which immediately sets the negative sense vector to the reader on a subconscious level, and adjusts them to the desired perception of the author of the work.

US Secretary of State John Dulles, referring to the «Animal Farm», wrote: «Soviet Communism believes that human beings are nothing more than somewhat superior animals...and that the best kind of a world is that world which is organized as a well-managed farm organized, where certain animals are taken out to pasture and they are fed and brought back and milked, and they are given a barn as shelter over their heads» [12]. Prior to the publication of «Animal Farm,» Collonel-General of Nazi Germany Heinrich Reinhardt in 1944 compared the Bolsheviks with wild beasts: «Bolsheviks had ravaged like wild beasts» [11]. In the capitalist countries of the world at that time, it was thought that the political system of the USSR, the Bolsheviks and their actions were wrong and inhuman.

2.2. Hierarchical Relationships in the Animal World

As a rule, the herds and flocks have a leader. These images are often used metaphorically in relation to the human collective leaders. They were presented in

paragraph 1.1. After the revolution, having become independent from the human master, the main slogan of the Animal farm became the commandment «All animals are equal», but over time the pigs leaders changed it to «All animals are equal, but some animals are more equal than others». So they put themselves above other animals, usurped power, thus assigning all the possible rights and privileges associated with a privileged position to themselves.

3. Animal Actions

3.1. Aggressive Actions

Aggressive actions in the dystopia appear in the cases describing the battles of livestock to people (Battle of the Cowshed and the Battle of the Windmill) and abuse of farm animals by Napoleon. This slot allows the author to express special aggressiveness and ruthlessness of action of Napoleon and his dog leash in relation to the traitors and «enemies of the people»: «Napoleon stood sternly surveying his audience; then he uttered a high-pitched whimper . Immediately the dogs bounded forward, seized four of the pigs by the ear and dragged them, squealing with pain and terror. The dogs promptly tore their throats out». Chickens who raised a rebellion on the farm, were slaughtered.

Noteworthy is the episode where animals-»pests» are sentenced to death for petty «crimes» similar to those that appeared in the process of Soviet 30-s: so, geese admitted that they hid grain and ate it at night and sheep - that polluted drinking water wells.

3.2. Non-aggressive Interaction

For conceptual metaphor identified in the text only those types of interactions are significant that characterize the relationship between the warring parties and the relationship among the animals of the farm. So, having sent Boxer for a slaughter and carefully concealing this fact, Napoleon made a pompous speech in honor of the Boxer horse («Napoleon himself appeared at the meeting on the following Sunday morning and pronounced a short oration in Boxer's honour»), introduced him as an example for the other animals, how to work hard, not sparing himself, and throughout the trust of the leader, as did the deceased. Napoleon promised to erect a monument and put a good wreath on the grave, as well as arrange a grand funeral in honor of the boxer. Thus, G. Orwell was able to briefly and succinctly describe the Napoleon's interaction with people as stiff-necked, lying, hypocritical, sometimes puffy parading.

G.Orwell focuses on the change in Napoleon's aggressive attitude to the outside world (that is, to other countries): «Napoleon announced that he had sold the pile of timber to Frederick».

In the last chapter the writer depicts a scene of a people`s deputation visit to Animal Farm (that, in principle, was impossible, according to the principles enshrined in animalism). Human society has

approved modern methods of farming, discipline and order on the farm. Moreover, from now on through the mouth of Mr. Pilkington all conflicts of interest were proclaimed to have been left in the past: «Not only the most up-to-date methods, but a discipline and an orderliness which should be an example to all farmers everywhere ... He would end his remarks .. by emphasising once again the friendly feelings that subsisted, and ought to subsist, between Animal Farm and its neighbours. Between pigs and human beings there was not, and there need not be, any clash of interests whatever «.

3.3. The Ways of Animal Life

This slot shows a metaphorical interpretation of actions that are typical of certain prototypes. The writer draws the reader's attention to the hard work on the farm (in the USSR): «Boxer and Clover would harness themselves to the cutter or the horse-rake ...». «And every animal down to the humblest worked at turning the hay and gathering it». The dissident layer works in a different way as the well-known stubborn animal (donkey Benjamin): «He did his work in the same slow obstinate way as he had done it in Jones's time, never shirking and never volunteering for extra work either».

Milk and apples on the farm ate only the pig (an indication of the selfishness and privilege of authorities). Snowball convinces the animals that it is solely for their benefit: «It is for YOUR sake that we drink that milk and eat those apples».

Venality of bourgeoisie is expressed through human actions and feeding of Molly: «A fat red-faced man in check breeches and gaiters, who looked like a publican, was stroking her nose and feeding her with sugar».

4. Treatment of Animals

4.1. Animals as an Object of Exploitation and Aggression

In this slot political actors, metaphorically designated as owners or pigs, used others for profit or other selfish needs. For example, pig-leaders in the «Animal Farm» forced the exhausted animals to build and then double rebuild devastated after the fightings mill in extremely difficult conditions («Napoleon announced that the windmill was to be built after all. He did not give any reason for having changed his mind, but merely warned the animals that this extra task would mean very hard work, it might even be necessary to reduce their rations «).

After the chickens have refused to hand over the eggs («Squealer announced that the hens must surrender their eggs»), chickens` uprising was suppressed. Napoleon ordered not to feed the chickens at all threatening them with death: «He ordered the hens' rations to be stopped, and decreed that any animal giving so much as a grain of corn to a hen should be punished by death».

4.2. Animals as an Object of Care

These metaphors illustrate how the owners of the situation are sometimes forced to feed, to lure, to walk someone to provide a good service facility and luxurious personal habitation. For example, in the beginning of the narrative the owner of the farm, Mr. Jones, is a subject that takes care of the animals: «Mr. Jones feeds us. If he were gone, we should starve to death». «For whole days at a time he would lounge in his Windsor chair in the kitchen, reading the newspapers, drinking, and occasionally feeding Moses on crusts of bread soaked in beer».

Except zoomorphic conceptual metaphor in this dystopia we distinguished anthropomorphic, artifact and military metaphors. Here we are briefly listing the other frames and slots, which are part of the metaphorical model of «totalitarian state is Animal farm.»

2, 3. Anthropomorphic and Artifact Metaphors People:

Mr. Jones - Russian Empire and (or) the king
neighboring farm - countries:

Foxwood - US

Mr. Pilkington - Winston Churchill

Pinchfield - Germany

Mr. Frederick - Adolf Hitler

Mr. Whymper - intermediary between the Soviet Union and the international community.

«Foxwood, was a large, neglected, old-fashioned farm, much overgrown by woodland, with all its pastures worn out and its hedges in a disgraceful condition. Its owner, Mr. Pilkington, was an easy-going gentleman farmer who spent most of his time in fishing or hunting according to the season. The other farm, which was called Pinchfield, was smaller and better kept. Its owner was a Mr. Frederick, a tough, shrewd man, perpetually involved in lawsuits and with a name for driving hard bargains. These two disliked each other so much that it was difficult for them to come to any agreement, even in defence of their own interests».

Mr. Whymper - a lawyer, for the purpose of a personal gain decided to establish trade relations between the farmyard and their sworn enemies - Mr. Frederick and Mr. Pilkington; intermediary between the Soviet Union and the international community. «Mr. Whymper, a solicitor living in Willingdon, had agreed to act as intermediary between Animal Farm and the outside world».

The Windmill - NEP - the New Economic Policy or industrialization of the USSR in the 20-ies of XX century. The same mill symbolizes the manipulation of other animals for the leaders own benefit.

The Barn – on the wall of which pigs-leaders wrote «Seven Commandments» - can mean forced unanimity.

Animal state anthem «The Beasts of England» - the analogy of «The Internationale» - international

proletarian anthem. «The tune and even the words of 'Beasts of England' were known everywhere. It had spread with astonishing speed. The human beings could not contain their rage when they heard this song, though they pretended to think it merely ridiculous. They could not understand, they said, how even animals could bring themselves to sing such contemptible rubbish. Any animal caught singing it was given a flogging on the spot. And yet the song was irrepressible».

So, like the one of the lines of «The Internationale» («With the Internationale rise up the human race!»), with the first lines of the hymn «Beasts of England» the international nature of Animalism is also expressed («Beasts of England, beasts of Ireland, Beasts of every land and clime»). The «Internationale» has the line: «Only we, the workers world-wide Great army of labor, have the right to own land». The anthem «Beasts of England», respectively, tells about a happy future without human oppression, an era of freedom and abundance. Or, more succinctly in the English version of the hymn: «And give to all a happier lot». The similarity is obvious in both hymns.

Socialism - animalism. «But the luxuries of which Snowball had once taught the animals to dream, the stalls with electric light and hot and cold water, and the three-day week, were no longer talked about. Napoleon had denounced such ideas as contrary to the spirit of Animalism. The truest happiness, he said, lay in working hard and living frugally».

Taking the eggs away from hens – food allotment.

4. Military metaphor

The Battle of Cowshed - The Civil War.

The Battle of the Windmill) - The Great Patriotic War.

In conclusion, it should be noted that the use of conceptual metaphor has allowed the author to compress and concentrate the information in such a way that the main events of nearly 20 years period fit on a small number of pages. Conceptual metaphorical model of this dystopia «Totalitarian state is Animal Farm», implicitly specified in the title, defines the negative pragmatic vector and demonstrates to the reader G. Orwell's point of view on the Stalinist version of socialism in Russia, his extremely negative attitude to totalitarianism.

References

1. Arutyunova N.D. The Theory of Metaphor. M., 1990. 512 p.
2. Budaev A.V., Chudinov A.P. Cognitive Theory of Metaphor: New Horizons. URL: <http://www.journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/780> (date of access: February 7, 2016).

3. Kubryakova E.S. The Initial Stages of Formation of Cognitivism: Linguistics – Psychology – Cognitive Science] / E.S/ Kubryakova // Linguistics Issues. 2006. № 4. Pp. 34-47.
4. Kubryakova E.S. (general ed.) Concise Dictionary of Cognitive Terms. M.: Philological Faculty of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow State University, 1997. 245 p.
5. Lakoff George, Johnson M. *Metaphors we Live by*. Translated by N. Pertsov. M., 1987. 387 p.
6. Maslova, V.A. *Cognitive Linguistics: textbook* / V.A. Maslova. 2nd ed. Mn.: TetraSistems, 2005. 256 p.
7. Orwell George. *Animal Farm and a Collection of Essays: A Book for Reading in English*. St. Petersburg: CROWN print, KARO, 2014. 256 p.
8. Chudinov A.P. *Russia in a Metaphorical Mirror: Cognitive Study of Political Metaphors*. Yekaterinburg, 2001. 238 p.
9. Sheigal E.I. *Semiotics of Political Discourse*. M.: ITDGGK «Gnosis». 326 p.
10. Chillton P., Lakoff G. *Foreign Policy by Metaphor // Language and Peace/ ed. by Ch. Schaffner, A. Wenden. L., N.Y., 2004. P. 37-74.*
11. Kershaw, Ian. *The End: Hitler's Germany, 1944-45*. UK, 2011. 592 с.
12. LaFeber W. *America, Russia, and the Cold War 1945 - 1984*. NY, 1985. 348 p.
13. Turner M., Fauconnier G. *Conceptual Integration and Formal Expression//Metaphor and Symbolic Activity*. Vol. 10 (3). P.183-204.
14. URL:
http://www.scodis.com/?q=ru/conceptual_metaphor (date of access: February 8, 2016).

УДК 81.139

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-31-38

Огнева Е.А.

КОГНИТИВНАЯ СЦЕНА КАК ФОРМАТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОПОВЕДИ МИТР. АНТОНИЯ СУРОЖСКОГО «SUNDAY BEFORE PENTECOST»)

зав. кафедрой иностранных языков, доктор филологических наук, доцент. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия.
E-mail: Ogneva@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается дискурс как сложный коммуникативно-когнитивный исследовательский конструкт синергетического характера. Исследуется проповедь как один из форматов религиозного дискурса. Проводится когнитивно-герменевтический анализ архитектоники проповеди митр. Антония Сурожского «Sunday before Pentecost». Выявляются специфические черты анализируемого формата религиозного знания: (1) упоминание лексемы God 50 раз, (2) чередование темпоральных векторов в речевом потоке от настоящего времени в библейское время и обратно в настоящее время; (3) отсылка слушателей проповеди – прихожан храма к священным книгам, (4) цикличность лексем, репрезентирующих путешествие в библейское время и в настоящий момент, (5) наличие культуремы и библейских топонимов. Определено, что базовой когнитивной структурой развёртывания этого дискурсивного формата является когнитивная сцена «Gifts». Выявлено преобладание двухвекторных линейных субсцен (трёхтерминальных и четырёхтерминальных) в архитектонике исследуемой когнитивной сцены.

Ключевые слова: дискурс, когнитивно-герменевтический анализ, формат знания, проповедь, когнитивная сцена, архитектоника, двухвекторная линейная когнитивная субсцена.

Ogneva E. A.

COGNITIVE SCENE AS A FORMAT OF RELIGIOUS KNOWLEDGE REPRESENTATION (BASED ON THE SERMON «SUNDAY BEFORE PENTECOST» BY METROPOLITAN ANTHONY OF SOUROZH)

Doctor of Philology, Associate Professor. Head of Department of Foreign Languages. Belgorod State National Research University. 85 Pobedy St., Belgorod, 308015 Russia. E-mail: Ogneva@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with the discourse as the complex communicative and cognitive research synergetic construct. The sermon as the format of religious discourse is researched. The cognitive and hermeneutic analysis of the sermon architectonics «Sunday before Pentecost» by metropolitan Anthony of Sourozh is performed. Some specificities of the religious knowledge format are identified, including: (1) the word God is pronounced 50 times; (2) temporal text vectors alternate from nowadays to biblical times, then to nowadays; (3) reference to the Holy Books; (4) cyclicity of the words representing the journey in biblical times and nowadays; (5) the presence of a cultureme and biblical toponyms. The basic cognitive structure of the studied sermon is a cognitive scene «Gifts». The predominance of duple-vectorial linear cognitive subscenes in the sermon architectonics «Sunday before Pentecost» by metropolitan Anthony of Sourozh is identified.

Key words: discourse; cognitive and hermeneutic analysis; knowledge format; sermon; cognitive scene; architectonics; duple-vectorial linear cognitive subscene.

Введение

В современной парадигме исследований в основе одного из подходов к изучению текста предстаёт тезис о его системообразующей природе в развёртывании когнитивного дискурса, который мыслится как сложный коммуникативно-когнитивный исследовательский конструкт,

поскольку «дискурс обозначает то коммуникативное пространство, в котором возможно взаимодействие определённых текстов, следовательно, в сферу притяжения дискурса включается не одно коммуникативное событие, но целый их комплекс» [3, с. 46], поэтому, по мнению И.С. Шевченко, «лингвистическим воплощением дискурса как

явления, разворачивающегося во времени, служит текст – онтологическая сущность. Именно текст позволяет судить о характеристиках дискурса, которые при этом не сводятся к характеристикам самого текста» [8, с. 8]. Примечательно, что «один и тот же текстовый материал может быть проинтерпретирован с объектной, субъектной и инструментальной позиций в их разновидности» [4, с. 75].

В проводимых нами исследованиях дискурс рассматривается как коммуникативное событие, в основе которого может находиться текст, однако, подчеркнём тот факт, что текст является не единственным ядерным форматом в нелинейной модели дискурса, что предопределяет существование различных подходов к классификации реализующихся дискурсов на основе различных методов исследования этого динамичного формата знания. В настоящее время в дискурсологии сформирована обширная теоретическая и методологическая база, однако, полученные научные результаты, тем не менее, представляют далеко не исчерпывающую интерпретативную картину дискурса как комплексного, многоуровневого и многоаспектного явления.

Основная часть.

Целью нашей работы является исследование архитектоники англоязычной православной проповеди, которая рассматривается нами как один из форматов религиозного знания, реализуемого в процессе дискурсивной деятельности.

Материалы и методы исследования.

Материалом для исследования послужил текст проповеди митр. Антония Сурожского «Sunday before Pentecost» [11], произнесённой 11 июня 1989 года перед прихожанами Сурожской епархии, учрежденной в 1962 году и объединяющей православные приходы на территории Великобритании и Ирландии. Кафедральный собор в честь Успения Божией Матери расположен в Лондоне. Текст проповеди был изучен посредством применения авторского когнитивно-герменевтического анализа с целью последующего моделирования архитектоники этого формата религиозного знания, поскольку именно «модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка и рядоположенными феноменами» [4, с. 6].

Результаты исследования и их обсуждение.

Дискурс – многогранное, комплексное явления нашего бытия, привлекающее исследователей различных научных школ и направлений, поскольку, по мнению Н.Ф. Алефиренко, в «недрах дискурса происходит не только когнитивно-синергетическая обработка событийной, социокультурной, коммуникативно-прагматической и языковой информации, и её трансмутация при погружении в особый виртуальный мир для семиотической репрезентации ментальной структуры одного из возможных миров» [1, с. 399]. Неслучайно И.С. Шевченко в своих трудах настаивает на том, что «анализ дискурса в соответствии с экспланаторным принципом *«почему»* начинается с обращения к социально-историческому контексту, с проецирования на элементы содержательно-смысловой ориентации текста психологических, социальных, этнокультурных, прагматических и других факторов» [8, с. 315]. Именно нелинейность дискурсивной парадигмы обеспечивает коммуникативное равновесие этой динамической системы как когнитивного формата знания, эволюция которого обусловлена эволюцией социума, реализующего коммуникативную функцию в рамках данной динамической системы.

Исследование структуры религиозного дискурса стоит на понимании того, что «участниками религиозного дискурса выступают Бог (Высшая сущность), который скрыт от непосредственного восприятия, но потенциально присутствует в каждом коммуникативном акте религиозного дискурса, <...> В отличие от любого другого типа общения адресант и адресат религиозного дискурса оказываются разведены не только в пространстве, но и во времени» [2, с. 7].

Существуют различные подходы к исследованию разнообразных форматов религиозного дискурса [2, 5 и др.], в частности формата проповеди. Так, например, Ф.О. Яхнева указывает на следующую специфику архитектоники проповеди митр. Антония Сурожского «The Lord's Entry into Jerusalem»: «номинативное поле концепта «The Lord's Entry into Jerusalem» представляет собой совокупность следующих субконцептов: (1) имя Бога, (2) Богородица, (3) имена апостолов, (4) взаимосвязь человека с Богом, (5) отсылки к Священному Писанию, (6) реалии новозаветного времени, (7) время, (8) пространство» [9, с. 237].

В основе проводимого нами исследования архитектоники проповеди митр. Антония Сурожского «Sunday before Pentecost» находится авторская интерпретация корреляции когнитивных образований и когнитивных структур, в соответствии с которой любой концепт религиозного сознания может быть реализован в том или ином формате религиозного дискурса в виде статичных и динамичных когнитивных структур: фрейма, сценария, сцены.

Проведённый когнитивно-дискурсивный анализ текста проповеди митрополита Антония Сурожского «Sunday before Pentecost» (Воскресенье перед Троицей), произнесённой 11 июня 1989, выявил следующую особенность этого лингвоформата религиозного дискурса: проповедь разворачивается в виде динамичной когнитивной структуры – комплексной сцены, которая состоит из субсцен. Наряду с этим основным параметром рассматриваемой проповеди были выявлены следующие специфические черты.

Во-первых, лексема God (Бог) упомянута 50 раз, что символично в канун Пятидесятницы (Pentecost). Употреблены и другие номинанты, прежде всего номинант the Living God; имена: Christ, Jesus Christ; имена трёх ипостасей Троицы: the Father, the Son и синоним the Lord Jesus Christ, the Holy Ghost. Высоко частотно употребление местоимений: He, Him.

Во-вторых, выявлено чередование темпоральных векторов в речевом потоке: от настоящего времени в прошлое, в библейское время, и обратно в настоящее время, что иллюстрирует тесную связь времён. Выявлено шесть темпоральных маркеров, а именно три номинанта праздника: *the Feast of Pentecost* (праздник Троицы), *the day of Pentecost* (в день Троицы), *very day received the Holy Spirit* (именно в этот день приняли Святого Духа), и темпоральные маркеры: *next week* (на следующей неделе), *day after day* (день за днём), *not only in time* (не на время), *but for all eternity* (но на вечность). Два последних маркера антонимичны.

В-третьих, выявлена отсылка слушателей проповеди, прихожан храма, к священным книгам: *the Acts of the Apostles* (Деяния Апостолов), *Gospel* (Библия). Также в тексте есть проведение параллели между этими двумя священными книгами: *parallel between a small phrase in the Acts of the Apostles and in the Gospel*.

В-четвёртых, представлена идея проведения параллели между путешествием апостола Павла: *Paul the Apostle had started on his journey to*

Jerusalem, упомянутым в начале проповеди, с одной стороны, и, с другой стороны, путешествием слушающих проповедь прихожан: *We also are on our way to the day of Pentecost* (мы также на пути ко дню Троицы), о котором говорится в последующем абзаце, и вновь возвращение к путешествию апостола: *Paul was on his way, his journey from Jerusalem to Damascus*. Очевидна цикличность лексем, репрезентирующих путешествие: *on his journey* → *on our way* → *on his way* → *his journey*.

В-пятых, выявлены библейские топонимы: *Jerusalem, Damascus* наряду с репрезентацией библейского расстояния посредством двух топонимов *from Jerusalem to Damascus*.

В-шестых, выявлена культура *the High Room* (горница).

В-седьмых, весь текст проповеди представляет собой комплексную модель когнитивной сцены «Gifts» (дары), состоящей из 12 когнитивных субсцен, что также символично.

Проанализируем архитектуру каждой из 12 субсцен. Подчёркнём, что в исследовании очерёдность субсцен определена их контекстуальным месторасположением в формате рассматриваемого дискурса проповеди, а не типом структуры их организации, поэтому субсцены с упрощённой структурой будут чередоваться со сценами расширенной информативной структуры.

Тип каждой субсцены в рассматриваемом формате проповеди будет определён в соответствии с авторской классификацией типов текстовой архитектоники когнитивной сцены, где основным принципом деления является количество терминалов, а именно трёх или четырёх терминалов.

Трёхтерминальная модель:

Терминал «адресант» → Терминал «информация» → Терминал «адресат»

Данный исследовательский конструкт репрезентирует коммуникативную ситуацию, состоящую из двух коммуникантов и количества коммуникативных импульсов между ними, составляющих терминал «информация».

Четырёхтерминальная модель:

Терминал «фон» || Терминал «адресант» → Терминал «информация» → Терминал «адресат»

Исследования показали, что архитектура когнитивной сцены, как трёхтерминальной, так и четырёхтерминальной, может быть линейной и нелинейной.

Под линейной архитектоникой когнитивной сцены понимается модель, представляющая собой сочетание трёх или четырёх терминалов и репрезентирующая передачу информации как коммуникативный процесс между двумя субъектами. Выявлено, что линейная сцена может иметь один или два коммуникативных вектора между двумя коммуникантами, из которых один или оба могут быть ядерными, обозначенными в модели сцены в виде двух терминалов «адресат↔адресант».

Под одновекторной линейной когнитивной сценой подразумевается модель, в которой информация передаётся от адресанта (ядерный компонент) к адресату посредством одного или нескольких коммуникативных безответных импульсов, тогда как под двухвекторной линейной когнитивной сценой понимается коммуникативная модель, в которой вследствие получения адресатом информации он приобретает статус адресанта, т.е. проецирует ответный коммуникативный импульс в адрес первого коммуниканта, который становится адресатом. В этом случае оба коммуниканта – ядерные.

Под нелинейной архитектоникой когнитивной сцены нами понимается модель, репрезентирующая многовекторный тип передачи информации как коммуникативный процесс между несколькими субъектами, из которых один субъект или несколько являются коммуникативно-ядерными, сохраняющими или меняющими свой статус: «адресант ↔ адресат». Установлено, что в когнитивно-дискурсивных рамках одной коммуникативной ситуации возможна многократная смена статуса коммуникантов «адресант ↔ адресат».

Представим следующую классификацию текстовых когнитивных сцен: «(1) одновекторные линейные трёхтерминальные когнитивные сцены; (2) двухвекторные линейные трёхтерминальные когнитивные сцены; (3) одноядерные нелинейные трёхтерминальные когнитивные сцены; (4) многоядерные нелинейные трёхтерминальные когнитивные сцены; (5) одновекторные линейные четырёхтерминальные когнитивные сцены; (6) двухвекторные линейные четырёхтерминальные когнитивные сцены; (7) одноядерные нелинейные четырёхтерминальные когнитивные сцены; (8) многоядерные нелинейные четырёхтерминальные когнитивные сцены» [6, с. 70].

Подчеркнём тот факт, что в структуре анализируемой когнитивной сцены, состоящей из 12 субсцен, терминал «информация» состоит преимущественно из перечня даров.

Первая субсцена: *with all those who on that very day received the Holy Spirit – с тем, кто получил в тот день Святого Духа* (Пер. наш – Е.О.).

В данной субсцене эксплицирован дар – *the Holy Spirit* (Святой Дух), получатели дара – *all those who* (все те, кто). Источник дара имплицитен, поскольку известен адресатам. Субсцена является одновекторной линейной четырёхтерминальной когнитивной субсценой, в которой в качестве фоновой информации выступает хронема *very day received the Holy Spirit*.

Вторая субсцена. *God had given him a true, a perfect conversion of heart, and of mind and of life, and had given him freely the gift of the Holy Spirit in response to his total, ultimate gift of self to Him, the God Whom he did not know but Whom he worshipped – Бог дал ему истину, совершенное изменение души и разума, и жизни, и дал ему свободно Дар Святого Духа в ответ на его полный окончательный дар самого себя Ему, Богу, Которого он не знал, но Которому он поклонялся* (Пер. наш – Е.О.). В структуре субсцены первым адресантом, источником дара, является Бог. Дары: (1) *a true*, (2) *a perfect conversion of heart, and of mind, and of life*, (3) *had given him freely the gift of the Holy Spirit*. Адресат – апостол Павел, который, получив дары, также отдаёт дар *his total, ultimate gift of self to Him, the God*. Фоновая информация: *Whom he did not know but Whom he worshipped*. Рассматриваемая субсцена является двухвекторной линейной четырёхтерминальной когнитивной субсценой.

Третья субсцена: *in the gift of the Spirit mediated to him by Ananias – дар Духа (Святого) переданный ему через Ананию* (Пер. наш – Е.О.). В структуре рассматриваемой субсцены первый адресант имплицитен, поскольку известен прихожанам, второй адресант – *Анания*, дар: *the gift of the Spirit*. Субсцена является двухвекторной линейной трёхтерминальной когнитивной субсценой.

Четвертная субсцена: *We also, each of us singly and all of us together should reflect on all that God has given us. He has given us existence and breathed life into us, - not only the life of the body, but a life that makes us akin to Him, His life. He has given us to know Him, the Living God, and He has given us to meet, in the Gospel and in life, His Only Begotten Son, our Lord Jesus Christ. In Baptism, in the Anointment with Holy Chrism, in Communion to the Body and Blood of Christ, in the mysterious, silent communion of prayer, in the moments when God Himself came near, although we were not thinking of Him, He has given us so much – Мы также, каждому из нас по отдельности и всем нам вместе следует отреагировать на всё, что Бог*

дал нам. Он дал нам жизнь и вдохнул дыхание жизни в нас – не только жизнь тела, но жизнь, которая делает нас подобными Ему, Его жизни. Он дал нам познать Его, Живого Бога, и Он дал нам встретить в Евангелии и в жизни, Его Единородного Сына, нашего Господа Иисуса Христа. В крещении, в Миропомазании Святым Миром, в Причастии Тела и Крови Христа, в непостижимой, безмолвной общей молитве, в моменты, когда Сам Бог проходил мимо, хотя мы не думали о Нём, Он дал нам так много (Пер. наш – Е.О.).

В структуре рассматриваемой субсцены адресантом является Бог. Дары: (1) *existence*, (2) *breathed life into us*, (3) *not only the life of the body*, (4) *a life that makes us akin to Him, His life*, (5) *to know Him, the Living God*, (6) *to meet, in the Gospel and in life, His Only Begotten Son, our Lord Jesus Christ*, (7) *in Baptism*, (8) *in the Anointment with Holy Chrism*, (9) *in Communion to the Body and Blood of Christ*, (10) *in the mysterious, silent communion of prayer*. Выявлено обобщение к перечисленным дарам: *He has given us so much*. Ответный коммуникативный импульс – интенционален и выражен предложением: *We also, each of us singly and all of us together should reflect on all that God has given us*. Фоновая информация представлена частью предложения: *in the moments when God Himself came near, although we were not thinking of Him*.

Субсцена является двухвекторной линейной четырёхтерминальной когнитивной субсценой.

Пятая субсцена: *Let us reflect on all that is given us, asking ourselves whether we are truly disciples of Christ – отзовёмся на всё, что дано нам, спрашивая себя, верные ли мы ученики Христа?* (Пер. наш – Е.О.). В рассматриваемой структуре адресант имплицитен, поскольку известен прихожанам. Дар: *all that is given us*. Ответный коммуникативный импульс – интенционален: *Let us reflect on*. Фоновый информант выражен частью предложения: *asking ourselves whether we are truly disciples of Christ*.

Субсцена является двухвекторной линейной четырёхтерминальной когнитивной субсценой.

Шестая субсцена: *We know from Saint Paul what it means to be a disciple: he said that for him, to live is Christ, to die will be a gain, because as long as he is in the flesh he is separated from Christ, Christ Whom he loves, Christ Who has become everything to his life, not only in time but for all eternity – Мы знаем от Святого Павла, что значит быть учеником: он говорил что это значит для него: жизнь – это Христос, смерть – приобретение, потому что столь долго сколько*

он будет во плоти он разделён со Христом, со Христом, Которого он любит, со Христом, Который стал всем в его жизни, не на время, но на вечность (Пер. наш – Е.О.). Выявлено наличие шестикратного упоминания адресанта, а именно четырежды – лексема *Христос*, и дважды – лексема *Который*. Дар: (1) *жизнь – это Христос*, (2) *смерть – приобретение*, (3) *Который стал всем в его жизни*. Структура данной субсцены примечательна тем, что представлен пересказ коммуникативного импульса, источником которого в библейские времена являлся апостол Павел, а адресатами христиане, в том числе, и прихожане, слушающие данную проповедь: *We know from Saint Paul what it means to be a disciple*. Фоновый информант – две антонимичные хронемы: *not only in time but for all eternity*. Субсцена является двухвекторной линейной четырёхтерминальной когнитивной субсценой.

Седьмая субсцена: *He had learned from God something more than this longing for freedom, for communion with the God Whom he adored and served so faithfully, - he had learned that to give is a greater joy than to receive – он узнал от Бога нечто большее, чем сильное желание свободы, общения с Богом, Которого он обожал и служил так преданно – он узнал, что давать большая радость, чем принимать* (Пер. наш – Е.О.).

В седьмой сцене адресантом выступает Бог. Дары: (1) *had learned something more than this longing for freedom*, (2) *(longing) for communion with the God*, (3) *(had learned) to give is a greater joy than to receive*. Апостол Павел выступает адресатом и адресантом, поскольку упоминается и его дар: *served so faithfully*. Примечательно, что апостол Павел в 20 главе книги Деяния повторяет слова Господа Иисуса «блаженнее давать, нежели принимать» [10, с. 1193], то есть в этой субсцене выявлена отсылка прихожан к книге «Деяния». Субсцена является двухвекторной линейной трёхтерминальной когнитивной субсценой.

Восьмая субсцена. *The saints had heard Christ say, 'No one has greater love that he who gives his life for his friends'. Paul, the other apostles, and innumerable saints after them gave their lives, shed their lives day after day forgetting themselves, rejecting every thought, every concern about themselves, having thought only for those who needed God, who needed the word of truth, who needed love divine. They lived for others; they gave as generously as they had received – Святые слышал, что сказал Христос: «Нет больше той любви, чем кто отдаст свою жизнь за своих друзей». Павел и другие апостолы, и бесчисленные святые отдавали их жизни, теряли их жизни день за днём забывая себя, отвергая каждую мысль,*

каждое опасение за себя, думая только о тех, кто нуждался в Боге, кто нуждался в словах истины, кто нуждался в Божественной любви. Они жили для других, они отдавали щедро, то, что они получали (Пер. наш – Е.О.).

Данная субсцена имеет смешанную архитектуру, поскольку информативный компонент представлен и в виде коммуникативного импульса, и в виде перечня даров. Первым адресантом является Христос, адресатами святые, коммуникативный импульс 'No one has greater love that he who gives his life for his friends', смысловое наполнение которого коррелирует с темой всей проповеди, поскольку говорит о важном даре, даре жизни за други своя. Далее, в тексте проповеди выявлено уточнение адресатов, выраженное лексемами: Paul и the other apostles. Адресаты переходят в разряд адресантов и в следующей части субсцены информативный импульс – это перечень даров: (1) gave their lives, (2) shed their lives, forgetting themselves, rejecting every thought, every concern about themselves, (3) having thought only for those who needed God, who needed the word of truth, who needed love divine, (4) they lived for others; (5) they gave as generously as they had received. Фоновый информант хронема day after day. Субсцена представляет собой многоядерную нелинейную четырёхтерминальную когнитивную субсцену.

Девятая субсцена. We also are called to learn the joy, the exhilarating, the wonderful joy of giving, of turning away from ourselves to be free to give, and of giving on all levels, the smallest things and the greatest things – мы также призваны познать радость, оживление, чудесную радость от раздачи, от отказа от себя, чтобы стать свободными в том, чтобы отдавать, отдавать всё, и самое малое, и самое большое (Пер. наш – Е.О.). В данной сцене адресантами являются прихожане, к которым обращена проповедь. Дары: (1) turning away from ourselves to be free to give, (2) giving on all levels, the smallest things and the greatest things. Примечательно, что адресаты не указаны, т.е. в структуре субсцены выявлен нулевой знак. Субсцена является одновекторной линейной трёхтерминальной когнитивной субсценой.

Десятая субсцена: And this can be taught us only by the power of the Holy Spirit that unites us to Christ, makes us into one body with Him, a body of people, bound with each other in their total togetherness, one with the God who is our unity – этому мы можем быть научены только силой Святого Духа, который соединяет нас со Христом, делает нас единой плотью с Ним, плоть человеческая, связанная друг с другом в их

всеобщем единении, едины с Богом – это наше единение (Пер. наш – Е.О.).

В структуре субсцены адресант имплицитен. Дары: (1) the power of the Holy Spirit, (2) unites us to Christ, (3) makes us into one body with Him. Адресат выражен лексемой us. Субсцена является одновекторной линейной трёхтерминальной когнитивной субсценой.

Одиннадцатая субсцена. Let us think of all we have received from God and ask ourselves: what can we give first to Him so that He can rejoice in us, so that He can know that He has not lived and died in vain – подумаем обо всём, что мы получили от Бога и спросим сами себя: что мы можем дать, прежде всего, ему, чтобы Он радовался этому в нас, чтобы Он мог знать, что Он жил и умер не напрасно (Пер. наш – Е.О.).

В структуре субсцены адресант выражен лексемой God. Дар: all we have received from God, адресат прихожане. Ответный импульс-дар выражен интенционально: what can we give first to Him so that He can rejoice in us?

Субсцена является двухвекторной линейной трёхтерминальной когнитивной субсценой.

Двенадцатая субсцена. And what can we give to all those who surround us, beginning with the smallest, the humblest gifts to those closest to us and ending with giving all we can to those who need more. And then truly Pentecost will come as a gift of life, a gift that unites us, welds us into one body capable of being to others a vision on earth of the Kingdom, but also a source of life and of joy, so that truly our joy, and the joy of all those whom we meet should be fulfilled – И что мы можем дать всем, кто окружает нас, начиная с самого малого, с самых простых даров тем, кто рядом с нами и завершая дарением всего, что мы можем дать тем, кто нуждается в большем. И затем в полном смысле слова придёт Троица как дар жизни, дар который объединяет нас, сплавливает нас в единую плоть, способную быть для других предвестницей на земле Царствия, и источником жизни и радости, поэтому действительно наша радость и радость всех тех, кого мы встретим должна совершиться (Пер. наш – Е.О.).

В субсцене адресанты выражены лексемой we, адресаты тремя словосочетаниями: all those who surround us, those closest to us, those who need more. Дары: (1) give, beginning with the smallest, (2) the humblest gifts, (3) ending with giving all we can. Далее адресанты становятся адресатами, получая дары: (1) Pentecost, (2) a gift of life, (3) a gift that unites us, (4) welds us into one body. Примечательно, что четвёртый дар, выраженный

словосочетанием, *сплачивает нас в единую плоть*, предназначенный для слушающих проповедь, интерпретирован одновременно и как дар самих прихожан для их ближних: (1) *welds us into one body capable of being to others a vision on earth of the Kingdom*, который сочетается в дарами ближним: (1) *also a source of life and of joy*, (2) *so that truly our joy, and the joy of all those whom we meet should be fulfilled*.

Субсцена является многоядерной нелинейной трёхтерминальной когнитивной субсценой, специфика которой заключается в том, что дары исходят по трём векторам из ядра, которому затем даются дары от другого ядра, которое имплицитно, затем дары опять передаются по трём вышеуказанным векторам.

Обобщим полученные данные о типах субцен в составе исследуемой когнитивной сцены «Gifts» в следующей таблице.

Таблица

Архитектоника текстовой когнитивной сцены «Gifts»

№ п/п	Типы текстовых когнитивных сцен	Кол-во субцен	% соотношение
1.	одновекторные линейные трёхтерминальные когнитивные сцены	2	16,7
2.	двухвекторные линейные трёхтерминальные когнитивные сцены	3	25
3.	однойдерные нелинейные трёхтерминальные когнитивные сцены	-----	-----
4.	многоядерные нелинейные трёхтерминальные когнитивные сцены	1	8,3
5.	одновекторные линейные четырёхтерминальные когнитивные сцены	1	8,3
6.	двухвекторные линейные четырёхтерминальные когнитивные сцены	4	33,4
7.	однойдерные нелинейные четырёхтерминальные когнитивные сцены	-----	-----
8.	многоядерные нелинейные четырёхтерминальные когнитивные сцены	1	8,3

Данные, представленные в таблице, наглядно иллюстрируют преобладание двухвекторных линейных субцен (трёхтерминальных и четырёхтерминальных) – 7 из 12 в рассматриваемой проповеди митр. Антония Сурожского «Sunday before Pentecost», что подчёркивает постоянную обратную связь в процессе получения дара от Бога и ответа ему или при передаче дара ближнему.

Заключение

Религиозный дискурс как один из типов дискурсов представляет собой совокупность различных форматов знания, одним из которых является проповедь. Архитектоника проповеди обусловлена конфессиональными правилами, однако с лингвокогнитивной точки зрения она может представлять собой различные типы корреляции когнитивных образований и когнитивных структур как статичных, так и динамичных.

Проведённый когнитивно-герменевтический анализ проповеди митр. Антония Сурожского «Sunday before Pentecost» выявил комплексный характер этого дискурсивного формата религиозного знания. Архитектоника проповеди примечательна в следующих аспектах: (1) лексема God (Бог) упомянута 50 раз; (2) выявлено чередование темпоральных векторов в речевом

потоке: от настоящего времени в прошлое, в библейское время, и обратно в настоящее время; (3) выявлена отсылка слушателей проповеди – прихожан храма к священным книгам; (4) установлена цикличность лексем, репрезентирующих путешествие; (5) выявлены топонимы; (6) выявлена культура *the High Room (горница)*; (7) проповедь представляет собой комплексную модель когнитивной сцены «Gifts» (дары), состоящей из 12 когнитивных субцен, что также символично. Архитектоника рассмотренных субцен различна, однако преобладают двухвекторные линейные субсцены (трёхтерминальных и четырёхтерминальных) – 7 из 12, что отражает интенцию этого формата знания, направленную на общение, на единение.

Изложенный в статье авторский алгоритм анализа материала проповеди как особого формата религиозного знания в преломлении сквозь призму теории текстовой репрезентации когнитивной сцены представлен впервые и может послужить отправной точкой для дальнейших исследований в этом направлении.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. История лингвистических учений: учеб. пособие для студ., магистр. и асп. филол. спец. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ». 2013.

2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) // Автореф. докт. дисс. по спец. 10.02.19 – теория языка. 2007. 45 с.

3. Гаспарян Г.Р. Текст как дискурсивное со-бытие / Г.Р. Гаспарян, В.Е. Чернявская // *Вопр. когнит. лингвистики*. 2014. № 4. С. 44-51.

3. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.

4. Карасик В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // *Известия Волгоградского пед. университета*. 2015. № 1 (96). С. 73-79.

5. Огнева Е.А. Структурирование религиозного дискурса: субконцепт 'молитва' // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2008. №1-1. С. 132-135.

6. Огнева Е.А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации: монография / Е.А. Огнева, Ю.А. Кузьминых. М.: Эдитус, 2014. 202 с.

7. Шевченко И.С. Дискурс и его категории // *Вісник Харківського національного ун-ту ім. В.Н. Каразіна*. 2011. № 973. Вып. 68. С. 6-12.

8. Шевченко И.С. Дискурс и стиль: проблемы эвристики // *Функциональная лингвистика*. 2012. № 4. С. 313-315.

9. Яхнева Ф.О. Реализаций концепта «The Lord`s Entry into Jerusalem» в англоязычном дискурсе православного проповедника // *Вестник Тверского гос. университета. Серия «Филология»*. 2015. № 2. С. 236-239.

Источники фактического материала:

10. Библия. United Bible Societies. 1991. 1371 с.

11. Metropolitan Anthony of Sourozh. *Weekly Sermons*. «Sunday before Pentecost». 11 June 1989. URL: http://www.mitras.ru/eng/eng_70.htm (дата обращения 12.01.2016)

References

1. Alefirenko N.F. *The History of Linguistic Doctrines*. Belgorod: BSU. 2013.

2. Bobireva E.V. *Religious Discourse: Values, Genres, Strategies (based on Orthodox Doctrine)* // Author's abstract of scientific paper. 2007. 45 p.

3. Gasparian G.R., Cherniavskaya V.E. *Text as a Discursive Event* // *Cognitive Linguistic Issues*. 2014. № 4. Pp. 44-51.

3. Karasik V.I. *Lingual Cultural Matrix*. М.: Gnozis, 2013.

4. Karasik V.I. *Discourse Interpretation: Topic, Format, Modus* // *Volgograd Pedagogical University News*. 2015. № 1 (96). Pp. 73-79.

5. Ogneva E.A. *Structuring of Religious Discourse: Subconcept 'Prayer'* // *Philological sciences. Issues of Theory and Practices*. 2008. №1-1. Pp. 132-135.

6. Ogneva E.A., Kuzminich Yu.A. *Text Cognitive Scene Architectonics: Modeling and Interpreting Issues*. М.: Editus, 2014. 202 p.

7. Shevchenko I.S. *Discourse and its Categories* // *Kharkov National University News*. 2011. № 973. Вып. 68. Pp. 6-12.

8. Shevchenko I.S. *Discourse and Style: Heuristics Issues* // *Functional Linguistics*. 2012. № 4. Pp. 313-315.

9. Yakhneva F.O. *Representation of Concept «The Lord`s Entry into Jerusalem» in the English Discourse of the Orthodox Priest* // *Tver State University News. «Philology»*. 2015. № 2. Pp. 236-239.

10. *Bible*. United Bible Societies. 1991. 1371 p.

11. Metropolitan Anthony of Sourozh. *Weekly Sermons*. «Sunday before Pentecost». 11 June 1989. URL: http://www.mitras.ru/eng/eng_70.htm (date of access: December 1, 2016).

УДК 811.11

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-39-43

Тупикова С.Е.
Семухина Е.А.

О КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ТРЕВОЖНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ АНГЛО- И ФРАНКОЯЗЫЧНОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

- 1) доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, кандидат филологических наук, доцент Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83. tupikovase@mail.ru
- 2) доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова», 410003, г. Саратов, ул. Радищева, 89. semuh@rambler.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению вопроса когнитивных механизмов репрезентации модусной категории тональности и формированию тревожной тональности на материале современного англо- и франкоязычного публицистического дискурса. Выделяются и рассматриваются как экстралингвистические, так и лингвистические когнитивные механизмы репрезентации тревожной тональности. Особое внимание в статье уделяется таким механизмам воздействия на читателя, которые имеют экстралингвистический характера, как отбор публикаций на главную страницу издания, графическое выделение материалов, оформление (или его отсутствие) фотографиями. Доказывается, что на уровне языка тревожная тональность реализуется посредством эмоционально окрашенной лексики, оценочной цитации и концептуально метафорической репрезентацией.

Ключевые слова: когнитивные механизмы; модусная категория; тревожная тональность; интерпретация; публицистический дискурс.

Tupikova S. E.
Semukhina E. A.

COGNITIVE MECHANISMS OF ANXIOUS TONALITY FORMATION IN ENGLISH AND FRENCH PUBLICISTIC DISCOURSE

- 1) PhD in Philology, Associate Professor, Department of the English Language and Teaching Methodology. Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia. e-mail: tupikovase@mail.ru
- 2) PhD in Philology, Associate Professor, Saratov Social Economic University (Branch of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov), 89 Radisheva St., Saratov, 410003, Russia. e-mail: semuh@rambler.ru

Abstract. The article deals with the study of cognitive methods of representing the modus category of tonality on the material of contemporary English and French publicistic discourse. The authors examine both extralinguistic and linguistic mechanisms of anxious tonality representation. Much attention is paid to the following extralinguistic mechanisms that influence the readers' perception of information and represent anxious tonality in English and French publicistic discourse: choosing and editing material at the front page, graphic emphasizing, supply or lack of photos or illustrations. The article also proves that anxious tonality can be represented by emotionally colored lexis, quotation and conceptual metaphors on the linguistic level.

Key words: cognitive mechanisms; modus category; anxious tonality; interpretation; publicistic discourse.

Полученные в ходе различных исследований данные подтверждают тот факт, что восприятие человеком окружающей действительности является результатом его интерпретационной деятельности. Многие ученые утверждают, что любое знание по праву может считаться интерпретационным, так как в основе отражения знаний о мире в языке лежит интерпретация. По мнению Н.Н. Болдырева интерпретация служит основным средством получения, переработки, хранения и передачи информации, а специфика восприятия окружающего мира человеком,

осмысления его результатов и их представления средствами языка непосредственно связана с интерпретирующей функцией языка [4, с. 21].

Интерпретирующая функция языка не первый год является объектом внимания лингвистов-когнитологов, однако интерес к этой теме не ослабевает и сегодня. Отметим, что интерпретирующую функцию языка изучается наряду с познавательной, или когнитивной, и коммуникативной. Исследователи указывают, что данная функция возникает в связи с интерпретирующей деятельностью человека, в

результате которой «языковые выражения приобретают конкретное значение и смысл» [3, с. 11]. Под интерпретацией мы, вслед за Н.Н. Болдыревым, понимаем «процесс и результаты субъективного понимания человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним. Это — проекция мира, или знания о мире, «погруженные» в индивидуальное сознание человека [3, с. 11].

Интерпретация лежит не только в основе формирования языковых значений, но и является определяющей для одной из трех основных систем языковой категоризации, а именно модусной (к другим двум относят лексические и грамматические категории). Модусные категории представляют собой способы интерпретации знаний о мире отдельными носителями языка. К числу таких категорий относят отрицание, аксиологические (собственно оценочные) категории, категории аппроксимации, эвиденциональности, экспрессивности и т.п. мы относим к ним и категорию тональности (см. подробнее [7, 9, 10]).

Модусные категории возможно рассматривать как в статистическом, так и в динамическом аспекте. Как указывает Н.Н. Болдырев, под статическим аспектом категории (в том числе и модусной) признают систему когнитивных структур, сложившуюся в результате категоризации мира. Актуализация вышеозначенной системы средствами языка рассматривается как динамический аспект. При рассмотрении модусных категорий в динамическом аспекте становится очевидным, что они реализуются через ряд языковых средств, имеющих особенно ярко выраженный интерпретирующий характер. Таким образом, модусные категории представляется возможным признать одним из средств реализации интерпретирующей функции языка, а также «формой отражения человеческого сознания, проявления индивидуального опыта, знания, оценок» [2, с. 19].

Динамический аспект реализации модусных категорий, по нашему мнению, непосредственно связан с понятием дискурсивной интерпретации мира. Под последней понимается «выражение авторского отношения к происходящим событиям, людям или объектам в процессе языковой деятельности» [1, с. 5]. Дискурсивная интерпретация возникает в процессе обмена информацией: в результате устного или письменного общения человек получает какую-либо информацию, которую затем передает другому участнику общения, обозначая при этом свою позицию, производя оценку данных, т.е. осуществляет интерпретацию информации. Именно

в этом процессе неизбежно оказываются актуализированными модусные категории, такие, как, например, *тональность*.

Действительно, коммуникант стремится осуществить в языковой форме передачу индивидуального мировидения, отличающегося от других, и в связи с этим неосознанно или сознательно отбирает языковые средства, имеющие оценочную составляющую в своей семантике. Однако, как указывает Е.Г. Беляевская, «оценочные языковые средства играют важную, но не определяющую роль в формировании оценочного контекста, который может формироваться и на основании безоценочных языковых средств» [1, с. 6]. Исследователь подчеркивает, что значительную роль в процессе интерпретации играет ситуация, т.н. «экстралингвистический субстрат». По сути, процессы интерпретации включают в себя оценивание, а также формирование и передачу адресату новых знаний.

Вышесказанное позволяет определить модусную категорию тональности как составляющую процесса интерпретации, а также «основную категорию выражения эмоций, возникающую в процессе взаимодействия коммуникантов как языковых личностей, репрезентирующую их интенции и определяющую выбор всех средств общения. ... Тональность определяется как эмоциональная настроенность текста, характеризующаяся особой аранжировкой лексических и грамматических единиц, которые создают тон звучания; как категория неязыкового субъективного знания, отражающего эмоциональный характер высказываний, реализующих в себе определенные типы концептов, являющихся объединенными объектами классов субъективно оценочной и эмоционально экспрессивной категории в системе модусной категоризации языка. Напомним, что модусные категории обеспечивают возможность различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов. Соотнесение тональности с модусными категориями определяется, прежде всего, ее интерпретирующим значением в процессе коммуникации» [10, с. 218].

Известно, что категория тональности объективируется на всех уровнях языка, а также на экстралингвистическом (ситуативном, в том числе на уровне жестов, мелодики речи, графики). Ее формирование реализуется через ряд когнитивных механизмов, рассмотреть которые представляется возможным на материале англо- и франкоязычного публицистического дискурса.

Отметим, что обращение к этому виду дискурса продиктовано тем, что именно в нем ярко отражается мнение, личность автора. Как подчеркивает О.Б. Сиротина, «особенность текстов современных газет состоит в том, что в их смысловой структуре субъективные смыслы, идущие от говорящего / автора статьи, преобладают над объективными, предметно-логическими, что соответствует ожиданиям массового адресата, который ждет от журналиста не просто информацию о положении дел в стране и мире, но и интерпретацию такой информации, ее оценку» [5]. Таким образом публицистический дискурс дает широкие возможности для исследования модусной категории тональности, имеющей в данном контексте большое видовое разнообразие, которое изменяется в зависимости от актуальной обстановки в стране или на международной арене.

Как было доказано ранее (подробнее см. [7, 8]), в публицистическом дискурсе реализуются такие виды тональности как критическая, ироническая, комплиментарная и пр. Помимо традиционных для публицистики видов тональности сегодня в европейских средствах массовой информации все чаще звучит *тревожная*, что обусловлено напряжением международной обстановки, террористическими атаками, неконтролируемым потоком беженцев и др.

Рассмотрим конкретнее, какие именно когнитивные механизмы лежат в основе формирования тревожной тональности англо- и франкоязычного дискурса СМИ. В качестве материала нами использовались интернет-публикации ведущих общенациональных газет и журналов Великобритании (The Guardian, The Times) и Франции (Le Monde, Le Figaro).

Один из скрытых механизмов воздействия на читателя имеет **экстралингвистический характер**. Сюда можно отнести как отбор публикаций на «первую полосу» (главную страницу сайта), так и графическое выделение материалов, оформление (или его отсутствие) фотографиями.

Так, например, на главной странице сайта газеты «Фигаро» (Le Figaro) самый крупный заголовок рассказывает о тревожных и драматических событиях:

Des manifestants saccagent une salle de prière musulmane à Ajaccio [12].

Участники манифестации разгромили молельный зал мусульман в Аяччо.

Отметим также, что фотография к этой статье на две трети больше, чем другие. Чуть ниже читателю предлагаются еще одна публикация, заголовок которой выделен более крупным шрифтом. Здесь речь идет о терактах, прошедших в Париже 13 ноября 2015 года:

Comment le cerveau présumé du premier projet d'attentat contre le Bataclan a échappé à la justice [12].

Как предполагаемый «мозг» первого проекта нападения на «Батаклан» избежал правосудия.

Последняя статья на странице также повествует читателю о проблемной ситуации – борьбе с ИГИЛ. Отметим, что последняя статья согласно мнению психологов – это также позиция, которая максимально запоминается читателю.

Dans le nord de l'Irak, les habitants d'al-Qosh font de la résistance à Daech [12].

На севере Ирака жители Алькаша сопротивляются ИГИЛ.

Лишь сбоку страницы, шрифтом на порядок меньшим публикуются новости о спорте, увлечениях и прочем. Эти статьи не снабжены фотографиями и разнесены по рубрикам «Короткие новости», «Сегодня», «На этой неделе».

Анализ текстов англоязычных СМИ так же позволил сделать выводы о том, что в основе формирования тревожной тональности лежит такой когнитивный механизм экстралингвистического характера, как выбор темы публикации на главную страницу номера, графические приемы и снабжение материалов фотографиями, привлекающими внимание читателей.

Так, на главной странице англоязычной газеты The Guardian от 25 декабря 2015 опубликована статья *Stateless in Europe*, посвященная беженцам из Сирии. Тревожная тональность репрезентирована в этой статье, как лингвистическими, так и экстралингвистическими средствами:

Stateless in Europe: «We are no people with no nation». Stories of adults who have spent their whole life without citizenship highlight fate awaiting children of Syrian refugees if their nationality is not resolved [14].

Лица без гражданства в Европе: «Мы не люди и не граждане».

На экстралингвистическом уровне тревожная тональность репрезентирована в этом примере, во-первых, размещением данной статьи на первой полосе, во-вторых, визуальным рядом – многочисленными фотографиями бездомных женщин и голодных детей и, в-третьих, графически – выделением жирным шрифтом, ярко-красным фоном заголовка и подзаголовка. К лингвистическим средствам репрезентации тревожной тональности в данной статье мы относим: 1) выбором эмоционально-окрашенных лексических единиц (*stateless* - *not officially being a citizen of any country*; *fate* - *the things that will happen to someone, especially unpleasant events*; *refugee* - *someone who has been forced to leave their country, especially during a war, or for political or religious reasons*), 2) двойным отрицанием (*no people with no nation*), что усиливает негативный и тревожный тон публикации, 3) цитированием в заголовке.

Как показало наше исследование, на уровне языка тревожная тональность реализуется через **применение эмоционально окрашенной лексики.**

Так, например, на страницах «Монд» (Le Monde) встречаем:

L'état d'urgence est proclamé parce que le pays est en guerre, profondément meurtri et déstabilisé par des attaques terroristes multiformes conduites par des kamikazes...[13].

Объявлено чрезвычайное положение, так как страна в состоянии войны, она сильно истерзана и нестабильна из-за разнообразных террористических атак, совершенных камикадзе...

В данном контексте *meurtri* (истерзанный) как характеристика состояния страны является явным преувеличением, направленным на усиление чувства сострадания и тревоги. А слово *kamikazes* (камикадзе), призвано подчеркнуть чужеродность преступников, их принадлежность к иной культуре.

Описанный выше способ когнитивного воздействия на читателя путем создания тревожной тональности публикации часто сочетается с приемом **концептуально-метафорической репрезентации.**

Подчеркнем, что концептуальная метафора способна структурировать не только понятийные сферы, но и отдельные высказывания. Последние могут быть основаны на одной или группе концептуальных метафор, связанных общей образной картиной. Такую структуру называют концептуальной схемой высказывания (о видах концептуальных структур см. также [6]).

Концептуальная схема высказывания играет структурирующую роль и выполняет прагматическое задание. В частности, концептуальная метафора позволяет сформировать у читателя оценочное отношение к сообщению, способствует созданию в сознании реципиента образной картины, позволяющей наглядно представить излагаемый автором материал.

Так, например, ИГИЛ может предстать перед читателем в виде метафорической проекции **ВМЕСТИЛИЩА**, расположенного внизу, движение к которому означает «падение»:

Daech progresse en Libye. Le pays peut-il tomber dans l'escarcelle de l'Etat islamique? [13].

ИГИЛ усиливается в Ливии. Провалится ли страна в мешок с добычей Исламского государства?

Эта концептуальная метафора усиливает чувство страха читателя перед некоторым явлением, перед которым он мысленно останавливается, как на краю «неизвестной бездны».

В англоязычном публицистическом дискурсе находим аналогичные примеры. Например, место

расположение армии ИГИЛ предстает в виде метафорической проекции **ЦИТАДЕЛИ** – крепости, чего-то неприступного, с одной стороны, и **ЦИТАДЕЛЬЮ ЗЛА**, с другой.

Iraqi forces 'enter Islamic State Ramadi stronghold'[11].

Иракские силы «вошли в«цитадель Исламского государства Рамади».

В другом отрывке на сайте газеты «Фигаро» границы государства отражаются в метафорическом «зеркале» в виде **ДВЕРИ**, которую следует «закрыть на засов» перед лицом угрозы наступления ИГИЛ:

Rest à savoir quel rôle pourrait être dévolu aux pays voisins de la Libye. Généralement, ils ne font que tenter de verrouiller leur frontière [12].

Остается узнать, какая доля могла бы выпасть на роль соседних с Ливией государств. В основном они только стараются запереть на засов свои границы.

А в статье, размещенной на сайте The Guardian от 16 января 2016г. действия ИГИЛ сравниваются с **РЕЗНЕЙ**, **БОЙНЕЙ**, что формирует у читателя оценочное негативное отношение к сообщению и способствует созданию в сознании реципиента тревоги и страха:

Dozens killed by Islamic State in 'massacre' in Syrian city of Deir ez-Zor [14].

Десятки были убиты боевиками исламского государства во время «резни (бойни)» в сирийском городе Дейр-эз-Зор.

Еще один значимый механизм создания тревожной тональности публицистического дискурса состоит в использовании **ЦИТАЦИИ**. Цитаты представляют собой отрывки авторского текста и оценочны уже только исходя из этого своего качества. Кроме того, в новостных публикациях используют такие цитаты, которые могут максимально ярко подчеркнуть мысль автора и имеют порой избыточную степень оценочности.

Père Mourad : «J'étais prêt à donner ma vie pour la paix» [12].

Пьер Мура: «Я был готов отдать свою жизнь ради мира».

Les responsables musulmans condamnent des «actes inqualifiables et intolérables» [13].

Ответственные лица мусульман признают эти действия «неслыханными и нестерпимыми».

Ex-prisoners head to Switzerland as Washington Post reporter confirms Rezaian's departure from Tehran: 'This 545-day nightmare is finally over'[14].

Бывшие заключенные отправляются в Швейцарию, репортер Washington Post подтверждает отъезд Rezaian из Тегерана: «Этот 545-дневный кошмар, наконец, закончился».

В общем представляется, что проанализированные нами выше когнитивные

механизмы формирования тревожной тональности в публицистическом дискурсе применяются совместно. Кроме того, используются и некоторые другие способы создания рассматриваемой модусной категории, изучение которых может стать темой для дальнейшего научного исследования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что новая для англо- и франкоязычного публицистического дискурса тревожная тональность появилась в результате осложнения международной обстановки. Этот вид модусной категории тональности является фактом реализации интерпретирующей функции языка. Тревожная тональность актуализируется в публицистическом дискурсе через ряд когнитивных механизмов, в частности экстралингвистические (графические и пр.), применение эмоционально окрашенной лексики, концептуально-метафорическую репрезентацию, оценочную цитацию и др.

Список литературы

1. Беляевская Е.Г. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 3. М.: Ин-т языкознания РАН, 2015. С. 5-13.
2. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. Москва, 2006. Вып. 2. С. 5 – 22.
3. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник ЧГУ. Челябинск, 2011. Вып. 60. С. 11-16.
4. Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 20-28.
5. Исследование реального функционирования русского языка в трудах ученых Саратовской лингвистической школы, 2014. URL: <http://uapryal.com.ua/scientific-section/kormilitsyina-m-a-sirotnina-o-b-saratov-issledovanie-realnogo-funktsionirovaniya-russkogo-yazyika-v-trudah-uchenyih-saratovskoy-lingvisticheskoy-shkolyi/.pdf> (дата обращения: 25.12.15).
6. Семухина Е.А. Лингвосемиотика в исследовании концептуальных структур // Когнитивные исследования языка, №9. Тамбов, 2011. С. 205 - 212.
7. Семухина Е.А. Виды коммуникативной тональности публицистического дискурса // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов 3-ей международной он-лайн конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (16-18 февраля 2011 г.) Саратов: РИЦ «Научное издание», 2011. С. 174-180
8. Тупилова С.Е. Универсальные тональности жанра светской хроники публицистического дискурса // Вестник ТГУ, выпуск 2 (94). Тамбов, 2011. С. 203-207.

9. Тупилова С.Е. Интерпретация текстовой информации в зависимости от тональности // Когнитивные исследования языка. М.: Институт языкознания РАН, 2014. Вып. XVI. С. 218 – 228.

10. Тупилова С.Е. К вопросу когнитивной интерпретации тональности и ее моделям // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: сборник науч.трудов / отв.ред. вып. Л.А. Фурс. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С.188-195

11. BBC - Режим доступа: <http://www.bbc.com/news>
Дата обращения: декабрь 2015.

12. Figaro – Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/>.
Дата обращения: ноябрь-декабрь 2015.

13. Monde – Режим доступа: <http://www.lemonde.fr/>.
Дата обращения: ноябрь-декабрь 2015.

14. The Guardian- Режим доступа: <http://www.theguardian.com/> Дата обращения: декабрь 2015 – январь 2016.

References

1. Beliaevskaya E.G. Media Discourse: Cognitive Models of Event Interpretation // Issues of Cognitive Linguistics № 3, 2015. Pp. 5-13
2. Boldyrev N.N. Language Categories as Formats of Knowledge // Issues of Cognitive Linguistics, 2006. Vol. 2. Pp. 5-22.
3. Boldyrev N.N. Interpreting Function of Language // Vestnik Cheliabinskii State University, 2011. Vol. 60. Pp. 11-16.
4. Boldyrev N.N. Interpretation of the World and Knowledge of the World in Language // Cognitive Studies of Language, Vol. XIX. M.: RAS, 2014. Pp. 20-28.
5. Research of Real Functioning of the Russian Language in Saratov scholars` works, 2014. URL: <http://uapryal.com.ua/scientific-section/kormilitsyina-m-a-sirotnina-o-b-saratov-issledovanie-realnogo-funktsionirovaniya-russkogo-yazyika-v-trudah-uchenyih-saratovskoy-lingvisticheskoy-shkolyi/.pdf> (date of access: December 25, 15).
6. Semukhina E.A. Lingua-semiotics in Conceptual Structures Studies // Cognitive Studies of Language, Vol. 9. M.: Russian Academy of Science, 2011. Pp. 205-212.
7. Semukhina E.A. Types of Communicative Tonality in Publicistic Discourse // Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication. Saratov: «Nauchnoe Izdanie», 2011. Pp. 174-180
8. Tupikova S.E. Universal Tones of Gossip Column Genre in Publicistic Discourse // Vestnik Tambov state University, Vol. 2 (94). Tambov, 2011. Pp. 203-207.
9. Tupikova S.E. Interpreting of the Text Information According to Tonality // Cognitive Studies of Language. M.: Russian Academy of Science, Vol. XVI, 2014. Pp. 218-228.
10. Tupikova S.E. Cognitive Interpretation of Tonality and Its Models // Cognitive Studies of Language. M.: Russian Academy of Science, Vol. XVII, 2014. Pp.188-195

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-44-47

**Чекулай И.В.
Прохорова О.Н.**

**ЦЕННОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
В СОЗДАНИИ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТНЫХ КОНЦЕПТОВ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

- 1) профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, профессор
2) директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений, доктор филологических наук, профессор ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», д.85, ул. Победы, г. Белгород, 308015, Россия. chekulai@bsu.edu.ru, prokhorova@bsu.edu.ru

Аннотация. Ценностное переосмысление деятельности с последующей речевой экспликацией такого переосмысления в виде оценочных суждений требует особых лабильных механизмов адаптации лексических и синтаксических единиц к ситуации оценочной квалификации. Такие механизмы чаще всего реализуются в метафорических переосмыслениях. В настоящей работе представлены основные метафорические модели ценностного осмысления действительности в англо-саксонской языковой картине мира. Такими общими моделями, включающими более частные модели для описания различных ситуаций оценки являются понимание деятельности как движения или пути, как живого организма (человека, животного или растения), как средства сохранения или разрушения существующего положения вещей, как чувственно-соматического восприятия мира. Эти модели метафорического ценностного переосмысления вследствие их лабильной структуры открыты для взаимодействия друг с другом и с ценностными концептосферами и поэтому могут варьироваться с течением времени и социальных условий развития языкового социума.

Ключевые слова: ценность; оценка; метафорические модели; ситуация оценки.

**Chekulai I.V.
Prokhorova O.N.**

**METAPHORICAL MODELS OF VALUE AND ACTIVITY IN CREATING
A SYSTEM OF VALUE CONCEPTS IN THE ENGLISH LANGUAGE**

- 1) Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, the Russian Federation
2) Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Cross-cultural Communication and International relations, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, the Russian Federation

Abstract. The evaluative interpretation of the activity with the consequent speech explication of such an interpretation in the form of evaluative statements demands special pliable mechanisms of adopting lexical and syntactical units to the situation of evaluative qualification. Such mechanisms are mostly actualized in the form of metaphorical interpretations. The main types of metaphorical models of the surrounding world value interpretation within the Anglo-Saxon language world-picture have been represented in this investigation. Such general models including more specific ones used to describe different situations of evaluation are viewing the activity in the terms of motion or itinerary, in the form of a living organism (plants, animals and human beings), as the means of preserving or destruction of the present state of things, as the perception of the surrounding reality by senses. These models of the metaphorical value interpretations are opened both to their common interaction and the interaction with the value conceptual domains due to their pliable structuring, that is why they may be subjected to their variations according to the changes in the temporal and social conditions for the language development.

Key words: value; evaluation; metaphorical models; evaluative situation

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, оценка, в том числе и в языке, является выражением ценности. Но последняя рождается только внутри человеческого социума, являясь своего рода порождением деятельности природы, самого социума и тех отдельных индивидов, которые его составляют. И её

относительный характер требует определённых моделей языкового выражения переосмысления деятельности в её различных ракурсах. При этом как философами, так и лингвистами подчёркивается гипотеза о том, что ценностное содержание наполняет практически любое высказывание как законченную мысль, и, таким образом, его

носителем может быть отдельное слово. В частности, об этом говорит известный философ Р.М.Хэар: «Я не хочу сказать, что характеристики слов-ценностей [value-words] ... сводятся к нескольким рассмотренным здесь типичным словам вроде 'good', 'right' и 'ought'; фактически, это тот случай, ... когда почти каждое слово в нашем языке способно при случае использоваться как слова-ценности» [Hare 1970: 79].

Само по себе слово вне контекста может характеризовать различные виды деятельности, и оценочное содержание оно получает лишь в определённой речевой ситуации. Часто такое совмещение внеязыковой деятельности и языкового знака требует своего рода преломления, переосмысления деятельности как понятия или концепта для данной непосредственной ситуации деятельности. Более того, такое переосмысление должно быть достаточно лабильным для адаптации к различным условиям действительности, семантическим и прагматическим ролям коммуникантов и т.п. Как подчеркивает Р.Хартман, «системная оценка является моделью догмы и предубеждения, жесткого или схематического мышления, ... внешнее измерение позволяет рассматривать вещь через гибкий характер (*fluidity*) ее свойств, вследствие чего во всех возможных контекстах она приспособляема и гибка, ... внутреннее измерение представляет модель творчества, спонтанности, эмфатического мышления» [Hartman 1973: 42-44]. Таким основным видом переосмысления деятельности является метафора.

МЕТАФОРА В СИСТЕМЕ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Характеризуя общие функциональные свойства метафоры, Н.Д.Арутюнова подчеркивает, что они направлены на создание индивидуальности предмета [1, С. 348-349]. В таком качестве метафора имеет два семантических измерения. С одной стороны, она действительно дает образное подчеркивание свойств явления. С другой стороны, как замечает Н.Д.Арутюнова, «метафора индивидуализирует предмет, относя его к классу, которому он не принадлежит. Она работает на категориальной ошибке» [1, С. 348].

Как представляется, именно такая интерпретация метафоры является наиболее точным выражением сущности этого феномена по сравнению с иными научными интерпретациями метафоры. Очень верными представляются следующие строки из его совместной работы Дж. Лакоффа и М.Джонсона: «Метафора принадлежит не только языку, т.е. не только словам. Мы утверждаем, что процессы человеческого мышления во многом метафоричны. Это то, что имеется в виду, когда

мы говорим, что концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры» [9, С. 27].

С данной точкой зрения перекликается и философское понимание метафоры в концепции И.В.Полозовой, которая утверждает: «Онтологической основой метафоры является реальность, понимаемая как некое единство, как целостность, предшествующая последующему разделению вещей в нашем сознании, к которой равно причастны как все ее проявления, так и существо человека, и которая находит свое отражение, в первую очередь, в поэтическом воззрении на мир» [5, С. 56].

Едва ли можно оспаривать то, что метафора является средством категоризации опыта и знаний социума, и, прежде всего, языкового социума, в целом. Но роль средства еще не определяет его принципиальной роли в формировании подобной системы ментального опыта. То, что Н.Д.Арутюнова называет «категориальной ошибкой», является фактически целью метафорического переноса – заполнить ту брешь структурной организации человеческого знания, которую невозможно заполнить конвенциональными средствами. Как справедливо утверждает Г.Н.Скляревская, «Метафора как феномен языка создает отнюдь не фрагмент языковой картины мира, но заполняет все ее пространство» [6, С. 85]. С этих позиций метафорические переосмысления фактов действительности с ценностных позиций действительно представляют собой *связующие* модели формирования концептуальных отношений.

ОСНОВНЫЕ ОЦЕНОЧНО-МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

На наш взгляд, основные модели ценностного переосмысления метафорических концептов деятельности можно представить основными моделями:

1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ПУТЬ

Семантика метафорического переосмысления деятельности как движения из одной точки в другую является наиболее продуктивной моделью метафоризации в ценностную область-цель. Это обуславливает метафорическое переосмысление таких основных этапов движения, как его начало, продолжительность и окончание в ценностных терминах, что проявляется в речевых оценочных высказываниях, например:

«If it meant that much, why did you hide it? Why did you become Kroeger?»...

«Because Ulster Scarlett was not fit to represent the new order. The new world!» [R.Ludlum. The Scarlati Inheritance].

В приведенном примере атрибутивное сочетание new + существительное с семантикой начала передает инициацию деятельности с надеждой на будущее, с перспективой наладить дела так, как представляется необходимым субъекту оценки с ретроспективной импликацией избавления от сложившегося нежелательного состояния дел.

На пути возможны остановки или определенные точки маршрута, на которых необходимо остановиться и сориентироваться в пространстве. Метафора таких пунктов в область-цель квалификации создавшегося положения передается лексемами *position, to stand* и другими, относящимися к семантической парадигме временной остановки:

Hilda Straughan considered, «I could check, but I think it's about six month ago.»

«We'd better have them do another. Then we'll know where we stand.» [A.Hailey. *The Final Diagnosis*].

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО РОСТ РАСТЕНИЯ ИЛИ ЖИВОГО ОРГАНИЗМА

Во-первых, сам онтогенез растения предполагает его начальную стадию (посев семени), средства стимуляции роста, сам процесс роста и, наконец, плод как результат роста. Во-вторых, биология онтогенеза и филогенеза флоры и фауны предполагает идентичные стадии, и поэтому физиологическое зачатие животного соответствует посеву семени растения, стимуляция развития и само развитие эмбриона животного соответствует стимуляции развития и росту растения, и, наконец, плод соответствует новорожденному младенцу.

С другой стороны, ценностное метафорическое переосмысление временного развития животного и человека не заканчивается его рождением. В этом случае происходит наложение данной метафорической модели на описанную выше, поскольку жизнедеятельность является важнейшей репрезентацией абстрактного представления деятельности.

Тема метафорического ценностного переосмысления особенностей поведения человека в сравнении с поведением животных была затронута во многих научных работах по семантике английского языка. Центральной темой таких исследований является понимание человека как оппозиции представителям животного мира с позиций морально-этической оценки. Именно поэтому наиболее часто в оценочных высказываниях человек противопоставляется не какому-то отдельному биологическому виду, а животному миру в целом, например:

«What manner of men are we then, if we do not have our reason», he said. «We are all no better than

beasts in the jungle if it were the case» [M.Puzo. *The Godfather*].

3. Деятельность может также ассоциироваться со средствами сохранения создавшегося и имеющего определенную ценностную характеристику положения, или же, напротив, со средствами его разрушения. Так, в следующем примере подросток метафорически переосмысливается как «бомба», знающая о домогательствах своего дяди к служанке:

Uncle Harold looked bad these days – his plump pink face was now yellowish and sagging and he had the expression on his face of a man waiting for a bomb to go off. The bomb was Thomas. All he had to do was hint to Tante Elsa about what was going on between Uncle Harold and Clothilde and they wouldn't be singing Tristan and Isolde for a long time to come in the Jordache household [I.Shaw. *Rich Man, Poor Man*].

4. Ценностное понимание деятельности может быть также переосмыслено с позиций семантики восприятия. Внутри данной модели выделяется множество более специфических моделей, связанных с особенностями восприятия различными подсистемами восприятия. Так, область-источник зрительного восприятия связывается с ясностью перспективы деятельности, с осознанием ясности происходящих событий:

Then she had the dark suspicion that that was exactly what Billy wanted her to say [I.Shaw. *Rich Man, Poor Man*].

В то же время метафорическое переосмысление семантики цвета может быть связано с определенным эмоциональным, духовным или психическим состоянием индивида. Несомненно, цветовые ассоциации в условиях различных языковых коллективов имеют свою специфику, которая, по мнению А.Вежицкой, определена лексической сеткой координат родного языка [2, С. 505]. В определенной степени можно согласиться с мнением В.Г.Кульпиной, которая утверждает: «Не только характер человека, но и его чувства могут представать перед нами в цветовых характеристиках. Эти характеристики специфичны для каждого из рассматриваемых нами языков» [3, С. 135]. Однако это представляется верным для частных случаев метафорического переосмысления цвета в терминах ценности и оценки. По крайней мере, на материале английского и русского языков можно обобщить то положение, что ассоциирование ярких или теплых цветов в целом связано с позитивными эмоционально-оценочными коннотациями, и, напротив, темных или холодных цветов – с негативными эмоцией, настроением, душевным состоянием. В частности, З. Кёвечеш отмечает, что такие полярно оценочные эмоции, как *радость* и *печаль*, ассоциируются соответственно

со светлым и тёмным цветами [10, С. 24-25]. Гипотетически можно предположить, что ценностный и оценочный синкретизм цветовой метафоры является универсальной чертой и представляет достаточно продуктивную модель ценностного переосмысления в любом языке. В частности, это явление достаточно широко распространено в английском языке. Так, душевное состояние девушки, перенесшей ампутацию ноги, описывается в следующих цветовых терминах:

There were still moments of blackness and despair; they came to her when she was alone, and twice, waking at night, with the hospital around her quiet and eerie, she had lain crying silently for what had been lost [A.Hailey. The Final Diagnosis].

Актуализация эмоционального и душевного состояния происходит также в результате метафорического переосмысления вкусового и обонятельного восприятия. При этом вкусовая метафора апеллирует скорее к сфере эстетической оценки, например:

Thomas had lain on the beach and eaten two great, heavy meals a day, developed a taste for vin rosé, and had put on fifteen pounds [I.Shaw. Rich Man, Poor Man].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, выделенные выше модели метафоризации предметных и перцептивных концептов в сферу ценности и оценки являются релевантными с позиций рассмотрения системы языка в целом, однако с позиций формирования ценностных концептов и метафора, и метонимия представляют собой не основной движущий механизм категоризации, не основу порождения системы ценностных концептов и категорий, а являются несомненно важным и облигаторным средством осуществления ассоциативной связи между отдельными ценностными концептами и концептосферами.

Даже, казалось бы, недоступная для критики модель ценностного переосмысления пространства GOOD IS UP, BAD IS DOWN с ее вариациями применительно к сферам частной оценки [4, С. 14-21] может подвергаться интерпретациям с противоположным оценочным знаком. Так, несмотря на то, что глубина ассоциативно связывается с семантикой нижнего положения, метафорический концепт DEPTH в сфере познавательных ценностей имеет потенциалы к интерпретации в терминах как позитивной, так и негативной оценки. Свидетельством этому являются словарно зафиксированные словозначения слова deep: «1. ... (fig.) deep insight, thinker. 2... difficult to understand, profound, not superficial, penetrating (~ causes). 3. heartfelt, absorbing, absorbed (~ affection, feelings)» [The Concise Oxford Dictionary, p. 249].

Как и модели перекатегоризации предметных концептов в ценностные, модели метафорического ценностного переосмысления имеют лабильную, гибкую структуру пополнения ценностного концептуального корпуса. Они открыты для взаимодействия друг с другом и с ценностными концептосферами и поэтому могут варьироваться с течением времени и социальных условий развития языкового социума.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999. 896 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки рус. культуры, 1999. 780 с.
3. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. М.: Моск. лицей, 2001. 470 с.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Полозова И.В. Метафора как средство научного познания. Самара: Изд-во самарского ун-та, 1999. 187 с.
6. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. 166 с.
7. Hare R. M. The Language of Morals. L.; Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 1970. 202 p.
8. Hartman R. S. Formal Axiology and the Measurement of Values. // Value Theory in Philosophy and Social Sciences. Vol. 2. N. Y.; L.; Paris, 1973: 38-46.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
10. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture and Body in Human Feeling. Cambridge Univ. Press, 2003. 223 p.

References

1. Arutyunova N.D. Language and Human World. M.: Languages of Russian Culture, 1999. 896 p.
2. A. Wierzbicka Semantic Universals and Language Description. Moscow: Russian Languages. Culture, 1999. 780 p.
3. Kulpina V.G. Linguistics Color: Color Terms in the Polish and Russian Languages. Moscow: Mosk. High School, 2001. 470 p.
4. George Lakoff Metaphors We Live By:.. Tr. from English. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.
5. Polozova I.V. Metaphor as a Means of Scientific Knowledge. Samara: Publishing House of the Samara University, 1999. 187 p.
6. Sklyarevskaya G.N. Metaphor in the Language System. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2004. 166 p.
7. Hare R. M. The Language of Morals. L. Oxford, N. Y.: Oxford Univ. Press, 1970. 202 p.
8. Hartman R. S. Formal Axiology and the Measurement of Values. // Value Theory in Philosophy and Social Sciences. Vol. 2. N. Y.; L.; Paris, 1973: 38-46.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
10. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture and Body in Human Feeling. Cambridge Univ. Press, 2003. 223 p.

РАЗДЕЛ III. ЭТНОЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
SECTION III. ETHNOLINGUISTICS AND CULTURAL LINGUISTICS

УДК 81'44

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-48-53

Mishanova Ya.V.

POSSIBLE REASONS FOR THE DIFFERENCES IN THE TYPES
OF EXPRESSION OF EXPRESSION OF THE CATEGORY IN ENGLISH
AND GERMAN

PhD in Philology, Associate Professor, Department of German and French Languages, Belgorod State National Research
University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. *mishanova@bsu.edu.ru*

Abstract

This article analyzes the process of diachronic changes in the morphological means of expression of the category of number in English and German from the point of view of the synergetic concept.

The article provides an overview of factors that cause the process of unification of the means of expression of the morphological category of number. A comparison of the morphological systems of two genetically related languages that have completely different ways of development may be of scientific interest. The article contains a number of assumptions about the reasons for the typological differences in the morphology of the German and English languages. The subject of the research are the evolutionary processes of the system of morphological means of expression in the category of number and diachronic changes in the relationship of the language systems.

The focus is on the morphological evolution of the morphological means in the category of number in English and German. The author provides an explanation of paradoxical phenomena related to the formation of the morphology in these languages on the basis of synergistic parameters.

The author makes an attempt to discover the cause-and-effect relationship in the language evolution and explore the mechanisms of morphological changes and proposes a model of synergy analysis of the evolution mechanism of the language system during the process of unification of the morphological means of expression of the category of number in English and German.

Key words: category of number; morphology of the category of number; linguistic evolution; synergetic linguistics; interference; dissipation; entropy; language system.

Мишанова Ю.В.

ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ В ТИПАХ ВЫРАЖЕНИЯ
КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

доцент кафедры немецкого и французского языков НИУ «БелГУ», кандидат филологических наук.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. *mishanova@bsu.edu.ru*

Аннотация

В данной статье анализируется процесс диахронического изменения морфологических средств выражения категории числа в английском и немецком языках с точки зрения синергетической концепции.

В статье представлен обзор факторов, обуславливающих процесс унификации морфологических средств выражения категории числа. Научный интерес может представлять сопоставление морфологических систем двух генетически родственных языков, имеющих совершенно различные пути развития. Статья содержит ряд предположений относительно причин типологических различий в морфологии числа немецкого и английского языков. Предметом исследования являются эволюционные процессы системы морфологических средств выражения категории числа в диахронии и взаимосвязь изменений в системе числа.

Основное внимание уделяется эволюции морфологических средств категории числа в английском и немецком языках, а также предлагается объяснение парадоксальных феноменов, связанных с формированием морфологии числа в рассматриваемых языках на основе синергетических параметров. Автор делает попытку выявить причинно-следственные связи в языковой эволюции и обнаружить механизмы морфологических преобразований и предлагает модель лингвосинергетического анализа механизма эволюции языковой системы в процессе унификации морфологических средств выражения категории числа в английском и немецком языках.

Ключевые слова: категория числа; морфология категории числа; языковая эволюция; лингвосинергетика; интерференция; диссипация; энтропия; языковая система.

Evolution in the broadest sense is a slow process that typically involves adapting the system to changes in the environment. However, changes in the individual levels of the language system (in our case, English morphology) can occur quickly. According to L.V. Bronnik, "synergetic methodology can be effective in explaining the mechanisms for rapid development of high-quality ... if it is created, it will be an important piece of the evolutionary-synergetic general scientific model of the world» [4, p.35]. The methodology of synergetics contributes to the quantitative linguistics. To Reinhard Köhler, «Synergetics is a special type of systems theoretical modelling whose specific characteristic is the treatment of the spontaneous rise and development of structures». [9, p. 41]. The exponents of this interdisciplinary approach in the field of linguistics have shown that synergetics is also compatible with the functional analytic models and explanatory approaches of quantitative linguistics. It provides concepts which are applicable to the phenomena of self-regulation and self-organisation as they are investigated in quantitative linguistics.

In this case we are primarily interested in the formation of the number morphology: «Although the basis of the number category is opposed to "one - more than one," the distinction between single and multiple accounts suggests an idea of count. A count is also quantified certainty while category of number transmits primarily quantitative uncertainties» [5, p. 141].

Consider more detailed the process of unification of the means of expression of the morphological category of number in English and German from the point of view of the general synergetic model of complex systems. Let's imagine that there is a stable open system. In our case it is the system of morphological characters of the category, for example, in Old English. At some point, the system is subject to some external influences, for example: spreading by the Norman invaders of their culture and language in England and then close integrity of the English language with the language of Scandinavian tribes in the north of the country.

These external factors distort the fluctuations system existing at that time in the language. The source of the fluctuations in this case is the need of

communication between the hosts and conquerors. When the amount of entropy in the system reaches a certain level, it comes to a critical state in its development, which is called a bifurcation point. At this point, the way of evolution of the system is not defined. The system scans a certain amount of available fluctuations, making a decisive choice in favor of one of them. This option breaks the symmetry of the whole system, as the selected fluctuation has a preference. The adapting process of the other system parts begins, they try to accept the changes, so self-organization process runs. In these conditions new dynamic states are formed - dissipative structures. Prigogin describes them as a "stationary state stable cooperative movement" [10, p. 53]. The dissipation is of great importance in the unification of system parts, because eliminates redundant unsustainable structures, leaving only those that correspond to the changed conditions of existence in the system. In such cases, either system dies in general, or "stepping over" the chaos, it goes to a new stable state. At the same time within this chaos begins to form a new system procedure (the so-called dissipative structure) with a new self-ordering and new mechanisms of self-organization.

By A.M. Amatov, in this case "dissipation» means «emissions outside» of outdated elements and structures, which are replaced by the new ones. [2, p.6]. In our case the unification of the morphology system does not use the "external supplies". The system selects significant attractors - available in the language endings - (e)s and - (e)n. Due to the significant reduction in the number of morphological means of expressing plural nouns, the symmetry of the system is seriously disturbed, entropy increases, and in the end less powerful attractor - (e) n no longer attracts the elements, so derived morphological means of expressing the number of categories is only the ending - (e)s.

Information entropy (degree of uncertainty signal) was named in honor of mathematician Shannon "Shannon's entropy." In fact, the entropy of language - is a measure of the uncertainty degree of linguistic sign. Shannon derived the formula for measuring the level of information entropy:

$$H(X) = \sum_{i=1}^n p(x_i) \log_2 \left(\frac{1}{p(x_i)} \right) = - \sum_{i=1}^n p(x_i) \log_2 p(x_i)$$

using that, "... we can express the entropy index as the ratio of the sum of the content of the plans to the amount of expression of plans set in the language at a particular time :

$$U = \frac{\sum C}{\sum F}$$

For any language subsystem consisting of n elements having values m ,

$$U = \frac{\sum_{i=1}^m C_i}{\sum_{j=1}^n F_j}$$

where the U - rate uncertainty of linguistic sign (of uncertainty), C - content of the plan and the F - plan of expression.

Now, if we substitute U in the formula (1), we see that for $U > 1$, the entropy of the language is more than 0 ($H(L) > 0$), for $U = 1$ entropy is zero ($H(L) = 0$), and when $U < 1$ is negative entropy ($H(L) < 0$) » [1, p.14].

This formula is valid for consideration of the entropy level inside a separate part of the system, such as in this case - of the morphology. This formula is valid for consideration of the entropy level inside a separate part of the system, such as in this case - of the number morphology.

For example, in Old English period are accounted for an average about 9 morpheme to express numbers (such as *u, an, on, að, n, zero morphem, mutation, en*) and by the end of the Middle English period is only one productive morpheme - (*e*) *s*. If you do not take into account some isolated remnants of non-derivative plurals formed by other morphological means, based on the above formula, it can be argued that the level of entropy in Old morphology number was below 9 times than the same figure in Middle English.

The coexistence in the same territory, two language systems - English and Scandinavian (not to speak about the number of dialects) naturally led to the interference of language, including morphology. Interference is usually defined as "a set of different attributes expressions given point in the two comparative systems, forming a third one, where the laws of the native and non-native languages work. Interference is caused by the complexity of administration and fixing in a memory a set of various features of the third system and unconsciousness

transition to each of the two systems when constructing and understanding the text » [3, p.25].

So, interference may be viewed as the transference of elements of one language to another at various levels including phonological, grammatical, lexical and orthographical [7].

Code switching may also be considered in relation to language acquisition. A number of theories have been postulated as to how an individual attains language and these will now be outlined. The first to be considered is that of Chomsky [8] where he suggests that language acquisition takes place as the brain matures and exposure to the appropriate language is obtained.

This dynamic process of adaptation can lead to the development of new structures for communicative functions required, or to the elimination of elements which are not required any longer, but which may eventually be used for other purposes.

Today linguists have learned to predict the phenomenon of linguistic interference. So, comparing the grammatical system of two interacting languages and determining their differences, it is possible to make a list of potential forms of interference. However, not all of them can actually be realized. The number of features implemented in the list, their depth depends among other things on the system state at the time of contact situation. The degree of genetic kinship of languages in contact has a significant impact on the solution of the system in favor of change of certain grammatical phenomena in the process of interference. In this case, the rule is: the more is the degree of similarity between languages, the more is the likelihood of interference.

The phenomena of interference, as a rule, take place initially at the level of speech and constitute abnormalities of speech, they are used primarily of the undereducated population. In England, for several centuries due to the Norman conquest French was the dominant language. It was the language of the court, the government, the judicial institutions and churches. English was shifted to a lower social sphere: it was used by the peasants and the urban population. Moreover, during Scandinavian conquests rules of the English language were not recorded in writing, language development was freely and easily, language was left to himself.

The process of language change as a result of interference described by J. Bagan as follows:

«Because the operating structure in different languages is different, in the process of speech formation in a foreign language verbal expression is complicated by the fact that the selection of linguistic resources emerge nominees, the grammatical rules of the native language in the power of the old strong skills registration statements, that is, there is a superposition of two systems in the process of speech, which in its turn leads anyway to interference» [3, p. 206]. We could add to the picture described that Scandinavian language in the Middle English period created a situation of strong instability of the system of the English language, which has arisen precisely because of its typological and genetic proximity. There could be two ways: preservation of the old system or morphological morphology or easing of morphology and the transition to a new type of language. The system has chosen the latter.

A.M.Amatov therefore wrote: «Increasing the entropy of the system can result in its bifurcation state, the transition from stable to unstable state of the system, which represents an escalation mode. In escalation mode system becomes sensitive even to small fluctuations, and to remove the system for a particular evolutionary path at the time of aggravation can rather minor impacts.» [2, p.8].

In the German language it happened in a different way. Despite the fact that the level of entropy in the system of language Middle High remained relatively high due to the parallel operation of a huge number of dialects, compete with each other, the volume of morphological unifications was significantly less than in the English language system. Dialects, of course, were even more genetically similar to each other than in the case of English - Scandinavian. However, Germany is gradually emerging in the interest of the people in standard language, this desire led to the preservation of the system of functional elements это стремление ведет к сохранению функциональных элементов системы, formation of a national language inhibits the destruction of the morphology. And, although the real literary language in the Middle High period is not observed, during this period there are special versions of the language that "try" for the role of the literary one. This is a very important point to maintain the stability of the existing language system. The development of the morphology goes in a completely different direction, and as a result in modern German there is a wide range of morphological means of expression of the category of number.

During the Middle German period literary norms of the German language came to the foreground,

options of standard forms continued to develop - first language of courtly poetry, then the language of the burgher clerical script, and later the language of the lower clergy (religious orders of the Franciscans and Dominicans). These are the most significant variants in writing the national language, they became the basis for creating a conventional literary version of German language. In this case, the system was not aimed at the destruction of the existing means of expression values but at their preservation and creation and this tendency was maintained at the state level, as a standard, common language was an important prerequisite for the success of the feudal lords in the commercial, military and political affairs.

Perhaps in English in other historical circumstances such instability would not play a critical role in the evolution of the morphological system. Except of mixing Middle English dialects with Scandinavian, the Norman conquest definitely played their role in the process of unification. During this period, constraining mechanisms that normally are used at the state level in the political, commercial matters, legal proceedings, etc. stopped working. In such a situation gradually emerge requirements for the unity of the literary norm.

In Germany, despite the strong fragmentation of the language, the feudal lord and peasant talked to one and the same language - the territorial dialect. Sometimes dialects split up into smaller ones, but communicative necessity nevertheless required support and compliance of certain rules while using dialect. Germany has not been subjected to such significant gains. On the contrary, the German feudal lords and then entrepreneurs conquered successful to the east. In the conquered lands evolved new dialects resettlement, which were characterized by mixing and integration Thus bilingualism situation in German was partially present, but the languages in the conquered territories were not so close to German, as is the case with the British and Scandinavian dialects. Besides conqueror position dictated the dominant role of the German language, in contrast to subordinate role of the English language during the forays of Scandinavian Vikings.

Список литературы

1. Амагов А.М. Диссипация и самоорганизация в системе естественного языка // Научные ведомости БелГУ. 2009. №14 (69) Выпуск 4. С. 10-18.
2. Амагов А.М. О синергетике естественного языка: энтропия, диссипация, самоорганизация // Синергетическая лингвистика vs лингвистическая синергетика. Материалы междунар. науч.-практ. конференции (г. Пермь, 8-10 апреля 2010 г.) . 2010. С. 7 - 15.

3. Багана Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма : дисс. ... д-ра филолог. наук. Саратов, 2004. – 350 с.

4. Бронник Л.В. Когнитивно-синергетический подход к языку: предпосылки, сущность, терминология и статус // Синергетическая лингвистика vs лингвистическая синергетика. Материалы междунар. науч.-практ. конференции (г. Пермь, 8-10 апреля 2010 г.). 2010. С.31-40.

5. Мишанова Ю.В., Блохина А.О. Особенности перевода собирательных существительных // Актуальные вопросы теории и практики перевода: сборник научных трудов. Выпуск II. 2013. С.70-73.

6. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. № 6. М., 1991. С. 46-52.

7. Berthold M., Mangubhai, F., Batorowicz, K. Bilingualism & Multiculturalism: Study Book. Distance Education Centre, University of Southern Queensland: Toowoomba, QLD. 1997.

8. Chomsky N. Language and Mind. Harcourt Brace Jovanovich: New York. 1972.

9. Köhler R. Synergetic Linguistics //Contributions to Quantitative Linguistics. Cluwer Academic Publishers. 1993. P. 41-51.

10. Naumann S., Grzybek P. Synergetic Linguistics Text and Language as Dynamic Systems. Wien: Praesens Verlag. 2012.

References

1. Amatov A.M. Dissipation and Self-organization of the System of Natural Language. Belgorod: NIU BelGU, 2009, Pp. 10-18.

2. Amatov A.M. About Synergetics Natural Language: Entropy, Dissipation, Self-organization. Perm: 2010. Pp.7-15.

3. Bagana J. Language Interference in French-Congolese Bilingualism. Saratov: 2004, 350 p.

4. Bronnic L.V. Cognitive-synergetic Approach to Language: Background, Nature, Terminology and Status. Perm: 2010. Pp. 31-40.

5. Mishanova Y.W., Blokhina A.O. Peculiarities of Translation of Collective Nouns. Tambov: 2013. Pp. 70-73.

6. Prigozhin I. Instability Philosophy. M.:1991. Pp. 46-52.

7. Berthold M., Mangubhai, F., Batorowicz, K. Bilingualism & Multiculturalism: Study Book. Distance Education Centre, University of Southern Queensland: Toowoomba, QLD. 1997.

8. Chomsky N. Language and Mind. Harcourt Brace Jovanovich: New York. 1972.

9. Köhler R. Synergetic Linguistics //Contributions to Quantitative Linguistics. Cluwer Academic Publishers. 1993. P. 41-51.

10. Naumann S., Grzybek P. Synergetic Linguistics Text and Language as Dynamic Systems. Wien: Praesens Verlag. 2012.

УДК 811.11-112

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-53-57

Сопова И.В.

**ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРА В ФОРМАТЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

доцент, кандидат филологических наук. Белгородский государственный национальный исследовательский университет: ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия. *sopova@bsu.edu.ru*

Аннотация. В данной статье выявляются типологические репрезентанты фразеологической вербализации языковой личности в рамках политического дискурса. Фразеологические единицы, благодаря своему коннотативному макрокомпоненту, имеют место в политической речи, выступают как яркое выразительное средство, а также реализуют прагматическую функцию языка. Проводится анализ изучения языка в действии, исследуется человеческий фактор в языке, объясняется выполнение фразеологизмами прагматической функции в формате политической коммуникации. Представленная схема анализа, включающая в себя выделение интегральной семы, коннотационного фона и определение идентификационной проекции, позволяет составлять лингвистический портрет языковой личности и выделять его основные приоритеты в общении. Рассматриваются своеобразные этнокультурные признаки наряду с универсальными чертами политического дискурса. Примерами демонстрируются национально-культурные характеристики политического дискурса в России, которые находятся под влиянием общенациональных факторов коммуникации на данном этапе существования национального языка.

Ключевые слова: фразеологизм; политический дискурс; национальная культура; коннотативный фон; личностные языковые характеристики; функционализм; этнолингвистика.

Sopova I. V.

**PHRASEOLOGY AND CULTURE IN THE FORMAT OF POLITICAL
DISCOURSE**

PhD in Philology, Associate Professor, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, the Russian Federation. *sopova@bsu.edu.ru*

Abstract. The article reveals some typological representatives of phraseological verbalization of linguistic identity in the political discourse. Phraseological units, due to their connotative macro-component, can be used in political speeches, they appear as a vivid means of expression, and implement the pragmatic function of the language. The author analyses language learning in action, explores the human factor in the language, explains the fulfillment of the pragmatic functions of idioms in the format of political communication. The author's diagram of the analysis, including the selection of the integral semes, connotational background and definition of the identification projection, allows to make a portrait of the linguistic identity and to highlight its main priorities in communication. The article considers some ethno-cultural characteristics along with the universal traits of the political discourse. The examples demonstrate the national and cultural characteristics of the political discourse in Russia, which are influenced by national factors of communication at this stage of the existence of the national language.

Key words: phraseological unit; political discourse; national culture; connotative background; personal language characteristics; functionalism; ethno-linguistics.

С позиций современной лингвистической парадигмы мы считаем, что текст невозможно изучать вне человека, который является его создателем, отражает образ мировидения, динамику мыслительной деятельности, способы

представления мысли в определённой языковой форме.

Таким образом, появление новых объектов исследования благодаря лингвистической экспансии в современном языкознании привело к

главной тенденции изучения языка в его функциональном проявлении, исследовании языка на стыке областей научного знания. Междисциплинарный симбиоз и послужил смещению фокуса исследовательского внимания лингвистов, предварив тем самым активное использование в лингвистике данных из других наук. В нашем исследовании мы также используем экспланаторность как лингвистический принцип, который выводит нас на рубежи психолингвистики, этнолингвистики, культурологии, социологии и других сфер научной деятельности, имеющих непосредственную связь с языкознанием.

Язык как важнейшее средство общения по принципу основного требования функционализма необходимо изучать неразрывно с его носителем, активно познающим мир. Для изучения языка в действии необходимо исследовать человеческий фактор в языке, объяснить выполнение языком ряда определённых функций.

Целью нашего исследования, таким образом, мы определим проявление национально-культурной составляющей языка при помощи фразеологии в современном политическом дискурсе.

Материалом для изучения послужили речевые манифестации президента Российской Федерации В.В. Путина.

Немыслимо существование человека вне культуры своего народа, своей нации. Данное утверждение находит своё отражение как во многих современных лингвистических публикациях (В. И. Карасик, Н. А. Красавский, В. В. Воробьев, В. В. Красных, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, А. П. Чудинов, Е. И. Шайгал и др.), так и в трудах известных лингвистов прошлого века (А. Н. Афанасьев, Н. А. Бердяев, И. А. Бодуэн де Куртэне, И. А. Ильин, С. Г. Тер-Минасова, С. Н. Трубецкой, А. А. Шахматов, А. А. Потебня и др.). Их последователи, учёные, в поле зрения которых преобладает этнолингвистика, наблюдают и анализируют взаимосвязи между науками, ретроспективной платформой которых является культурная составляющая нации и языка в том числе.

«Формой существования культуры в сознании человека служит так называемое национально-культурное пространство, или общее для всех представителей данного этноязыкового сообщества сознание» [1, с. 6].

В политическом дискурсе современных представителей различных структур власти всё

чаще встречаются такие национально-культурные штампы как фразеологические единицы. «Языковая личность политика является неотъемлемой частью функционирования институционального дискурса, который, в свою очередь, выступает интегрированным компонентом национальной лингвокультуры» [8, с.652].

Поскольку фразеологический фонд языка находится в прямой зависимости от институционального культурного кода, применяясь в речи политиков, устойчивые словесные комплексы в определённой степени формируют национально-культурные рамки институционального (в нашем случае – политического) дискурса. Фразеологические единицы, благодаря своему коннотативному макрокомпоненту, имеют место в политической речи, выступают как яркое выразительное средство, а также реализуют прагматическую функцию языка. С их помощью политический деятель в процессе своего выступления с высоких трибун воздействует на эмоциональную сферу личности потенциального избирателя.

Таким образом, всё чаще находят успешное применение в манифестациях политических лидеров выражения фразеологического характера, иногда с некоторыми изменениями, вариациями.

С помощью корпуса фразеологии, которым оперирует в своих выступлениях крупный политик, мы попытались выявить типологические репрезентанты фразеологической вербализации языковой личности президента Российской Федерации. Структура нашего анализа основывается на схеме, которая базируется на семно-коннотативной составляющей дискурса отдельной личности. Предложенная схема включает в себя три этапа, согласно которым рассматривается манифестация фразеологических единиц в контекстном оформлении:

1. Выделение интегральной семы. В свою очередь под интегральной семой подразумевается ядерный, семантически неразложимый смысловой компонент, который можно выделить из набора семантических компонентов устойчивого словесного комплекса. Хотя в данном случае выявление дополнительных сем несколько размыто, мы рассматриваем также несколько ядерных сем на протяжении нескольких высказываний, которые образуют смысловую однородность дискурса и актуализируются на протяжении цепи высказываний.

2. Выявление коннотационного фона. В рамках данного исследования в данном случае рассматриваются идеологическое, эмоционально-экспрессивное и тематическое оформление высказываний, присущее любому представителю данного языка, представляемое при использовании данного устойчивого словесного комплекса и отражающее культурно-национальную специфику речи. Таким образом вторичные смыслы закреплены в институциональном коде культуры.

3. Определение идентификационной проекции. В этом случае данные, полученные в ходе предшествующих наблюдений необходимо соотнести с личностными характеристиками рассматриваемого политического лидера, обладающего набором прагматических целей, присущих его языковой личности и объединённых функционально-прагматическим принципом.

Вследствие нашей схемы рассмотрим фразеологизмы, которые находят своё применение в политическом дискурсе В.В.Путина, актуализируемые им в рамках публичной речи, произнесённой перед участниками заседания Международного дискуссионного клуба "Валдай" 24 октября 2014 года [5]:

«И вместо того, чтобы им, этим богатством грамотно, аккуратно распорядиться, в том числе и в свою, разумеется, пользу, считаю, что *наломали много дров*»;

«На мой взгляд, наши американские друзья просто подрывают, *режут сук, на котором сами сидят*»;

«Я не устаю удивляться тому, как наши партнеры раз за разом, как у нас в России говорят, *наступают на одни и те же грабли*, то есть совершают одни и те же ошибки».

В приведённых примерах употреблены фразеологизмы «*наломать дров*», «*резать (рубить) сук, на котором сидишь*», «*наступить на одни и те же грабли*». Все фразеологизмы имеют в качестве общей ядерной семы значение «ошибаться» с некоторыми дополнительными оттенками значений. В первом случае фразеологизм расширен словом «много», которое автор высказывания применил с целью усиления опять же главной функции политического дискурса – прагматической, для большего воздействия на слушателей. Во втором примере фразеологизм употреблён сразу же после лексемы «подрывают», которая выражает основную подачу мысли, а фразеологизм подкрепляет её

значение, более наглядно и экспрессивно выражая то же смысловое содержание и в конечном итоге завершая оформление высказывания. В отличие от предыдущего выражения фразеологизм «*наступить на одни и те же грабли*» эксплицируется последующим уточнением, которое раскрывает его смысловое содержание. Учитывая то, что перед тем как употребить устойчивое сочетание слов, В.В.Путин делает ссылку на то, что так говорят у нас в России. Данный приём подчёркивает национально-культурную направленность речи президента и объединяет его с подавляющим большинством народных масс.

Рассмотрим следующие высказывания, которые в некотором плане продолжают основную тематику дискурса, но реализуют её с другой стороны:

«Запад, если не поддерживал, то *закрывал глаза ...*»;

«*Все разводят руками*, так получилось»;

«Не было этого, да просто и невозможно это, <...> и всё, *ищи ветра в поле*, и не было бы никого»;

«С нами соглашались, но прошло немного времени, и *всё* опять *вернулось на круги своя*»;

Фразеологизм «*закрывать (закрывать) глаза (на что-либо)*» имеет в качестве интегральной семы «(сознательно) умалчивать». В свою очередь данный речевой оборот подкрепляется выражением «*разводить (развести) руками*», «не знать, что делать», значение которого является как бы продолжением предыдущего действия, выступает как его итог, как результат. В данной взаимосвязи президент РФ обыгрывает свою речь с помощью экспрессии фразеологизмов, что бы более ярко и наглядно продемонстрировать реальное положение вещей по схеме действие и его результат. И как неминуемый итог бездействия или умалчивания в политике выражается следующим примером с использованием фразеологизма «*ищи ветра в поле*», который раскрывает значение «бесследно исчезнуть». В последнем высказывании фразеологизм «*вернуться на круги своя (свои)*» подразумевает цикличность решений всех проблем в политике, актуализируя сему «возвращение». Данные устойчивые словесные комплексы помогают представить неспособность партнёров решать актуальные проблемы чётко и по существу или же двусмысленность их решений, обрисовывают туманность ситуации на международной арене в целом. С определённой степенью осуждения автор речи обращается к

коллегам на политическом поприще и призывом избегать подобных ситуаций.

В продолжение данной тематики русский президент говорит следующее:

«Значит, кому-то можно вообще ни с чем не считаться, а нам *защищать свои кровные интересы* русскоязычного и русского населения в Крыму нельзя?».

Словосочетание «*защищать свои кровные интересы*» употреблено как антиномия после выражения «ни с чем не считаться». Фразеологизм «*свои кровные*» обычно употребляется по отношению к деньгам, заработанным собственным, зачастую тяжёлым, трудом. В данном контекстном оформлении он дополнен другими словами, происходит трансформация значения. В дискурсивной ситуации выражение приобретает смысл «*отстаивание прав*» и характеризует автора высказывания как действующего политического деятеля, способного последовательно бороться за отстаивание своих прав и прав своего народа.

Демонстрация фразеологических оборотов, их модифицированные варианты типичны для речи российского президента, а также для лингвокреативного мышления подавляющего большинство современного населения России, которым в первую очередь и адресованы речи политического лидера. В публичных выступлениях В.В.Путина довольно часто встречаются подобные случаи преобразования фразеологизмов. Примером подобных высказываний могут служить следующие:

«Нужно избавиться от этого искушения и попыток мир *под себя причесать*»;

«Это же просто смешно. Или нет, *смешно было бы, если бы не было так печально*»;

«Думаю, что это препятствие к нормализации отношений, и очень рассчитываю на то, что и сама практика будет прекращена, и весь процесс мирного урегулирования *вернётся в своё правовое договорное русло*»;

«Я уже приводил такую старую нашу, *с бородой*, и несколько грубоватую *шутку*, не могу не воспроизвести её ещё раз».

В выражении «*под себя причесать*» легко узнаётся фразеологизм «*подмять под себя*», то есть «подчинить». Вместе с этим и вспоминается фразеологизм «под одну гребёнку», то есть «схожесть». На наш взгляд, сочетание значение гребёнки и порождает лексему «причесать», которая дополняет и модифицирует фразеологизм. Под данным преобразованием предусматривается желание партнёров авторитарно навязывать свои приоритеты, на что и указывает президент. В устойчивом выражении

«*смешно было бы, если бы не было так печально*» заменено слово синонимом, поскольку нам знакома крылатая фраза М. Ю. Лермонтова «всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно». Демонстрация крылатого выражения из произведения русской литературы свидетельствует об образованности и широком кругозоре автора высказывания, знания им классики и культуры своей нации. По данной аналогии и образована фраза «*вернуться в своё русло*», по содержанию которой угадывается фразеологизм «входить в своё русло», ядерную сему которого обозначим как «возвратиться (к привычному)». При употреблении с лексемой «вернуться», значение фразеологизма усиливается, так как ярче эксплицируется интегральная сема. И последний пример «*шутка с бородой*» невольно напоминает прочно вошедшие в обиход сочетание «анекдот с бородой», и описательное выражение «с бородой», интегральной семой которых является «старый».

Встречаются и в публичных речах рассматриваемой политической личности и грубоватости:

«При этом Россия не будет – хочу обратить ваше внимание на это, – не будет *вставать в позу*, обижаться на кого-либо, кого-либо о чем-либо просить»;

«...решили "*дожать ситуацию*", *перекроить* весь мир исключительно *под себя*, под свои интересы»;

«... в НАТО, думали: да *ну его на фиг*, этого Никиту и же с ним, возьмут *долбанут*, ракет у них полно – лучше относиться к ним с уважением»;

«Да *нет там ни шиша* никакой власти народа»;

«Мы *наелись* этих революций в XX веке *по горло*».

Оборот «*вставать (встать) в позу*» актуализирует сему «возмущение», используется неодобрительно и осуждающе. Поэтому В.В. Путин по отношению к России употребляет его с отрицанием в данном контекстном оформлении, как бы намекая на противоположные позиции своих оппонентов. Современное сленговое выражение «*дожать ситуацию*», ядерной семой которого признаем «давить», используется в жёстких рамках военных и бизнесменов, которые не готовы на компромиссы и следуют лишь ранее утверждённому плану. В употреблении президентом подобного сленга отражает критику

подобного поведения в сфере политики. Слова «ну его на фиг» (отстранение), «нет там ни шиша» (ничего) и «наелись по горло» (достаточно) произносятся главным образом в узких кругах знакомых. Простонародные и грубые выражения подобного характера не совсем уместны для делового стиля, но, звучащие из уст первого лица государства, они таким образом приближают его к народу, повышая рейтинги президента среди избирателей, которые в большинстве своём представлены гражданами со среднестатистическими амбициями и уровнем критического сознания. Данные речи апеллируют к народным массам. И вследствие подобного выбора языковых элементов, по большому счёту, важнее быть «своим» президентом, речь которого прозрачна, понятна и близка, а не оторвана от привычного повседневного круга общения.

На примерах публичных выступлений президента России мы заключаем, что вместе с универсальными чертами политическому дискурсу присущи и своеобразные этнокультурные признаки. Национально-культурные характеристики политического дискурса в России находятся под влиянием общенациональных факторов коммуникации на данном этапе существования национального языка. Как неотъемлемые составляющие русского формата коммуникации представлены единицы паремиологии и фразеологии.

Согласно представленной системе анализа фразеологической составляющей дискурса представляется возможность «... выявлять и анализировать личностные характеристики отдельного человека, его мировосприятие, отношение к действительности, а также проявление ментальности всего народа» [7, С. 173].

Таким образом можно составлять лингвистический портрет языковой личности и выделять его основные приоритеты в общении, а также сравнивать с подобными исследованиями на примерах манифестаций других деятелей в пределах определённого институционального дискурса.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Стереотипы и прототипы в этнокультурном пространстве языка // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 24 (95) Белгород, 2010, Выпуск 8. С. 5-11.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. М.: Элпис, 2008. 272 с.
3. Гурочкина А.Г. Этнокультура и языковое сознание // Филология и культура: материалы III Междунар. науч. конф. Тамбов, 2001. Ч. 3. С. 122-123.

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 217 с.

5. Президент Владимир Путин выступил с речью перед участниками заседания Международного дискуссионного клуба "Валдай", 2015 г. URL:<http://www.rg.ru/2014/10/24/putin.html> (дата обращения: 28.01.2016).

6. Сопова И.В. Фразеология и институциональный дискурс в лингвоперсоналогическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011. 252 с.

7. Сопова И.В., Мишанова Ю. В. Отражение тематики политического дискурса единицами косвенно-производной номинации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. I Тамбов: Грамота, 2015. С. 171-173.

8. Сопова И.В., Мишанова Ю.В., Долуденко О.С. Трансформации фразеологизмов в русском политическом дискурсе и риски национальной культуры // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: мат. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю.А.Зубок. Воронеж: ООО «ПТ», 2015. с. 652-658.

9. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 66-71.

10. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

References

1. Alefirenko, N. Stereotypes and Prototypes in the Ethnocultural Language Environment // Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanitarian Sciences. № 24 (95), Issue 8 (2010): Pp. 5-11.
2. Alefirenko, N. Phraseology in the Light of Modern Linguistic Paradigms. Moscow: Elpis (2008). 272 p.
3. Gurotchkina, A. Philology and Culture: proceedings of the III Intern. scientific. conf. . V.3. Tambov (2001). Pp. 122-123.
4. Karaulov, Y. Russian Language and Linguistic Personality. Moscow. (1987). 217 p.
5. President Vladimir Putin delivered a speech before the participants of the International discussion club «Valdai» (2015). URL:<http://www.rg.ru/2014/10/24/putin.html> (date of access: January 28, 2016)
6. Sopova, I. Phraseology and Discourse in the Institutional Linguophilosophical Aspect: dis. ... doctor of Philology. Belgorod (2011): 252 p.
7. Sopova, I., Mishanova, Y. Philology. Issues of Theory and Practice. V № 1, Issue № 4 (46). (2015): Pp. 171-173.
8. Sopova, I., Mishanova, Y., Doludenko, O. Risks in a Changing Social Reality: the Problem of Prediction and Control: Mat. Intern. scientific.-practical. conf. Voronezh (2015): Pp. 652-658.
9. Teliya, W. Phraseology in the Context of Culture. Moscow: Yaziki ruskoy kulturi. (1999). Pp. 66-71.
10. Fyodorov, A. Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: approx. 13000 phraseological units 3rd ed., Rev. Moscow, Astrel: AST (2008). 878 p.

УДК 811.114.2

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-58-64

Суянова Г.С.

О КРИТЕРИЯХ КЛАССИФИКАЦИИ УРБОНИМОВ ПАВЛОДАРА

профессор кафедры русского языка и литературы, доктор филологических наук, доцент. Павлодарский государственный педагогический институт. ул. Торайгырова д. 58, г. Павлодар, 140000, Казахстан
E-mail: suyunova_gulya@mail.ru

Аннотация. Автор данной статьи в течение ряда лет занимается исследованием ономастической системы города Павлодара. Наименования объектов внутригородской среды – урбонимы – представляют большой интерес для лингвистов, как с сугубо языковой, так и социокультурной сторон. Автор обращается к важному научному вопросу о возможных критериях классификации урбонимов Павлодара и рассматривает тематическую группу «номинации банков», на примере которой показываются значимые для анализа факторы. Ученым выделены функциональный, семантический, мотивационный, языковой критерии анализа номинаций банков, их применение к фактическому материалу исследования позволило получить интересные научные результаты. Автор подчеркивает универсальный характер предлагаемых критериев классификации урбонимов и считает возможным применять их ко всему массиву фактического материала по теме реализуемого грантового исследования.

Ключевые слова: урбанистика; урбоним; ономастика; номинация; критерий; функциональный; мотивация.

Suyunova G.S.

THE CRITERIA FOR CLASSIFICATION OF URBONIMS OF PAVLODAR

Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language and Literature. Pavlodar State Pedagogical Institute 58 Toraigyrov St., 140000, Pavlodar, the Republic of Kazakhstan. E-mail: suyunova_gulya@mail.ru

Abstract. The author of this article has been engaged in the study of the onomastic system of Pavlodar for a number of years. The names of objects of the inner-city environment – urbonims – are of considerable interest to linguists either from linguistic, or socio-cultural perspective. The author addresses an important scientific issue of possible criteria for classification of urbonims of Pavlodar and considers a thematic group of "nomination of banks", the example of which shows the factors important for proper analysis. The scientist has identified some functional, semantic, motivational, linguistic criteria for the analysis of banks nominations. The application thereof to the actual material of the study allowed to obtain scientific results of considerable interest. The author emphasizes the universal nature of the proposed criteria for classification of urbonims and considers it possible to apply them to the entire array of factual material relating to the current grant-based study.

Key words: urban studies; urbonim; onomastics; nomination; criterion; functional; motivation.

Научная ценность исследования в значительной степени определяется качеством анализа исследовательского материала, что не в последнюю очередь зависит от выбора критериев анализа. Особенно это важно при осуществлении общенаучной процедуры классификации фактического материала.

Объектом анализа в нашей статье выступают номинации банков города Павлодара как части системы урбонимов нашего города. Обращение именно к этому явлению объясняется нашим научным интересом к особенностям процессов номинации внутригородских объектов, о чем мы писали в ряде работ [8].

Структура города формируется активной человеческой деятельностью, а его компоненты создаются человеком с учетом их социальных функций: по деловому, хозяйственному, культурному, идеологическому и другим назначениям. Номинации внутригородских объектов, таким образом, во многом отражают социокультурные процессы, происходящие в городе на протяжении его истории. Как следствие, лингвистический анализ номинаций фактически сопряжен с культурным комментарием. Конечно, в анализе урбонимов можно ограничиться сугубо языковым аспектом, но многоаспектность самого явления

предполагает комплексный подход к этому исследовательскому материалу, что позволяет добиваться глубины анализа.

Отметим, что высокий социокультурный потенциал лингвоурбанистических исследований подчеркивается всеми исследователями в области номинации. Так, еще в 1974 году Н.В. Подольская писала, что «в урбанонимии больше, чем в какой-либо другой топонимической категории проявляется сознательный процесс номинации с ярко выраженной социальной тенденцией» [4, с. 124]. Поэтому и на формирование системы названий внутригородских объектов основное влияние оказывает человеческая деятельность, привязанная к данному месту.

Исходя из этих теоретических положений современной лингвистической урбанистики, мы предприняли попытку проанализировать номинации банков Павлодара. При этом особо отметим новизну исследовательской части нашей статьи, так как в ней рассматривается региональный материал, ранее не выступавший в качестве объекта научных исследований. Вследствие этого мы вводим в сферу системного научного исследования новый фактический материал, систематизированный с учетом ряда критериев, что позволяет впервые на региональном эргонимическом материале рассмотреть специфику онимизации как сквозного процесса в образовании имен городских объектов.

Номинации банков относят к так называемым эргонимам, которые определяются как «собственные наименования деловых объединений людей, предприятий, фирм, обществ и других организаций» [7, с. 109]. Т.В. Романова приводит слова Т.Шмелевой о том, что настоящее время область эргонимии переживает состояние «номинационного взрыва» [5, с. 211]. Мы связываем это обстоятельство с активной урбанизацией современной жизни, что привело к созданию так называемого «образа города», который формируется в течение длительного времени как социокультурный феномен, регулирующий поведение горожанина. Именно города предоставляют лингвистам большой, фактически безграничный, эргономический материал, в силу чего исследования системы урбонимов неизбежно приводят к необходимости анализировать и эргонимы города как часть этой системы.

Итак, объектом нашего исследования выступают наименования банков Павлодара как часть его ономастической системы.

Предмет исследования составили функционально-прагматические и мотивационно-деривационные особенности номинаций банковских заведений г. Павлодара.

Для анализа фактического материала мы использовали комплекс дополняющих друг друга научных методов, включающих элементы ономастического, лингвопрагматического и когнитивного анализов, мотивационного, словообразовательного, интерпретационного анализа. Также нами привлекался общенаучный описательный метод, составляющими которого являются приемы: а) количественных измерений, б) прямого опроса (в ряде случаев).

В результате анализа фактического материала нами было установлено следующее. На сегодня в Павлодаре функционируют филиалы 17-ти банков Казахстана, России (3 банка), Национального банка Индии (1 банк), Украины (1 банк), всего 22 номинации. Мы предприняли попытку проанализировать данные номинации с учетом функционально-прагматического, мотивационного и словообразовательного критериев.

Вышеназванные критерии являются однозначными, релевантными, значимыми для объективного научного анализа урбонимов. Отметим, что в исследованиях по ономастике, как правило, выдвигается какой-то один ведущий (по мнению тех или иных ученых) критерий. Так, чаще всего ономаты разных видов анализируются по такому признаку, как *мотивированность* [2]. Несомненно, это один из важнейших классификационных критериев анализа номинаций, но мы, стремясь к системности нашего анализа, считаем научно верным применение ряда критериев к фактическому материалу.

Итак, рассмотрим наш фактический материал в ракурсе вышеназванных критериев.

1. Функционально-прагматический критерий.

В лингвистической урбанистике принято выделять 3 вида функций урбонимов: номинативная (назывная) функция; информирующая функция; рекламная функция.

Номинативная – функция идентификации объекта – главная функция любого наименования, информативная и рекламная – специфические функции названий, предназначенных для сферы реализации товаров и услуг. Номинативная функция реализуется во всех названиях банков города. Следующие две функции, информативная и рекламная, обладают прагматическим

потенциалом, что позволило нам в более ранних исследованиях совместить функциональный и прагматический критерии классификации эргонимов и выделить синкретичный критерий – *функционально-прагматический* [6].

Российский исследователь Шимкевич Н.В. классифицирует эргонимы с учетом их прагматической специфики и выделяет *непрагматические* и *прагматические* группы номинаций [8]. Далее он подразделяет *непрагматические* эргонимы на 2 подгруппы: информирующие и неинформирующие. Как видим, в основе выделения прагматических эргонимов лежит именно критерий наличия/отсутствия *функции информирования*.

Непрагматические информирующие эргонимы сообщают сведения о роде занятия учреждения (в нашем случае – банков). Особо подчеркнем, что все номинации банков Павлодара выполняют в первую очередь информирующую функцию, поскольку во всех 22-х номинациях присутствует лексема *банк*, прямо называющая род деятельности данных заведений.

Также Шимкевич Н.В. выделяет группу *неинформирующих* номинаций, которые не содержат никаких сведений о фирме, понятных сразу, без дешифровки. Эргонимы этого класса он подразделяет на два типа: номинации, никак не ассоциирующиеся с товаром или услугами, оказываемыми заведением, и номинации, которые являются нераспознаваемыми в речевом узусе новообразованиями. Мы считаем, что названия банков Павлодара не относятся к этой группе, поскольку в своем составе содержат четкое указание на род деятельности, о чем писалось выше.

Прагматические номинации. В эту группу попадают эргонимы, наделенные прагматикой, т.е. характеризующиеся ярко выраженным моментом речевого воздействия на адресата. Вслед за Шимкевичем Н.В. мы подразделяем эту группу на две подгруппы: 1. *прагматические информативные* – сообщают некую проверяемую дополнительную информацию о предприятии, не имеющую прямого отношения к роду деятельности этого предприятия, но помогающую созданию у адресата позитивного образа предприятия. Это может быть, например, информация о расположении заведения в пределах города, или указание на его место в более крупной структуре, иногда эргоним может конкретизировать сферу деятельности заведения. С этой точки зрения, подавляющая часть названий банков Павлодара может быть

квалифицирована как прагматически информативная, что совпадает с нашим утверждением о том, что все номинации этих банков успешно выполняют информативную функцию.

К подгруппе *прагматических ассоциативных* номинаций мы отнесли 3 номинации из 22-х – *Хоум-кредит Банк, Цесна-банк, Халык-банк*. В первой номинации прослеживается стремление номинаторов повлиять на адресата не через сообщение ему дополнительных достоверных сведений, а путем создания положительных ассоциаций, связанных в нашем случае с очень важной темой дома. Отметим еще интересную графическую деталь: логотип банка представляет собой стилизованное изображение дома. Но при этом есть очень важное обстоятельство, ограничивающее безусловный успех номинации: такая ассоциация возможна лишь в случае, если потенциальный потребитель знает русский перевод слова *home* (*дом*).

Для второй номинации прагматический эффект может возникнуть с более высокой степенью вероятности, так как большинство казахстанцев знакомы со словом «Цесна», которое является названием крупной продовольственной корпорации республиканского уровня. Она производит муку и макаронные изделия высокого качества, поэтому у казахстанцев эта номинация вызывает положительные ассоциации, что может так же положительно влиять и на отношение к банку с одноименным названием.

Положительный посыл таится в номинации *Халык-банк*, в которой элемент «халык» переводится с казахского как «народ» (народный). То есть возникает мотивация: *Халык-банк* – это народный банк, банк для народа, то есть для обычных людей. Думается, это именно такая ассоциация определяет позитивное восприятие номинации *Халык-банк*.

2) Мотивационный и словообразовательный критерии.

В лингвистике традиционное понятие мотивированности связывается в первую очередь с деривационными процессами, при которых деление номинаций на мотивированные и немотивированные строится на наличии или отсутствии в морфемной структуре слова словообразовательного форманта. Мотивированность также определяют как способность номинации обнаруживать какие-либо мотивированные ассоциативные связи с объектом наименования [1]. Например, лексема

«подснежник» демонстрирует ассоциативную связь со словом «снег»: *подснежник* – цветок, растущий под *снегом*.

Очевидная связь мотивации и производности позволила нам рассмотреть мотивационный критерий в сочетании со словообразовательным и прийти к следующему выводу. Все 22 номинации банков Павлодара представляют собой сложные или составные лексемы, обязательно содержащие вторую производящую основу (слово) *банк*. Причем это распространяется и на аббревиатуры буквенного типа: *АТФ-банк, Банк RBK, PNB Банк, Банк ВТБ*. Подобная структура позволяет номинациям банков вызывать у людей устойчивые ассоциативные связи с финансовыми заведениями, в которых им оказывают определенные услуги. Следовательно, можно утверждать, что номинации всех банков Павлодара могут быть признаны мотивированными. Данное обстоятельство принципиально и положительно отличает номинации банков от всех других эргонимов Павлодара. Например, павлодарский урбоним *Аскар* может обозначать магазин (причем любого предназначения), стоматологию, ресторан или кафе, СТО, но на самом деле это название теннисного клуба, о чем по самой номинации догадаться практически невозможно.

Итак, мы считаем номинации всех павлодарских банков мотивированными, но степень прозрачности мотивации в них различна. С этой точки зрения мы выделили три группы банковских номинаций:

1. Номинации с ясной мотивацией, являющиеся составными наименованиями, один компонент которых представляет собой целое или сложносокращенное слово, а второй – слово *банк*. Таких номинаций 9 из 22 (43%): Нацбанк РК, Халык банк, Банк Центр-Кредит, Евразийский банк, Казкоммерцбанк, Сбербанк, Жилстройбанк, Казинвест банк, Azia Credit Bank.

Данные номинации имеют высокую степень мотивированности обоих компонентов. Первый компонент является оригинальным для каждого банка и содержит указание на источник мотивации. Мы выделили в этих 9-ти номинациях 2 источника мотивации: прямое указание на предназначение банка (Банк Центр-Кредит, Казкоммерцбанк, Сбербанк, Жилстройбанк, Казинвест банк, Azia Credit Bank); указание на масштабы функционирования (Нацбанк РК, Халык банк, Евразийский банк).

2. Во вторую группу мы включили 7 номинаций с двойственным характером мотивации: *Хоум-кредит Банк, Цесна-банк, Альфа-Банк, Forte Bank, Delta Bank, Нурбанк, Каспи-банк* (30%). Особенность этих номинаций состоит, как нам кажется, в том, что их оригинальный компонент имеет значение, которое в той или иной степени может быть понятно потенциальным клиентам, но прямого указания именно на сферу деятельности он не содержит. Пожалуй, только название *Хоум-кредит Банк* говорит о сути оказываемых услуг, но это при условии, что клиент знает перевод слова *Хоум* (с англ. *дом*), то есть эта номинация буквально может быть переведена как «кредиты для дома». Действительно, этот банк активно занимается потребительскими кредитами, их точки работают во всех крупных торговых домах Павлодара. Говоря другими словами, номинация этого банка имеет достаточную степень номинированности для потребителей со знанием английского языка, что, конечно же, не совсем удачно для функционирования такой номинации.

Цесна-банк у казахстанских граждан ассоциируется с крупной продовольственной корпорацией «ЦЕСНА», производящей макаронные изделия высокого качества и торгующей ими по всему Казахстану. Таким образом, в номинации *Цесна-банк* содержится указание на его собственника, вызывающего, в свою очередь, положительные ассоциации у клиентов банка.

Следующие две номинации – *Нурбанк, Каспи-банк* – могут вызывать определенные мотивационные ассоциации, которые, однако, никак не связаны с родом деятельности банковских учреждений. Лексема «Нур» частотна в казахских номинациях, особенно антропонимического характера. Однако, как показывает анализ названий всех казахстанских банков, в них нет эргонимов антропонимического характера, что мы объясняем масштабами функционирования банков: как правило, эти банки имеют филиалы во всех крупных городах республики, работают с большими количествами клиентов, и антропонимические номинации не будут напрямую ассоциироваться с банком. Лексема «нур», полагаем мы, в номинации банка имеет положительную семантику «свет, лучезарность», хорошо воспринимающуюся рядовыми казахстанцами.

В номинации *Kaspi bank (Каспи-банк)* содержится географическая номинация, указывающая на местность, в которой был создан данный банк, – Западный Казахстан. Хотя данный

принцип номинирования для банков не является продуктивным, сам банк весьма успешно развивается благодаря успешному менеджменту, интересным пиар-ходам. Например, в 2014 году в роликах Каспи-банка снялся известный киноактер Антонио Бандерас, который в форме сотрудника банка принимал клиентов.

Весьма интересна номинация *Альфа-Банк*. Она предполагает, как нам думается, эрудированного клиента, поскольку слово «альфа» обозначает первую букву греческого алфавита. В номинации банка, вероятно, кроется весьма интересный посыл: *первый* – в смысле *лучший* (ср.: первая красавица, первый парень на селе). На сайте этого российского банка мы нашли информацию, отчасти подтверждающую наше предположение: «Альфа-Банк — лучший банк для состоятельных клиентов по версии исследовательской компании Frank Research Group. По данным авторитетного исследования Euromoney FX Survey 2015, Альфа-Банк значительно улучшил свои позиции в рейтинге крупнейших мировых банков по обороту на рынке Forex, поднялся с 36-го до 31-го места в мире. Альфа-Банк остается единственным из российских банков в топ-50 рейтинга». Однако, несмотря на столь высокий прагматический потенциал, номинация *Альфа-банк* все же рассчитана на категорию клиентов с высоким социальным статусом, в силу чего степень мотивированности для широкого потребителя остается весьма низкой.

Также определенных культурных знаний требует понимание номинации *Forte Bank*. Итальянская лексема *forte* обозначает *быстро* (*быстрый*). Можно предположить, что номинаторы хотели вложить в номинацию банка положительную сему, подчеркивающую быстроту и оперативность работы данного банка. К сожалению, данная сема совершенно не прочитывается обычным гражданином, не знающим итальянского языка, и, следовательно, номинация не выполняет свою важнейшую функцию информирования.

Абсолютна неинформативной, немотивированной и, соответственно, не эффективной для казахстанского потребителя мы считаем номинацию украинского банка *Delta Bank*. Хотя значение компонента «дельта» может быть понятно для людей, владеющих русским языком», но сама по себе она не вызывает никаких ассоциаций с банковским учреждением. Никакой информации о мотивации названия этого банка на его сайте мы не нашли.

3. В третью группу мы включили 6 номинаций - *АТФ-банк*, *PNB Банк*, *Банк RBK*, *Банк ВТБ*, *KassaNova Bank*, *Эксимбанк* (27%). Данные названия понятны потенциальным потребителям лишь благодаря второму компоненту «банк», первые же, оригинальные, компоненты их номинаций представляют собой либо аббревиатуры, либо неясные лексемы. К последним отнесем названия *KassaNova Bank*, *Эксимбанк*.

Полностью мотивация вышеназванных названий для рядового потребителя остается нераскрытой, и лишь заинтересованный анализ помог нам получить некоторое представление о сути номинаций этих банков.

Итак, нами было установлено следующее:

- 1) Название *АТФ-банк* является буквенной аббревиатурой АО "Алматинский торгово-финансовый банк". В полном виде это название информативно, имеет прямую мотивацию. Сокращение названия мы связываем с его большим объемом, что было неудобно для использования. Таким образом, после аббревиации название банка стало удобным с точки зрения использования, но потеряло прозрачность мотивации и, как следствие, стало минимально информативным и прагматическим.
- 2) *PNB Банк Казахстан* является дочерним банком Punjab National Bank, крупнейшего национализированного банка Индии. Ранее это было АО «Данабанк», созданное в Павлодаре и позже выкупленное крупным индийским банком. Таким образом, аббревиатура *PNB* расшифровывается как *Пенджаб Национал Банк*, и, вне всякого сомнения, является абсолютно непонятной для рядовых потенциальных потребителей.
- 3) Также семантически немотивированной для населения является номинация *Банк RBK*, содержащая аббревиатуру составного наименования, которое расшифровывается как *Royal Bank of Kazakhstan*, букв.: Королевский банк Казахстана. Данная номинация, по нашему мнению, не является типичной для Казахстана, гораздо более понятной была первоначальная номинация банка «Казахстанский Инновационный Коммерческий Банк» (КазИнКомБанк)», которая после структурных изменений была заменена нынешней аббревиатурой *Банк RBK*. Как и в случае с номинацией *АТФ-банк*, номинаторами за счет сокращения названия банка было достигнуто удобство в использовании, но снижена и фактически уничтожена прозрачность мотивации данного названия.

Суть номинации Банк *Kassa Nova* стала ясной после встречи с руководителем филиала, который сообщил следующее: компонент *Kassa* используется в прямом значении, так как первоначально этот банк назывался именно «Касса», работал только с микрокредитами, выдаваемыми через кассы. В 2008 году, в момент финансового кризиса, этот банк продолжал выдавать кредиты, что было уникальным для казахстанских банков того времени. Такое поведение банка назвали новым, что отразилось в более позднем варианте названия банка *Kassa Nova*. Таким образом, наше предположение о том, что компоненты номинации буквально связаны с лексемами «касса» и «новый» оказалось верным. Мы считаем само названием благозвучным, но рядовых потребителей несколько сбивает с толку языковое оформление этой номинации, хотя прием буквальной передачи русского слова английскими графемами не является оригинальным для разных типов эргонимов.

Итак, мы выдвинули тезис о большой значимости выбора критериев классификации научного материала. Данный тезис был обоснован анализом

номинаций павлодарских банков с учетом трех синкретичных критериев: функционально-прагматического, мотивационного, словообразовательного. При этом мы сочли возможным, исходя из тесной логической взаимосвязи, совместить мотивационный и словообразовательный критерии анализа. Всего в отношении номинаций павлодарских эргонимов мы применяем помимо названных критериев еще семантический и языковой критерии анализа.

Однако полное использование всех вышеназванных критериев в данной статье является невозможным из-за ограничения ее объема.

Итак, проведенный с учетом предложенным нами критериев анализ номинаций павлодарских банков позволил получить определенные результаты.

1) Выявлены 22 номинации павлодарских банков.

2) В ходе анализа номинаций с учетом функционально-прагматического критерия установлено, что все названия успешно выполняют информирующую функцию в силу особенностей словообразовательной структуры, включающей компонент «банк». Данную функцию можно отнести к прагматически-

информирующим, и она реализуется в 100% банковских номинаций.

3) Незначительным можно считать количество номинаций, успешно реализующих также и прагматически-ассоциативную функцию (3 номинации из 22-х, 16%).

4) Выявляется определенная связь мотивационного и словообразовательного критериев. Все 100% номинаций можно считать мотивированными, но степень мотивированности в этих названиях банков различна. Чуть менее половины номинаций (43%) имеют, мы считаем высокую степень мотивации, они достаточно прозрачны для восприятия потребителями. Одна треть (30%) номинаций банков Павлодара может быть уяснена при определенной расшифровке сути названия, и 27% номинаций банков были описаны горожанами как непонятные. Говоря иначе, в общей сложности 57% номинаций павлодарских банков воспринимаются как названия с затемненной или неясной мотивацией. Это свидетельствует о недостаточно успешной работе номинаторов.

В целом анализ эргонимов Павлодара, проводимый нами в рамках грантовых исследований, выявляет очевидную тенденцию не учитывать прагматический потенциал номинаций. Большую часть эргонимов можно назвать условными эргонимами, которые, будучи мотивированными для номинатора, не дают представления о свойствах реалии и требуют дешифровки со стороны адресата [3, с.112].

Дальнейшая работа по анализу номинаций павлодарских банков будет вестись в области анализа их семантических и языковых особенностей.

Список литературы

1. Китайгородская М.В. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры. 2003. С. 126-150.
2. Коробкова Т. В. Вывески в языковом облике дальневосточного посёлка // Молодой ученый. 2013. №6. С. 501-504.
3. Копчева В.В. Объективные и субъективные факторы номинации: Методическая разработка по спецкурсу «Введение в теорию номинации» / В.В. Копчева. Томск: Изд. ТГУ, 1984. С. 112.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 192 с.
5. Романова Т.В. Проблемы современной эргономии // Вестник СамГУ 1998, № 1. С. 211-217.

6. Суюнова Г.С. Языковой облик Павлодара (на материале спортивных эргонимов) // Лингвокультурология. Электрон. науч. ежег. – Екатеринбург 2014. Вып. 8. 173 с. С. 154-159.

7. Трапезникова А.А. Антропоцентризм в коммерческой номинации (на материале Красноярска) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement. 2009, № 2. С.108-112.

8. Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты. АКД по специальности 10.02.01 Русский язык. Екатеринбург. 2002. 23 с.

9. Adryuchshenko O. K., Suyunova G. Onomastic Consciousness within the System of Linguo-cognitive Terms. The Eighth European Conference on Languages, Literature and Linguistics .3 September 2015. Austria, Vienna. P. 43-46.

10. О.К. Adryuchshenko, G.S. Suyunova, L. E. Tokatova, E.P. Garanina. Methodical Tools of Philological Urbanistics // Mediterranean Journal of Social Sciences Vol 6, No 5 September 2015. P. 258-264.

11. Суюнова Г.С., Андриющенко О.К. Урбанолингвистические исследования: возможность применения энциклопедических подходов // Вестник Академии энциклопедических наук, 2015, № 3 (20). С. 11-15.

References

1 Kitaigorodskaya M.V. Active Sociolinguistic Processes in the Field of Urban Names: Moscow Signs// Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation. M: Languages of Slavic culture. 2003. Pp. 126-150.

2. Korobkova T.V. Signs in the Linguistic Image of a Far Eastern Village// Young Scientist. 2013. №6. Pp. 501-504.

3. Kopocheva V.V. Objective and Subjective Factors of Nomination: Methodical Development under Special Course «Introduction to the Theory of Nomination»/ Kopocheva V.V. - Tomsk: TSU Publishing House, 1984. P. 112.

4. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian Onomastic Terminology. 2nd ed. M: Nauka, 1988. 192 p.

5. Romanova T.V. Problems of Modern Ergonomics// Annals of SSU 1998, № 1. Pp. 211-217.

6. Suyunova G.S. Linguistic Image of Pavlodar (Based on Sports-related Ergonyms)// Cultural Linguistics. Electr. scientific. journ. Yekaterinburg 2014. Vol. 8. 173 p. Pp. 154-159.

7. Trapeznikova A.A. Anthropocentrism in Commercial Nomination (Based on Krasnoyarsk-related Material)// Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement. 2009, № 2. Pp.108-112.

8. Shimkevich N.V. Russian Commercial Ergonomy: Pragmatic and Linguo-culturological Aspects. AKD under specialty 10.02.01 – the Russian language. Yekaterinburg, 2002. P.23.

9. Adryuchshenko O.K., Suyunova G.S. Onomastic Consciousness within the System of Linguo-cognitive Terms. The Eighth European Conference on Languages, Literature and Linguistics. 3 September 2015. Austria, Vienna. Pp. 43-46

10. Adryuchshenko O.K., Suyunova G.S, Tokatova L.E., Garanina E.P. Methodical Tools of Philological Urbanistics// Mediterranean Journal of Social Sciences Vol 6, No 5 September 2015. Pp. 258-264.

11. Suyunova G.S., Adryuchshenko O.K., Urban Studies: Options for Application of Encyclopedic Approaches// Annals of the Academy of Encyclopedic Sciences, 2015, № 3 (20). Pp. 11-15.

УДК 800

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-65-71

Ухова Л.В.

МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ МЕДИАПЕРСОНЫ

Статья выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (проект № 01201455067).

доцент кафедры теории коммуникации и рекламы, доктор филологических наук, доцент Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, ул. Республиканская, д. 108, г. Ярославль, 150000, Россия. E-mail: larissauchowa@mail.ru

Аннотация. В статье представлена трехкомпонентная модель описания языковой личности, эксплицирующей свое речевое поведение в контексте медиадискурса. Создание языкового портрета личности с установкой на поиск однотипных, повторяющихся фактов уровневого, суперсегментного и деятельностного характера предполагает изучение совокупности текстов (дискурса) данной личности в трех аспектах – *коммуникативно-прагматическом, стилистическом и культурологическом*. В качестве параметров описания выделяются как качественные характеристики самой языковой личности говорящего (тип языковой личности, тип речевой культуры, коммуникативные стратегии и тактики, языковые особенности, гендерные характеристики, уровни общения, речеповеденческий сценарий), так и жанровые параметры организации медиадискурса (соответствие «формату», лингвокультурологический сценарий, репертуар жанров). Автор приходит к выводу, что такая многокомпонентная модель позволит всесторонне описать ту или иную языковую личность медиаперсоны с учетом факторов, детерминирующих ее речевое поведение.

Ключевые слова: медиадискурс, медиаперсона, языковая личность, гендерные особенности, типы речевой культуры, типы языковых личностей, репертуар жанров, модель описания ЯЛ.

Ukhova L.V.

THE MODEL OF DESCRIBING THE LINGUISTIC PERSONALITY OF A MEDIA-PERSON

Doctor of Philology, Associate Professor. Yaroslavl State Pedagogical University
108 Respublikanskaya St., Yaroslavl, 150000, Russia. E-mail: larissauchowa@mail.ru

Abstract. The article presents a three-component descriptive model of a linguistic personality explicating their speech behaviour in the context of media discourse. Creating linguistic personality portrait aimed at finding similar, repetitive factors of level, super-segmental and activity character implies studying this personality's discourse in three aspects – *communicative-pragmatic, stylistic and culturological*. As parameters for the description, the author points out both quality characteristics of the speaker's linguistic personality (the type of the linguistic personality, the type of speech culture, communicative strategies and tactics, linguistic features, gender characteristics, communicative levels, speech-behaviour scenario) and genre parameters of media discourse structure (relevance to the «format», linguistic-culturological scenario, genre repertoire). The author comes to the conclusion that such a multi-component model can thoroughly describe the linguistic personality of any media person, taking into account the factors determining their speech behaviour.

Key words: media discourse; media person; linguistic personality; gender features; types of speech culture; types of linguistic personalities; genre repertoire; descriptive model of a linguistic personality.

Несмотря на то, что понятие языковой личности введено В.В. Виноградовым в научный оборот достаточно давно [5], интерес к этому феномену не только не угас, но, напротив, в

последние десятилетия даже усилился. В настоящее время стала очевидной необходимость разработки теоретических моделей описания языковой личности на основе комплексных

практических исследований в области речевого поведения *реального* носителя языка. Современной лингвистикой сделано достаточно много: теоретически осмыслены уровни структуры языковой личности [11], выявлены два ее основных признака – языковая способность и коммуникативная (речевая) компетенция [3; 12; 21], прослежено становление ее дискурсивного мышления [15], а также осуществлены попытки описания речевых портретов конкретных носителей языка [1; 2; 10; 14; 19]. Тем не менее, до сих пор отсутствует какая-либо конкретная модель, позволяющая всесторонне описать ту или иную языковую личность с учетом факторов, детерминирующих ее речевое поведение.

В большинстве работ, посвященных «человеку говорящему», языковая личность трактуется как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [11, с. 49]. Языковую способность называют высшей психической функцией человека, «базой для усвоения языка» [15, с. 300]. По мнению А.М. Шахнаровича, именно это психофизиологическое динамическое образование является «собственно человеческим приобретением в ходе эволюции и служит фундаментальным отличием человека от высших животных» [21, с. 392].

Качественной характеристикой языковой личности является коммуникативная компетенция, или система языковых и речевых знаний, умений и навыков личности, позволяющих оценивать степень владения языком. Л.П. Крысин выделяет четыре уровня коммуникативной компетенции: 1) собственно лингвистический, то есть умение выражать различными способами и средствами заданный смысл, затем извлекать смысл из сказанного и, наконец, отличать правильные в языковом отношении высказывания от неправильных; 2) национально-культурный – владение национально обусловленной спецификой использования языковых средств; 3) энциклопедический, определяющийся знаниями реалий внеязыковой действительности; 4) ситуативный, включающий умение применять соответствующие знания и способности сообразно с коммуникативной ситуацией [12, с. 408].

Формирование языковой личности подчиняется трем факторам влияния: социальному, национально-культурному и психологическому. Во-первых, личность есть средоточие и результат социальных закономерностей; во-вторых, она

представляет собой продукт исторического развития этноса; в-третьих, ее мотивационные предрасположения возникают из приспособления биологических побуждений, социальных и физических условий к психологической сфере человека [11]. Эти же факторы обуславливают и реальное речевое поведение отдельно взятого носителя языка. Поскольку любая ситуация, в которой оказывается говорящий, является, прежде всего, социальной ситуацией со своими законами и регламентированными обществом нормами и стандартами поведения, языковая личность обязана соотносить свои речевые поступки с коммуникативными условиями, иначе ее речевое поведение будет расценено как ненормативное или неуместное.

Данные нормы, традиции, стереотипы, правила и т. п. являются формами существования культуры, и наблюдения разных типов устной речи показали явную зависимость ее качества от принадлежности говорящего к тому или иному типу речевой культуры. Н.И.Толстой выделил две сферы действия литературного языка: элитарную речевую культуру, противопоставив ее просторечной, народной и арготической [17]. Думается, что сфера действия литературного языка намного шире проявления элитарной речевой культуры. О.Б. Сиротининой совместно с В.Е. Гольдиным было высказано предложение о выделении в сфере действия литературного языка, то есть при соблюдении говорящими и пишущими основных его норм, не только элитарной, но и «среднелитературной» речевой культуры, а для современного периода – литературно-разговорной и фамиллярно-разговорной, перестающих функционировать только в качестве неофициальных разновидностей элитарной (или «среднелитературной») речевой культуры и приобретающих в силу этого статус самостоятельных типов речевой культуры [6].

Однако уже в начале XXI столетия О.Б. Сиротинина вносит в свою классификацию показательные изменения. Так, ученый [16] выделяет следующие типы речевой культуры: **полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный, литературно-жаргонизирующий и обиходный.** Показательным в данном случае является уход от претенциозного элитарного типа и замена его более функциональным, а также совершенно справедливое выделение в отдельный тип литературно-жаргонизирующего. Последняя классификация позволяет, на наш взгляд, более точно определить уровень речевой культуры, прежде всего, представителей медиасреды.

Специфика носителей литературно-жаргонизирующего типа заключается в сознательном насаждении сниженной, часто даже безграмотной речи. Прежде всего, как реакция на советский официоз СМИ, у журналистов появилось естественное стремление к «человеческому языку», но это стремление привело к приходу в СМИ, особенно на телевидение, новых кадров, среди которых оказалось мало специально подготовленных журналистов, а много самоуверенных, раскованных людей, не имевших никакой лингвистической подготовки и, к сожалению, далеко не всегда носителей хотя бы неполнофункционального типа речевой культуры. Поэтому эталоном для них стала речь намеренно сниженная, с предпочтением литературным словам любого нелитературного слова: диалектного, просторечного, жаргонного.

На фоне общего невысокого уровня речевой культуры, часто явно не выше среднелитературного, жаргонизация публичной речи достигает запредельной частоты и уродливых форм. Большинство журналистов, конечно, носители не среднелитературного типа речевой культуры, некоторые, видимо, даже являются носителями полнофункционального типа (при опросах к таковым относят В. Молчанова, С. Сорокину, В. Познера), но типичен для многих именно литературно-жаргонизирующий тип, отличительной чертой которого является **сознательное** снижение речи из-за неправильного представления о хорошей журналистской речи. Правда ради справедливости следует отметить, что в последнее десятилетие заметно постепенное вытеснение литературно-жаргонизирующего типа из СМИ (особенно по текстам уважаемых газет и новостных передач ТВ).

Кроме того, важно представлять, каким образом хранятся в сознании личности традиции и стереотипы речевого поведения. К.Ф. Седов вслед за М. Минским полагает, что сознание говорящего организовано через жанровые фреймы и статусно-ролевые сценарии поведения [15]. В данном случае важно то, что эти речеповеденческие модели формируются на пересечении общественного социально-культурного опыта и индивидуального опыта личности: знания о стандартных речевых ситуациях и способах поведения в них внедряются в сознание человека в процессе его социализации, через активное личное освоение национальных традиций. А поскольку личность является индивидуальностью, выступает как носитель уникального социокультурного опыта, данный

фактор (психологический по своей природе) также будет детерминировать речевую деятельность.

Следовательно, можно говорить о том, что личность является носителем культуры, частью социума и индивидуальностью, потому в ее речевом поведении, а именно в порождаемых ею текстах, можно и нужно искать национально-культурные, социально обусловленные и индивидуальные составляющие. Текст (совокупность текстов), будучи главным средством самовыражения говорящего, несет в себе информацию о специфике мировосприятия данной языковой личности, ее ценностных ориентирах и особенностях поведения. «Особенности каждого продуцента выступают как условия образования ряда специфических черт каждого речевого поведения» [3].

По нашему мнению, первой задачей исследователя должно стать обнаружение в дискурсе языковой личности особенных, присущих только ей речевых форм и способов речевого поведения. Такая постановка проблемы требует сплошного обследования свода текстов личности с целью выявить наиболее характерные для нее приемы текстообразования, ее языковые предпочтения и «речевые доминанты» [13]. Действуя словом, говорящий сознательно или бессознательно отдает предпочтение определенным стратегиям и формам поведения. Именно эти формы и/или стратегии, или речевые доминанты, и предлагается разгадать исследователю.

Создание языкового портрета личности с установкой на поиск однотипных, повторяющихся фактов уровневого, суперсегментного и деятельностного характера предполагает изучение совокупности текстов (дискурса) данной личности в трех аспектах – коммуникативно-прагматическом, стилистическом и культурологическом [10].

Известно, что уже на начальном этапе создания текста языковая личность, пытаясь облечь свою мысль в определенную форму (словесную, невербальную и т.п.), отбирает средства и организует их так, как того требует, с одной стороны, ее индивидуальность, с другой – нормы и традиции поведения. Таким образом, предпочитаемые личностью средства и приемы оказываются формой эксплицирования знаний этой личности о мире и культуре, об обществе и своем месте в нем. Отбор языковых средств говорящим свидетельствует о личностной определенности, прежде всего ценностной, по отношению к действительности, о степени владения знаниями о мире и культуре.

Оценить, в какой степени языковая личность владеет языком в прагматическом плане, охарактеризовать «ситуативный уровень ее коммуникативной компетенции» (Л.П. Крысин), показать, насколько языковая личность усвоила социальные нормы и модели поведения, позволяет анализ дискурса говорящего в коммуникативно-прагматическом аспекте. Единицами анализа в данном случае будут используемые говорящим коммуникативные стратегии и тактики [9]. Их стандартность или индивидуальность, нормативность или ненормативность осмысляются на фоне совокупности правил общения, принятых в данном социуме. Эти единицы намного сложнее поддаются интерпретации, поскольку имеют не текстовую, а когнитивно-психологическую природу, однако они позволяют конкретизировать характеристику языковой личности, так как манифестируют ее ценностные позиции по отношению к партнерам по коммуникации, к предмету речи, к социальным условиям и выполняемым социально-коммуникативным ролям.

В нестандартных коммуникативных ситуациях языковая личность оказывается очень редко (особенно в контексте массмедиа). В основном речевая деятельность осуществляется по заранее известным сценариям. Сама ситуация и та роль, которую мы в ней играем, задают определенные границы. Имея в своем арсенале набор допустимых с точки зрения общественных норм речевых тактик, языковая личность выбирает те, которые в большей степени выражают ее индивидуальность. Анализ речевого поведения в данном случае предполагает обязательную опору на компоненты коммуникативной ситуации (адресант, адресат, их социальные роли и интенции; хронотоп, предмет речи и др.), определяющие речеповеденческий сценарий.

Типы речевого поведения отражают прежде всего уровни коммуникативной компетенции. К.Ф. Седов выделяет три таких типа (**конфликтный**, **центрированный** и **кооперативный**), каждый из которых включает в себя по два подтипа. Речевое поведение языковых личностей в рамках того или иного уровня коммуникативной компетенции может различаться [15]. Различие в языковых формах выражения иллокуции определяется особенностями индивидуального стиля участников коммуникации. К числу параметров дифференциации дискурсивного поведения можно отнести стратегические предпочтения в рамках фатического речевого поведения, которые отражают своеобразие воспитания

человека, специфику его речевой «биографии». Для этого мы прежде выделяем уровневую типологию форм (разновидностей) речевого поведения по характеру гармонизации / дисгармонизации коммуникативного взаимодействия в рамках интеракции. Основным критерием здесь выступает способность участника общения к согласованию своих речевых действий с речевыми действиями коммуникативного партнера [4].

Итак, К.Ф. Седов выделяет три типа речевых стратегий в коммуникативном конфликте и на их основе – три типа языковых личностей: **инвективный** (демонстрирует пониженную семиотичность речевого поведения: коммуникативные проявления здесь выступают отражением эмоционально-биологических реакций), **куртуазный** (отличается повышенной степенью семиотичности речевого поведения, которая обусловлена тяготением говорящего к этикетным формам социального взаимодействия) и **рационально-эвристический** (в ситуации конфликта опирается на рассудочность, здравомыслие; негативные эмоции выражает косвенным, непрямым способом, часто – в виде иронии) [15]. Однако для наиболее точного разделения людей по способности к кооперации в речевом поведении ученый вводит понятие «личностный комплекс», включающий в себя набор признаков по степени убывания: доминанту, субдоминанту и субстрат» [15, с. 309], например: личность с актуализаторской доминантой, конфликтной субдоминантой и активно-центрированным субстратом.

Кроме того, речевое поведение детерминировано и уровнем общения, предпочитаемым ЯЛ в той или иной коммуникативной ситуации. А.Б. Добрович выделяет следующие уровни общения: **примитивный**, **конвенциональный**, **манипулятивный**, **стандартизированный**, **игровой**, **деловой**, **духовный** [8]. Разумеется, каждый человек в соответствии с речевой ситуацией строит свое общение более чем на одном уровне или перескакивает с одного уровня на другой. Однако в ситуации публичного диалога чаще доминирует какой-то один уровень. Что касается массмедиального дискурса, то здесь чаще других встречаются *примитивный*, *конвенциональный*, *манипулятивный*, *стандартизированный* и *игровой* уровни общения при доминировании в последнее время **стандартизированного**, **манипулятивного** и **игрового**. Каждый из уровней в той или иной степени как характеризует речевой облик медиаперсоны в

целом, так и определяет речеповеденческий сценарий ЯЛ, активно формирующий «речевой портрет» последней.

Современное медиапространство открывает большие возможности для анализа языковых личностей – участников массмедийного дискурса, **медиаперсон**. При относительном многообразии существующих сегодня моделей описания языковой личности наиболее релевантной задачам исследования массмедийного дискурса является, на наш взгляд, модель М.А. Канчер, которая, как уже было отмечено выше, предлагает говорить о трех аспектах описания языковой личности: *стилистическом, коммуникативном и лингвокультурологическом* [10]. Именно эти параметры положены в основу разработанной нами трехкомпонентной модели описания языковой личности медиаперсоны.

Итак, возможная модель описания ЯЛ медиаперсоны может иметь следующие составляющие (см. рисунок):

- анализ речевого поведения ЯЛ в *стилистическом аспекте*, дополненный квалификацией принадлежности ЯЛ к определенному типу речевой культуры [16] и ее гендерными характеристиками;
- анализ речевого поведения ЯЛ в *коммуникативно-прагматическом аспекте*, расширенный описанием «личностного комплекса» ЯЛ [15] и уровня общения, который выбирает ЯЛ [8];
- анализ речевого поведения ЯЛ в *культурологическом аспекте*, предполагающий сопоставление речевого поведения с принятыми в данной культуре национальными традициями либо традициями различных культур с целью выявления в речевом поведении ЯЛ национальных элементов, дополненный характеристикой жанровых параметров медиадискурса и выявлением степени соответствия речевого поведения медиаперсоны «формату» программы, а также характерного для ЯЛ репертуара жанров [20].

Рис. Модель описания ЯЛ медиаперсоны

Fig. The model of describing the linguistic personality of a media-person

Такая многокомпонентная модель позволит, на наш взгляд, всесторонне описать ту или иную языковую личность медиаперсоны с учетом факторов, детерминирующих ее речевое поведение.

Список литературы

1. Аниськина Н.В. Языковая личность современного старшеклассника: Дис. ... канд. фил. наук. Ярославль, 2001. 288 с.
2. Бахвалова Л.Е. Жанрово-стилистический феномен коммуникативно-ролевого поведения адресанта-экскурсовода // Мир русского слова. 2009. №1. С. 71-75.
3. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Л., 1984. 31 с.
4. Борисова И.Н. Структура интенциональных конфликтных диалогов разговорного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. С. 72-77.
5. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избранные труды. М.: Наука, 1980. 358 с.
6. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: проблема культуры речи. Вып. 95. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 203-210.
7. Дементьев В.В. Фактические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. Саратов, 1997. С.34-44.
8. Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М.: Просвещение, 1987. 207 с.
9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 285 с.
10. Канчер М.А. О трех аспектах описания языковых личностей // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 312-319.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Высшая школа, 1987. 213 с.
12. Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык – культура – этнос. М., 1994. С. 401-409.
13. Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 311-317.
14. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. Монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2011. 370 с.
15. Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 298-312.
16. Сиротинина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. / Под ред. М.А. Кормилициной. Саратов, 2003. С. 3-19.

17. Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. М., 1991. С. 234-239.

18. Ухова Л.В. Параметры оценки эффективности текстов массовой коммуникации // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 63-67.

19. Ухова Л.В. Языковая личность спортивного комментатора: к вопросу о параметрах жанра комментария // Научное мнение. 2012. № 1. С. 37-42.

20. Федосюк М.Ю. Репертуар жанров речи радиоведущих музыкальных программ // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н.А.Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 196-206.

21. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 390-396.

References

1. Aniskina N.V. Linguistic Personality of a Modern Senior Pupil: Diss., ... candidate of philology. Yaroslavl, 2001. 288 p.

2. Bakhvalova L.E. Genre and Style Phenomenon in Communicative Role Behaviour of an Addressee-guide// The World of Russian Word. 2009. №1. Pp. 71-75.

3. Bogin G.I. The Model of Linguistic Personality in their Attitude to a Variety of texts: Autoabstract. Diss. ... doctor of philology. L., 1984. 31 p.

4. Borisova I.N. The Structure of Intentional Conflict Dialogues in Spoken Language// Problems of Speech Communication. Saratov, 2000. Pp. 72-77.

5. Vinogradov V.V. On the Language of Literary Prose: selected works. M.: Science, 1980. 358 p.

6. Goldin V.E., Sirotnina O.B. Intranational Speech Cultures and their Interaction // Stylistic Issues: The Problem of the Speech Culture. Issue 95. Saratov: Saratov university publishing, 1993. Pp. 203-210.

7. Demytyev V.V. Factual and Informative Communicative Plans and Communicative Intentions: The Problems of Communicative Competence and Typology of Speech Genres // Genres of Speech. Saratov, 1997. Pp.34-44.

8. Dobrovich A.B. To Educators on Psychology and Psychohygiene of Communication. M.: Prosveshcheniye, 1987. 207 p.

9. Issers O.S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech: Monograph. Omsk: Omsk State University, 1999. 285 p.

10. Kancher M.A. On three Aspects of Describing Linguistic Personalities // Culture-speech Situation in Modern Russia. Ekaterinburg, 2000. Pp. 312-319.

11. Karaulov Yu.N. The Russian Language and Linguistic Personality. M.: Higher school, 1987. 213 p.

12. Krysin L.P. Knowing the Language: Linguistic and Sociocultural Aspects // Language – culture – ethnos. M., 1994. Pp. 401-409.

13. Lyapon M.V. Linguistic Personality: Search for the Dominant // Language – system. Language – text. Language – ability. M., 1995. Pp. 311-317.

14. Malysheva E.G. Russian Sport Discourse: Linguistic Cognitive Research. Monograph. 2nd edition, M., FLINTA, 2011. 370 p.

15. Sedov K.F. Speech Behaviour and Types of Linguistic Personality// Culture and Speech Situation in Modern Russia. Ekaterinburg, 2000. Pp. 298-312.

16. Sirotinina O.B. Characteristics of Speech Culture Types in the Sphere of Literary Language // Problems of Speech Communication: Interuniversity collection of scientific papers. Issue 2. / Edited by M.A. Kormilitsina. Saratov, 2003. Pp. 3-19

17. Tolstoy N.I. Language and Culture (Some Problems of Slavic Ethnolinguistics) // The Russian Language and Modern Time. Problems and Prospects of Russian Philology. Part 1. M., 1991. Pp. 234-239.

18. Ukhova L.V. Effectiveness Assessment Parameters of Mass Communication texts //Yaroslavl State Demidov University Bulletin. Humanitarian Sciences. 2009. №2. Pp. 63-67.

19. Ukhova L.V. Linguistic Personality of a Sport Commentator: on the Parameters of Commentary Genre// Scientific opinion. 2012. № 1. Pp. 37-42.

20. Fedosyuk M.Yu. Speech Genres Repertoire of Radio Music Programme Presenters// Culture-speech Situation in Modern Russia / Edited by N.A. Krupina. Ekaterinburg: Ural University Publishing, 2000. P. 196-206.

21. Shakhnarovich A.M. Linguistic Personality and Linguistic Ability // Language – System. Language – Text. Language – Ability. M., 1995. Pp. 390-396.

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-72-77

Чиковани Т.В.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ПРОПОВЕДНИКА КАК ЗНАЧИМЫЙ ЛИНГВОФОРМАТ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОПОВЕДИ АРХИЕПИСКОПА СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО) «ПЕЧАЛЬ ЯЖЕ ПО БОЗЕ И ПЕЧАЛЬ МИРСКАЯ»)

старший преподаватель. Таврическая Академия Крымского Федерального Университета им.В.И.Вернадского, кафедра иностранных языков №2. просп. Вернадского, 4, Симферополь, 295007, Россия. tatiana_chikovani@yahoo.com

Аннотация. В статье предпринимаются попытки рассмотрения особенностей религиозного дискурса, рассматриваются различные подходы отечественных лингвистов к пониманию структуры языковой личности, проводится когнитивный анализ православной проповеди архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (В.Ф.Войно-Ясенецкого) «Печаль яже по Бозе и печаль мирская». В процессе анализа данной проповеди составлен список лексем-коллокатов, или ключевых слов, входящих в концептуальные поля «грехопадение», «скорбь», «покаяние», «наказание». На основании вышеприведенного списка выделены сверхчастотные лексемы-коллокаты, являющиеся когнитивными доминантами рассматриваемого текста: «печаль», «Бог», «мир», «покаяние», «смерть», «жизнь». Рассматриваются и сопоставляются стилистические приемы, к которым прибегает автор. Выявлены дискурсивные тенденции на основе дискурсивной активации лексем с общей семой. В итоге, определяется специфика стиля и особенностей языковой личности Святителя Луки в контексте отдельной проповеди.

Ключевые слова: когнитивная доминанта; концептуальное поле; лексема; религия; религиозный дискурс; сема; язык; языковая личность.

Chikovani T.V.

LINGUISTIC PERSONALITY OF AN ORTHODOX PREACHER AS A MEANINGFUL LINGUOFORMAT OF RELIGIOUS DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF THE SERMON "DISTRESS IN A WAY THAT GOD APPROVES AND THE WORLD'S KIND OF DISTRESS" BY ARCHBISHOP LUKA OF SIMFEROPOL AND CRIMEA (V.F. VOYNO-YASENETSKY))

Senior Lecturer. Department of Foreign Languages №2, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Russia. tatiana_chikovani@yahoo.com

Abstract. The article attempts to review the features of religious discourse as well as various approaches of the domestic linguists to understanding of a linguistic personality structure. It provides the cognitive analysis of the Orthodox sermon by Archbishop of Simferopol and Crimea Luka (V.F. Voyno-Yasenetsky) "Distress in a Way That God Approves and the World's Kind of Distress". In the process of the sermon analysis, a list of lexeme-collocates or keywords, entering the conceptual field of "a lapse from virtue", "distress", "repentance", "punishment", has been compiled. Based on the above list, such super-frequent lexeme-collocates as "God", "world", "repentance", "death", "life", which are the cognitive dominants of the text under consideration, have been marked. The author's stylistic devices have been considered and compared. Discursive tendencies on the basis of discursive activation of the lexemes with a common seme have been revealed. Finally, the specificity of Saint Luka's style and linguistic personality in the context of a single sermon has been characterized.

Key words: cognitive dominant; conceptual field; lexeme; religion; religious discourse; seme; language; linguistic personality.

Тема религии в российской науке, в силу известных причин, была предана забвению на протяжении многих лет, вплоть до конца XX века. Но в последние несколько десятилетий наблюдается значительный рост научных трудов, направленных на изучение религии в различных аспектах (философии, культурологии, психологии и т.д.). Неоспоримо возрастающий интерес к религии вообще и, в частности, к проблеме взаимодействия культуры, религии и языка, актуализируется также в активных попытках филологов и лингвистов, направленных на изучение и анализ религиозного дискурса, его концептосферы, а также места и характеристики языковой личности в религиозном дискурсе. Религиозный дискурс представляется, по сути, многогранным и емким видом коммуникативной ситуации, которую характеризуют особая специфика словоупотребления, состав концептосферы, а также уникальная роль языковой личности в рамках данного дискурса.

В связи с активным развитием лингвистической науки в рамках новой научной парадигмы, получившей название когнитивной, регулярно предпринимаются попытки изучения понятия дискурса в лингвистике. Среди лингвистов, в работах которых представлены исследования в данной области, – Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, В.И.Карасик, Е.С.Кубрякова, Г.Н. Манаенко, Е.А.Огнева, Л.С.Полякова, В.Е.Чернявская, Э.Бенвенист, Р.Водак, Т.А.Ван Дейк, П.Серио, М.Стаббс, Н.Фэрклау и др.

С позиций социолингвистики, В.И.Карасик выделяет два основных типа дискурса: «персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института» [5, с.287]. Среди типов институционального дискурса ученый выделяет педагогический, медицинский, политический, научный, религиозный и др.

В нашем случае, мы коснемся вопроса, который представляется в настоящее время недостаточно изученным, вопроса о религиозном дискурсе и проявлений в нем языковой личности. «Религиозный дискурс, вербально реализуя потребность человека в вере как концепте ценностной ориентации, является одним из важнейших проявлений человеческой деятельности» [11, с. 199].

Религия выступает одной из важнейших сфер социальной действительности, оказывая существенное влияние на ценностные ориентиры общества, что в свою очередь находит отражение в языке. Конец двадцатого века ознаменовался наступлением «оттепели», когда в России закончилась 70-летняя «апокалипсическая зима воинствующего безбожия» и люди потянулись в храмы, начав живо интересоваться вопросами православной веры, духовным наследием, доставшимся им от духовных наставников.

В силу существования неразрывной связи между языком и религией, все более насущной кажется необходимость описания и изучения языка религиозного дискурса.

Существенный вклад в изучение религиозного дискурса внесли такие лингвисты как И.В. Бугаева, Е.В. Бобырева, А.К. Гадомский, Д.А. Звездин, В.И. Карасик, А.П. Крысин и др., каждый из которых трактует понятие религиозного дискурса по-своему. Согласно мнению В.И. Карасика, «уникальная специфика религиозного дискурса состоит в том, что к числу его участников относится Бог, к которому обращены молитвы, псалмы, исповеди в ряде конфессий и т.д. и который выступает в качестве суперагента...» [5, с.221].

И.В. Бугаева выделяет пять основных существующих направлений в описании религиозного дискурса: 1) направление, отражающее терминологические различия в описании языка религиозного дискурса (религиозный язык, сакральный язык, культовый язык, молитвенный язык, язык церкви, религиозный дискурс, религиозный стиль, религиозно-проповеднический стиль, духовная словесность, религиозная коммуникация и т.д.; 2) разработка религиозного дискурса с позиций социолингвистики.

Религиозный дискурс представляет собой тип институционального дискурса, то есть специализированную клишированную разновидность общения, обусловленную социальными функциями партнеров и регламентированного как по содержанию, так и по форме. Цель религиозного дискурса – духовное общение, базирующееся на конкретных ценностях и нормах поведения; 3) теорлингвистика – относительно новое направление, «дисциплина, возникшая на стыке языка и религии, нацеленная на исследование проявлений религии, которые закрепились и отразились в языке» [4, с. 16]; 4) направление, связанное с теорией речевых жанров (проповедь,

молитва, этикетные жанры и т.д.); 5) направление, не ограничивающееся языком внутрицерковной коммуникации, исследующее речь верующих в различных ситуациях» [3, с.41]. В качестве одного из лингвоформатов религиозного дискурса, в нашем исследовании рассматривается языковая личность проповедника.

Сегодня, когда акцентируется внимание на связи языка и человека, на первый план выдвигается проблема языковой личности. Детальное изучение понятия языковой личности привело к возникновению множества определений. Такие лингвисты как Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин, В.И. Карасик, Сухих С.А., Зеленская В.В. рассматривают понятие языковой личности с разных системных позиций.

По мнению Ю.Н. Караулова, концепт языковой личности является сквозной идеей, «которая, как подсказывает опыт ее анализа и описания, пронизывает все аспекты изучения языка, и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку невозможно изучать человека вне его языка. Ю.Н. Караулов делит структуру языковой личности на три уровня: вербально-семантический, лингво-когнитивный (тезаурусный), прагматический (мотивационный). Г.И. Богин видит языковую личность как личность речевую. «В языковой личности преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека» [2, с. 3]. Сухих С.А., Зеленская В.В., в свою очередь, рассматривают языковую личность как личность коммуникативную [10, с. 64]. И, наконец, В.И. Карасик описывает языковую личность как личность словарную, этносемантическую [5, с. 4]. Каждая языковая личность обладает набором постоянных характеристик, которые, выступая в качестве доминант языкового сознания, определяют тип языковой личности.

«Цель религиозного дискурса состоит в приобщении к вере в рамках определенной конфессии (применительно к проповеди это призывы к вере и покаянию, назидание и утверждение в вере и добродетели, разъяснение вероучения). Ценности религиозного общения сводятся к ценностям веры, таким как, например, признание Бога, понимание греха и добродетели, спасение души, ощущение чуда, соблюдение обрядов. Специфика рассматриваемого дискурса состоит в том, что если в других типах

институционального общения ценности могут быть скрытыми, подразумеваемыми и выводимыми (с таким положением дел мы сталкиваемся, в частности, в деловом или научном дискурсе), то в религиозном общении суть дискурса состоит в открытом утверждении ценностей» [5, с. 321]. Для религиозного дискурса характерно наличие устойчивых связей между концептами, выраженными цитатами из Священного писания, фразеологизмами, афоризмами и высказываниями, типичными для тезауруса конкретной языковой личности.

По мнению С.В. Шепитько и М.С. Смирновой, «полное описание языковой личности в религиозном дискурсе в целях ее анализа и синтеза предполагает: 1) характеристику семантико-структурного уровня ее организации (либо исчерпывающее ее описание, либо описание, в котором делается акцент на индивидуальные отличия на фоне усредненного представления данного языкового строя); 2) реконструкцию языковой модели мира или тезауруса данной личности; 3) выявление жизненных доминант, установок, мотивов данной языковой личности, находящихся свое отражение, в частности, в процессах речепроизводства. Языковая личность является видом полноценного представления личности, вмещающим в себя и психический, и социальный, и этический, религиозный и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс. Именно поэтому при изучении и описании языковой личности в религиозном дискурсе необходим многоаспектный подход, так как предмет исследования отличается особой сложностью, многоплановостью и неоднозначностью интерпретации в современной лингвистике» [10, с. 198].

В.И. Карасик выделяет четыре жанра религиозного дискурса: молитва, проповедь, исповедь и обрядовое действие. Принимая во внимание, что проповедь является своеобразным примером публичного выступления (public speaking), и, учитывая тот факт, что, согласно мнению зарубежных специалистов в области публичных выступлений, каждое из таковых преследует одну из трех целей: развлечение, информирование, убеждение [7, с. 12], мы смеем утверждать, что для проповеди православного священника доминирующей целью является убеждение с элементами информирования.

В данной работе мы провели когнитивный анализ православной проповеди Святителя Луки Крымского (В.Ф. Войно-Ясенецкого) «Печаль яже по Бозе и печаль мирская» как элемента

религиозного дискурса. Целью нашего анализа является выявление специфики стиля и особенностей языковой личности Святителя Луки в контексте отдельной проповеди.

«На своем жизненном пути нам встречаются два типа людей. Одни во имя науки отрицают религию, другие ради религии недоверчиво относятся к науке. Встречаются и такие, которые умели найти гармонию между этими двумя потребностями человеческого духа. И не составляет ли такая гармония той нормы, к которой должен стремиться человек? Ведь обе потребности коренятся в недрах человеческой природы. И не в том ли кризис образованного человека, что у него "ум с сердцем не в ладу"? Не эта ли односторонняя "умственность" разъединила в России интеллигенцию и народ? И уже одно то, что в настоящее время под флагом науки, которая будто бы давно опровергла религию, преподносятся народу атеизм и антихристианство, заставляет нас глубоко обдумать и основательно решить вопрос: противоречит ли наука религии?» [8, с. 3-4]. Это диагноз, который поставил архиепископ Крымский Лука российской интеллигенции второй половины XX века, и нельзя отрицать, что мысль Святителя Луки, выдающегося архиерея, ученого, хирурга и величайшего русского святого-чудотворца о связи науки и религии звучит достаточно актуально и в нашем конкретном случае, когда мы продолжаем изучение языковой личности в религиозном дискурсе как науки и религии соответственно.

Фактическим материалом данного анализа послужила одна из проповедей Святителя Луки Крымского (В.Ф. Войно-Ясенецкого), «Печаль яже по Бозе и печаль мирская», произнесенная им в 1946 году в Симферополе, и открывающая сборник его проповедей раннего Симферопольского периода «Спешите идти за Христом».

Проведя анализ и выявив когнитивные доминанты, присутствующие в данной проповеди, мы попытались соотнести их с категорией языковой личности автора. Доминанта религиозного дискурса, как правило, рассматривается в непосредственной соотнесенности с категорией образа автора, которая представлена в тексте в виде системы доминант. Некоторые структуры дискурса можно отнести к явным (очевидным) доминантам, это прежде всего фрагмент в «сильной позиции». В нашем случае это само название проповеди, основанной на цитате из Второго Послания к Коринфянам Святого Апостола Павла, «Печаль

яже по Бозе и печаль мирская», где лексема «печаль» выступает в качестве явной доминанты. Неявные же доминанты обнаруживаются, прежде всего, в дефинициях. Явные и неявные доминанты имеют первостепенное значение для реконструкции образа автора художественного текста.

Таким образом, нам удалось проследить следующие тенденции, характерные для данной проповеди:

1) дискурсивная активация лексем, включающих сему *религиозной/духовной жизни*, или христианские символы, обозначающие религиозные начала: *Бог, Христос, сатана, скорбь, грех, участь, покаяние, спасение, виновность, молитва, кара, смерть, погибель, слезы, духовный, ближний, мирской*. В качестве синонима к христианскому символу *Бог* употребляется символ *Христос*, в качестве антонима - символ *Сатана*. Символы *покаяние, слезы и виновность*, а также символы *участь, кара, смерть, погибель* выстроены в синонимический ряд.

2) дискурсивная активация лексем с общей семой *греховность/преступление*: *неправда, воровство, убийство, разврат, ложь, утехи мира, преступление, утроба, грех, виновность, недостойнство, попирает*. В тексте мы можем наблюдать гиперо-гипонимическую парадигму, где символ *грех* и его синоним *преступление* выступают как гиперонимы гипонимических символов *неправда, воровство, убийство, разврат, ложь*. В дальнейшем, Святитель Лука обобщает эти концепты метафорой «*полная катастрофа*». Обличая мирские грехи, автор выстраивает следующую синонимическую парадигму: *люди погибшие, несчастные, нечестивые, неверующие во Христа*. Здесь факт отступления людей от веры выступает в качестве неявной когнитивной доминанты, вызывая высокую степень озабоченности и выражается следующими словами Святителя: «...ни во что не верят...», «...живет без Бога...», «...не верующие во Христа...», «...молодежь не знает ничего о Боге...», «...знать не хотят о пути спасения...», «...ничего не ведают о духовной жизни...». «... не молятся...», а также метафоричными выражениями «...сходим с пути Божия...», «...весь мир идет по пути, далекому от Христа...».

3) дискурсивное акцентирование семы *наказание/кара за грехи*: *кара, смерть, погибель, тюрьмы, ссылки, изгнания*. Здесь автор переходит от общехристианских символов *кара, смерть,*

погибель к общесоциальным лексемам *тюрьмы, ссылки, изгнания*, выступающим в синонимическом значении. Именно в этой тенденции выявляются внешние, социальные факторы, оказывающие влияние на личность непосредственно автора, которому выпало пережить неоднократные аресты, тюрьмы, ссылки, изгнания и лагеря и концепт *кара* приобретает новое значение. Употребление Святителем Лукой вышеприведенных символов свидетельствует об острой, незаживающей боли, пережитой им в недалеком прошлом, что нашло свое отражение в языковой экспрессивности его личности. Автор прибегает к таким интенсификаторам экспрессивности языка как повторение эмоционально-окрашенных эпитетов для описания синонимических понятий: *страшная кара, страшно* попасть в тюрьму, *страшно*; *смерть вечная, погибель вечная*.

4) дискурсивная выраженность внимания к *нравственной сфере: утехи, благосостояние, богатство, блаженство, благополучие, блага, недостойнство, погибшие*. Здесь автор выступает обличителем нравственного состояния современного и чуждого ему мирского общества. Обличая мирян в их озабоченности *«богатством, блаженством, благополучием в этой жизни, земным благосостоянием»*, Святитель Лука прибегает к использованию аллегории *«золотой телец»*, как известно, золотой телец, являясь символом власти, алчности, богатства, противоречит общепринятым христианским ценностям. Еще одно аллегорическое выражения автора – *«...их предположения, направленные к тому, чтобы обеспечить свое земное благосостояние, рушатся, как карточные домики»*, чем он хочет подчеркнуть временность и бесполезность мирских ценностей.

5) активность лексем, передающих *эмоциональное состояние автора*, выражающего свое негодование по поводу окружающей действительности отражена в использовании ряда эпитетов и повторений в качестве стилистических приемов: *«непрерывная скорбь, тяжкая-тяжкая скорбь»*, *«...глубокие-глубокие слова...»*, *«...ложь...страшная ложь, всепронитывающая ложь...»*, *«...часто-часто постигает печаль...»*; *«...это святое и спасительное чувство покаяния...»*, *«...молитва покаянная, молитва слезная, молитва о всех...»*, где лексема *слезы* олицетворяет *покаяние* искреннее.

В процессе анализа данной проповеди нами был составлен список лексем-коллокатов, или ключевых слов, входящих в концептуальные поля

«грехопадение», «скорбь», «покаяние», «наказание»: печаль (22), Бог (9), мир(6), покаяние (5), смерть (5), жизнь (5), люди (4), Христос (4), молитва (4), мирской(4), скорбь (3), виновность (3), ложь (3), благосостояние (3), страшный (3), слезы (3).

На основании вышеприведенного списка нам удалось выделить 6 сверхчастотных лексем-коллокатов, являющихся когнитивными доминантами рассматриваемого текста: печаль, Бог, мир, покаяние, смерть, жизнь.

Таким образом, мы приходим к выводу, что автор в данной проповеди видится глубоко эмоциональной и экспрессивной языковой личностью, выступающей обличителем греховности мирян и мирской жизни, истинным ревнителем канонической чистоты православной веры. Об этом свидетельствует множество стилистических приемов и выразительных средств, к которым прибегает Святитель Лука, примеры которых приведены нами выше. В целом, можно сказать, что вся проповедь Святителя Луки В.Ф.Войно-Ясенецкого основывается на противопоставлении *земного и Божественного*, что автор выражает противопоставлением *печали мирской с печалью по Бозе*.

Список литературы

1. Балашова Е.Ю. Лингвокультурная доминанта православного субдискурса по материалам национального корпуса русского языка // Филологические науки. 2014. № 9. С. 2798-2801.
2. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. АДД. Л. 1984.
3. Бугаева И.В. К вопросу о методологических и теоретических основах изучения религиозной коммуникации // Церковь и проблемы современной коммуникации: Сб. ст. – Нижний Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2007. С. 39-53.
4. Гадамский А.К. Теорлингвистика: история вопроса // Учен. зап. ТНУ. Т. 18 (57). № 1. Филология. Симферополь: ТНУ, 2005. С. 16-23.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
7. Кинг Барни. Тоастмастер. Том 68. № 12 (декабрь, 2002): с. 12-13.
8. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Симферополь: ООО «Форма», 2013. 160 с.
9. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Спешите идти за Христом. Проповеди в Симферополе (1946-1948). Краматорск: Тираж-51, 2009. 240 с.
10. Сухих С.А., Зеленская В.В. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций. Краснодар, 1997.

11. Шепитько С.В., Смирнова М.С. Языковая личность в религиозном дискурсе // *Science and Education a New Dimension: Philology*. 2013. № 13. С. 198-201.

12. Яхнева Ф.О. Реализация концепта «The Lord's Entry into Jerusalem» в англоязычном дискурсе православного проповедника // *Вестник ТвГУ. Серия «Филология»*. 2015. №2. С. 236-240.

Ссылки на электронные ресурсы

13. Бондарева, Л. М. Текст и дискурс как понятийные категории / Бондарева Л. М. // *Язык. Текст. Дискурс. - Электрон. дан.* 2009. № 7. С. 91-97. Режим доступа: <http://elibrary.ru> (дата обращения: 15.10.2015).

14. Миронова Н.К. Религиозный дискурс, религиозный социолект и религиозный стиль – к проблеме определения понятия. URL: <http://www.mediascope.ru/node/756> (дата обращения: 05.11.2015).

15. Проповедническая деятельность архиепископа Луки. URL: <http://hram-vsr.ru/index.php> (дата обращения: 19.11.2015).

16. Шафеева О. А. Проповедь как дидактический жанр. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading / 2008/ V/uch_ 2008_ V_00045.pdf (дата обращения: 05.11.2015).

17. Щукина И.Н. Текстовые методики исследования религиозного дискурса (на материалах телевизионных проповедей митрополита Кирилла, проповедей протоиерея Димитрия Смирнова). URL: <http://www.mediascope.ru /node/776> (дата обращения: 08.11.2015).

References

1. Balashova E.Y. The Linguocultural Dominant of the Orthodox Subdiscourse on the Materials of National Corpus of Russian Language // *Philological Sciences*. 2014. № 9. Pp. 2798-2801.

2. Bogin G.I. The Linguistic Personality Model in Respect to Text Varieties// *ADD. L.* 1984.

3. Bugaeva I.V. About Methodical and Theoretical Bases of the Religious Communication Study // *Church and the Problems of Modern Communication: Sb. st. – Nizniy Novgorod: Nizegorodskaya Duhovnaya Seminariya*, 2007. Pp. 39-53.

4. Gadowskiy A.K. Theolinguistics: Historical Approach // *Uchen. Zap. TNU. V. 18 (57). № 1. Filologia. – Simferopol: TNU, 2005. Pp. 16-23.*

5. Karasik V.I. *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.

6. Karaulov U.N. *Russian Language and Linguistic Personality*. M.: Nauka, 1987. 263p.

7. King Barney. *The Toastmaster*. Volume 68. № 12 (December, 2002): p. 12-13.

8. Saint Luka (Voyno-Yasenetsky). *Science and Religion*. Simferopol: ООО «Forma», 2013. 160 p.

9. Saint Luka (Voyno-Yasenetsky). *Hasten to Follow Christ*. Simferopol Sermons. (1946-1948). Kramatorsk: Tirazh-51, 2009. 240 p.

10. Shepit'ko S.V., Smirnova M.S. Linguistic Personality in Religious Discourse // *Science and Education a New Dimension: Philology*. 2013. № 13. Pp. 198-201.

11. Suhil S.A., Zelenskaya V.V. The Representative Essence of Personality in the Communicative aspect of realization. Krasnodar, 1997.

12. Yahneva F.O. Realization of concept «The Lord's Entry into Jerusalem» in English-language discourse of an Orthodox Preacher // *Vestnik TvGU. «Philology» series*. 2015. №2. Pp. 236-240.

Electronic Resources

13. Bondareva L.M. Text and discourse as conceptual categories / Bondareva L.M. // *Language . Text. Discourse . Electron. Data.* 2009. № 7. Pp 91-97 . - URL : <http://elibrary.ru> (date of access: October 15, 2015).

14. Mironova N.K. Religious Discourse, Religious Sociolect and Religious Style – to the Problem of the Style Concept Definition URL: <http://www.mediascope.ru/node/756> (date of access: November 15, 2015).

15. Preaching Activity of Archbishop Luka. URL: <http://hram-vsr.ru/index.php> (date of access: November 19, 2015).

16. Shafejeva O.A. Sermon as a Didactic genre. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading / 2008/ V/uch_ 2008_ V_00045.pdf (date of access: November 5, 2015).

17. Schukina I.N. Textual Techniques of Religious Discourse Analysis (on the materials of Metropolitan Kirill's TV Sermons, Archpriest Dimitry Smirnov's Sermons). URL: <http://www.mediascope.ru/node/776> (date of access: November 8, 2015).